

**УГОЛОВНОЕ
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Материалы

*V межведомственной научно-практической конференции
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, г. Москва, 15 ноября 2019 г.)*

*Москва
Юриспруденция
2020*

УДК 343
ББК 67.408
У 26

Редакторы:

Кувалдин Валерий Павлович, заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор (отв. редактор)

Плешаков Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор

Билоус Евгений Николаевич, кандидат юридических наук, профессор

Шкабин Геннадий Сергеевич, доктор юридических наук, доцент

Рецензенты:

Готчина Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор
(г. Санкт Петербург);

Кудрявцев Алексей Вадимович, доктор юридических наук, доцент (г. Владимир).

У 26 Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы V межведомственной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2019г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. – Москва: ИД «Юриспруденция», 2020. – 155 с.

ISBN 978-5-9516-0876-5

Сборник научных статей составлен по результатам V межведомственной научно-практической конференции «Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования», которая состоялась 15 ноября 2019 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. Материалы охватывают различные аспекты межотраслевых связей двух отраслей законодательства и науки.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Издание предназначено для научных и педагогических работников, сотрудников правоохранительных органов, аспирантов и магистрантов юридических вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Борков В.Н. Квалификация последствий провокации преступления	6
Боровиков В.Б., Боровикова В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности	13
Васильев Э.А. Актуальные проблемы документирования организованной преступности в экономической сфере	18
Волченков В.В., Кислый О.А. Проблема уголовно-правовой оценки приобретения огнестрельного оружия при проведении оперативно-разыскного мероприятия	24
Галахов С.С. Уголовно-правовое обеспечение осуществления оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы совершенствования	28
Горяинов К.К. К вопросу об интеграции отдельных положений уголовного и оперативно-разыскного законодательства	41
Динька В.И. Провокация и оперативный эксперимент: границы законного и противоправного поведения	45
Дмитренко А.П. Пробелы легитимного определения провокации преступления в законодательстве Российской Федерации	55
Железняк Н.С. Проблемы провокации преступлений при проведении оперативно-разыскных мероприятий в решениях Европейского Суда по правам человека	59
Иванов П.И., Шитов А.С. Проблемы межотраслевых связей уголовного и оперативно-разыскного законодательства	64
Ларичев В.Д. Оперативно-разыскное предупреждение преступлений в сфере экономики	70

Мирзоев Г.Б. Проблема провокации преступлений и меры противодействия ей	77
Михайлов В.И. Развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в постановлениях пленумов высших судебных органов страны	82
Омелин В.Н. Проблемы совершенствования норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»	94
Петрянин А.В. Уголовная политика как вектор оперативно-розыскной характеристики деяний экстремистского толка	101
Шкабин Г.С. Постмодернизм межотраслевых связей уголовного права и оперативно-розыскной деятельности	105
Алешина-Алексеева Е.Н. Сложности квалификации незаконного получения кредита, выявленного в результате оперативно-розыскной деятельности	113
Бегунов А.Ю., Лапунова Ю.А. Проблемы адресной оперативно-розыскной профилактики в отношении лиц, подверженных влиянию идеологии терроризма и экстремизма	117
Голубов И.И. Значение вида оперативно-розыскного мероприятия для квалификации незаконного оборота наркотиков	121
Ивенин В.О. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности	130
Лапунова Ю.А., Бегунов А.Ю. Влияние несовершенства уголовно-правового законодательства на осуществление оперативно-розыскной деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых на религиозной почве	135
Луценко Е.В. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел	

по предупреждению краж и угонов автотранспортных средств	139
<i>Петроченков С.Д.</i>	
Актуальные вопросы отнесения технических устройств к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации	145
<i>Теткин Д.В.</i>	
Оперативно-разыскные аспекты противодействия отдельным видам мошенничества	151

Борков Виктор Николаевич,

начальник кафедры уголовного права

Омской академии МВД России

доктор юридических наук, доцент

Квалификация последствий провокации преступления

Часто последствия провокационно-подстрекательских действий сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, не ограничиваются мнимыми показателями их служебной деятельности, а состоят в причинении существенного вреда правам избранных незаконным путем граждан. Проблемы квалификации возникают в ситуациях, когда ни текст специальной нормы, ни ее санкция, не предусматривают тяжких последствий, которые наступили в результате совершения посягательства. В подобных случаях оценки преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, следователи и судьи сталкиваются с конкуренцией общей и специальной норм, порядок разрешения которой ранее в теории уголовного права не исследовался. Например, в своем обращении в Конституционный Суд РФ гражданин Д.А. Сугробов, ставя вопросы о конституционности ряда уголовно-правовых норм, фактически указывает на неверное применение правил конкуренции при квалификации преступлений. В частности, по мнению заявителя, совершенные им одни и те же действия были ошибочно квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 304 УК РФ, которые соотносятся как общая и специальная нормы, что противоречит ч. 3 ст. 17 УК РФ. Также Д.А. Сугробов считает, что следующее за «провокацией взятки» незаконное привлечение «спровоцированных» лиц к уголовной ответственности, их задержание, незаконное заключение под стражу и содержание под стражей, которые были признаны тяжкими последствиями превышения должностных полномочий, «возникают исключительно от действий лиц, осуществляющих уголовное преследование»¹.

Вопрос об учете вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, при квалификации действий оперативных сотрудников, совершивших «провокацию», следует признать достаточно сложным. В определении Конституционного Суда разъясняется: «Имея в виду логику построения уголовного закона, включая общие и специальные, а равно обычные и квалифицированные его составы, отсутствие в статье 304 УК РФ такого отягчающего ответственность признака, как совершение провокации взятки или коммерческого подкупа с использованием должностного (служебного) положения (признака, объективно делающего деяние более опасным, чем обычная такая провокация), не позволяет предположить, что провокация взятки или коммерческого подкупа должна поглощать преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 286 УК РФ, при их сопряжении в

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 1404-О // СПС КонсультантПлюс.

содеянном, а принимая во внимание максимальное наказание в санкции этой нормы (лишение свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет) в сравнении с санкцией его ст. 304 (лишение свободы на срок до пяти лет с лишением указанного права на срок до трех лет или без такового), нет оснований исходить из того, что законодатель предполагал уменьшить ответственность за более опасное преступление только лишь потому, что оно выразилось в такой провокации»¹.

Позиция, согласно которой в каждом случае совершения должностным лицом преступления, в составе которого отсутствует прямое указание на использование субъектом своего служебного положения, действия виновного должны быть дополнительно квалифицированы еще и как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), является спорной. Наиболее очевидна ошибочность такого подхода, если речь идет о сотрудниках органов внутренних дел. По общему правилу признаки преступления могут иметь значение для квалификации, если они предусмотрены в основном или квалифицированном составе, а также учитываться при назначении наказания. При совершении провокации взятки сотрудником оперативно-разыскного подразделения органов внутренних дел, особенности субъекта будут учтены путем констатации наличия обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В противном случае существование данной нормы не имеет смысла.

Фактически смежной нормой по отношению к ст. 304 УК РФ является ч. 4 ст. 303 УК РФ, предусматривающая ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2018 г. за совершение преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, было осуждено 4 человека, а ч. 4 ст. 303 УК РФ – 11 (форма № 10-а). В отличие от ст. 304 УК РФ, субъект которой прямо в законе не определен, исполнителем преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, выступает лицо, «уполномоченное на проведение оперативно-разыскных мероприятий». Таким образом, при фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности уже учтено использование виновным служебного положения, как «признака, объективно делающего деяние более опасным». При этом, в ст. 304 УК РФ максимальное наказание в виде лишения свободы предусмотрено на срок до пяти лет, а в ч. 4 ст. 303 УК РФ – до четырех лет.

Провокацию взятки в редакции ст. 304 УК РФ можно рассматривать как фактическую, материальную предпосылку фальсификации результатов

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 1404-О // СПС КонсультантПлюс.

оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). Статья 304 УК РФ предусматривает ответственность за попытку передачи должностному лицу без его согласия материальных ценностей, т.е. их физическое «подкладывание», в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Провокация взятки (ст. 304 УК РФ) совершается в целях искусственного создания доказательств совершения преступления. Но это не означает, что совершение данного посягательства только предшествует, например, фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности. Подобным образом разбой, представляющий собой нападение в целях хищения чужого имущества (ст. 162 УК РФ), не предшествует хищению, а является таковым.

Часто в основе фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности лежит именно провокация, а точнее провокационно-подстрекательские действия. Заметим, термин «провокация» не соответствует существу преступления, предусмотренного в ст. 304 УК РФ. При его совершении никто никого ни на что не провоцирует, виновный только имитирует получение взятки потерпевшим, хотя никто ничего не получает. Правильно под провокацией преступлений понимать прямое или косвенное склонение лица к совершению действий, запрещенных уголовным законом, в целях последующего привлечения к ответственности. Действующее законодательство однозначно запрещает сотрудникам правоохранительных органов провоцировать граждан на совершение преступлений, поэтому полученные путем провокации «результаты» оперативно-разыскной деятельности являются сфальсифицированными. Субъект преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, фальсифицирует результаты оперативно-разыскной деятельности «в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления». Поэтому, требует разрешения проблема учета вреда, причиняемого потерпевшему от незаконного уголовного преследования, и возможности квалификации действий виновного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

С точки зрения Е.Г. Быковой и С.А. Яшкова, в случае подбрасывания должностным лицом потерпевшему наркотических средств, «...содеянное надлежит оценивать по совокупности двух преступлений – как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) либо фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и как соответствующее преступление против здоровья населения и общественной нравственности»¹. Высший орган конституционного контроля, напротив, допускает вменение оперативным сотрудникам кроме ч. 4 ст. 303 УК РФ еще и статьи, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий, повлекшее тяжкие последствия, для того чтобы именно эти

---

¹ Быкова Е.Г., Яшков С.А. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 27.

последствия учесть. Последние, в частности, могут состоять в продолжительном применении к спровоцированному меры пресечения в виде заключения под стражу, а также в последующем незаконном осуждении. «Нет оснований исходить из того, – отмечается в определении, – что законодатель предполагал уменьшить ответственность за более опасное преступление только лишь потому, что оно выразилось в такой провокации»¹. Считаем, что при решении сложных вопросов квалификации в первую очередь следует руководствоваться буквой закона, а уже затем делать предположения о намерениях законодателя. Нельзя исправлять противоречащей доктринальным правилам квалификацией ошибки законодателя, не предусмотревшего по аналогии с фальсификацией доказательств (ч. 3 ст. 303 УК РФ), тяжких последствий от фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.

Например, в соответствии со ст. 24 УК Киргизской Республики, устанавливающей специальные правила квалификации преступлений, «в случае, когда в результате совершенного лицом умышленного или неосторожного преступления наступил особо тяжкий вред, который прямо не указан в качестве признака состава преступления, квалификация осуществляется по статье (части статьи) Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей совершенное лицом деяние, и по соответствующей статье... предусматривающей ответственность за убийство или причинение смерти по неосторожности, доведение до самоубийства либо склонение к самоубийству». Но если ч. 4 ст. 303 УК РФ и ст. 304 УК РФ предусматривают специальные виды должностного превышения (ст. 286 УК РФ), то подразумеваемые киргизским законодателем нормы не являются специальными по отношению к убийству или причинению смерти по неосторожности. Статья 22 УК КР также как и ч. 3 ст. 17 УК РФ указывает на недопустимость одновременно применения статей, предусматривающих ответственность за общую и специальную норму.

С другой стороны, если превышение должностных полномочий рассматривать как общую норму по отношению к фальсификации результатов оперативно розыскной деятельности, а следствием такой фальсификации стало самоубийство потерпевшего, то можно ли здесь говорить о конкуренции, ведь содеянное полностью охватывается только п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Поводом для такого допущения может служить ч. 1 ст. 22 УК КР, где определено: «Специальной является норма, которая предусматривает ответственность за то же деяние, что и общая, но содержит дополнительные признаки состава преступления, которых нет в общей норме». То есть, специальная норма должна содержать все признаки общей, а в ч. 4 ст. 303 УК РФ указание на тяжкие последствия отсутствует. Между тем, является ли наличие в посягательстве каких-то не предусмотренных в тексте соответствующей нормы признаков препятствием для ее применения?

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2018 г. № 1404-О // СПС КонсультантПлюс.

Главное, чтобы в содеянном содержались все признаки состава инкриминируемого преступления.

В исследуемом аспекте интересен комментарий П.С. Яни к решению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая руководствуясь правилами конкуренции преступлений, предусмотренных общей и специальной нормами, исключила из квалификации действий лица, ранее осужденного по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 303 УК РФ, норму о злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). «Такое решение представляется спорным, – пишет П.С. Яни, – поскольку специальная норма должна иметь больше признаков, нежели общая. В этом же случае как раз наоборот: описание состава должностного злоупотребления включает больше объективных (общественно опасные последствия) и субъективных (мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности) признаков. Тем не менее можно считать, что приведенная позиция в целом закрепились в судебной практике»¹. Соглашаясь с общим подходом, отметим, что при уяснении содержания составов преступлений следует видеть не только признаки, непосредственно указанные в уголовном законе, но и латентные качества запрещаемых посягательств. Например, латентным признаком убийства является незаконность причинения смерти, субъективная сторона получения взятки характеризуется корыстной целью, а такие преступления против правосудия как незаконное привлечение к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), а также фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) и провокация взятки (ст. 304 УК РФ) не могут не иметь корыстной или иной личной заинтересованности. Личная заинтересованность им имманентно присуща. Преступник не может быть освобожден от уголовной ответственности, а чиновнику не может быть «подброшена» «взятка» в интересах общества. Все перечисленные посягательства, безусловно, существенно нарушают интересы личности, общества и государства. Об этом убедительно свидетельствуют разъяснения содержания «существенности» нарушения прав субъектов общественных отношений, содержащиеся в п. 18 постановления Пленум Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». Но как было показано выше, проблема конкуренции значительно обостряется, когда последствия от должностного преступления, предусмотренного специальной нормой, явно выходят за рамки существенного нарушения прав потерпевших и соответствуют категории тяжких. А тяжкие последствия предусмотрены только в качестве признака квалифицированного состава общей нормы.

Основной причиной такого явления как конкуренция уголовно-правовых норм является осуществляемые законодателем уточнение и дифференциация ответственности. Конкурировать могут не только нормы, предусмотренные различными статьями УК РФ, специальными по отношению

---

¹ Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 11. С. 41.

к основным составам являются расположенные в одной статье нормы, описывающие соответствующие преступления, совершенные при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. Таким образом, в исследуемом контексте можно ставить вопрос о соперничестве двух разновидностей конкуренции общей и специальной норм. Применительно к исследуемой ситуации, превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ), с одной стороны конкурирует с фальсификацией результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ, с другой – с должностным превышением, повлекшим тяжкие последствия (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Выбирая между двумя видами конкуренции, следует исходить из приоритета содержания состава преступления над выраженной в наказании оценкой общественной опасности соответствующего ему посягательства. Именно признаки состава, а не карательный ресурс санкции нормы в первую очередь учитываются при квалификации преступлений. Хотя и санкция также имеет значение, например, для уяснения содержания оценочных признаков. То есть значение санкции в процессе квалификации, опять же, сводится к содержательному прояснению признаков состава преступления. Причем сначала преступление квалифицируется по признакам основного состава, а уже за тем решается вопрос о наличии имеющих значение для квалификации отягчающих обстоятельств. Трудно отрицать, что квалифицированные составы также содержательны за счет введение специальных, обеспечивающих перепад общественной опасности признаков, но все они уточняют общую норму.

Выбор между конкурирующими нормами – это всегда разрешение конкретной правоприменительной ситуации. О конкуренции можно говорить «только применительно к уголовно-правовой оценке конкретного преступления»¹. Но важно понимать, что при квалификации преступлений конкурируют не конкретные общественно опасные посягательства, а уголовно-правовые нормы. Преимущество специальных норм над общими, объясняется более высокой степенью «определенности уголовно-правового запрета». С точки зрения А.В. Наумова, указание на «определенность уголовно-правового запрета» должно содержаться в ст. 3 УК РФ, конкретизируя принцип законности². Признание фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и провокации взятки специальными видами превышения должностных полномочий влечет за собой выбор именно этих норм в процессе квалификации. «Важно помнить, – пишет Н.Г. Кадников, – что мы не создаем новой модели преступления, а лишь выявляем элементы и признаки существующей законодательной конструкции

---

¹ Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2018. С. 177.

² Наумов А.В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 94.

для сопоставления с признаками совершенного деяния»¹. То, что законодатель не предусмотрел применительно к данным посягательствам (ч. 4 ст. 303 УК РФ, ст. 304 УК РФ) в качестве отягчающего обстоятельства наступление тяжких последствий, свидетельствует о его нежелании дифференцировать ответственность за их совершение или о том, что он возможности наступления тяжких последствий просто не предвидел. В исследуемой ситуации преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 303 УК РФ и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, не образуют ни реальную, ни идеальную совокупность. Квалификация деяния должностного лица по двум нормам предполагает назначение наказания отдельно за каждое из них. Учитывая, что совокупность в исследуемой ситуации явно отсутствует, «двойная» квалификация противоречит принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Непредвидение законодателем непосредственных и отдаленных тяжких последствий провокации взятки и фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности не может быть основанием для нарушения правил квалификации и прав преступивших закон сотрудников оперативных подразделений.

Список литературы

Быкова Е.Г., Яшков С.А. Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2.

Наумов А.В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1.

Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2018.

Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2018.

Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 11.

---

¹ Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2018. С. 17.

Боровиков Валерий Борисович,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской
Федерации, профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
Боровикова Виктория Валерьевна,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Проблемы освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности

Эффективность противодействия террористической деятельности зависит от комплекса взаимосвязанных мероприятий социально-экономического, организационного, оперативно-разыскного, правового характера¹. Причем нельзя делать ставку только на жесткость уголовно-правовой репрессии. Меры принуждения должны сочетаться с мерами убеждения, предупреждения. Поэтому российское уголовное законодательство предусматривает ряд положений, стимулирующих поведение лиц, принимавших участие в террористической деятельности, но внесших свой вклад в ее прекращение, предотвращение, раскрытие и иную минимизацию негативных последствий подобного общественно опасного поведения².

Среди таких уголовно-правовых норм следует особо выделить содержащуюся в Примечании к ст. 205 УК РФ. Согласно этому Примечанию, лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

К сожалению, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической

---

¹ В 2018г. во всем мире было зарегистрировано примерно 10 000 террористических актов. См.: Егоров И. Мир без опасности // Р.Г. 2019. 16 января.

² См. об этой проблеме, например: Жабский В.А., Кузнецов В.А. Некоторые аспекты уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при осуществлении оперативно-разыскной деятельности // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы IV межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 30 ноября 2018г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. - М.: ИД Юриспруденция, 2019, с. 46-49.

направленности»¹ не дал разъяснения по поводу содержания этого примечания, хотя ситуация, изложенная в нем, заслуживала этого².

Так, возникает вопрос, связанный с уяснением понятия «лица, участвовавшего в подготовке террористического акта». Ясно, что это лицо, в поведении которого усматриваются признаки состава приготовления к теракту. Но, если таких лиц несколько, то ими могут быть соисполнители, организаторы, подстрекатели, пособники. На них также распространяется положение, сформулированное в Примечании к ст. 205 УК РФ, исходя из буквального толкования уголовного закона.

В отличие от положений о добровольном отказе, сформулированных в ст. 31 УК РФ в отношении пособника, следуя логике законодателя, правило о том, что пособник не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (даже в случае бесполезности его действий), не работает. Пособник, как и другие соучастники, принимавшие участие в подготовке теракта, признается совершившим преступление (т.е. приготовление к теракту), и освобождается от уголовной ответственности только в случае, если своевременным предупреждением органов власти (судя по всему, любых органов государственной власти, местного самоуправления) или иным способом способствовало предотвращению теракта и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Трудности возникают в связи с уяснением содержания этого «иного способа» предотвращения теракта. Отметим, что они возрастают, если в ситуации, о которой идет речь в Примечании к ст. 205 УК РФ, оказывается внедренный в группу (объединение) террористов оперативный сотрудник правоохранительных органов (или лицо, привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность), призванный не допустить совершения теракта.

На наш взгляд, в подобном случае «иной способ» предотвращения террористического акта должен трактоваться достаточно широко, включая самые радикальные меры. Например, в качестве «иного способа» предотвращения теракта признавать и такие ситуации: оперативному сотруднику, внедренному в группу террористов, по заданию руководителей этого преступного объединения поручено принять участие в осуществлении взрыва железнодорожного полотна, чтобы произвести крушение пассажирского поезда. В решающий момент оперативному сотруднику отдается указание от руководителя данной террористической группы: «Быть на карауле!», - чтобы предупредить появление нежелательных лиц, способных помешать осуществлению рассматриваемого преступления. Оперативный

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. А.Г. Хлебущкин - 3 изд., М.: Проспект, 2019, с. 267-283.

² На состоявшейся 6 марта 2019 г. Коллегии ФСБ РФ отмечалось, что ежегодно в Российской Федерации предотвращается примерно 20 терактов (См.: Латухина К. Барьер для шпиона // Р.Г. 2019. 7 марта).

сотрудник выполняет этот приказ, но, находясь в зоне видимости происходящего, наблюдает, как подрывник изготовился привести в действие взрывное устройство. С целью недопущения железнодорожной катастрофы – крушения поезда, оперативный сотрудник производит выстрел на поражение, из имевшегося у него огнестрельного оружия, который приводит к лишению жизни подрывника.

Возникает вопрос о правомерности действий оперативного сотрудника правоохранительных органов. На наш взгляд, подобные действия являются правомерными в рамках института необходимой обороны, поскольку лишь таким путем можно было спасти жизни многочисленных пассажиров, поездной бригады вследствие возникновения угрозы общественно опасного посягательства, исходившей от подрывника, члена террористической группы.

Вывод о правомерности поведения оперативного сотрудника подтверждается и тем обстоятельством, что у него не было иного выбора для предотвращения крушения поезда.

Кроме того, посягательство, которое порождает право на необходимую оборону, в рассматриваемом случае было сопряжено с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни законопослушных лиц, что соответствует требованиям ч. 1 ст. 37 УК РФ.

В итоге, оперативный сотрудник правоохранительных органов, как впрочем любое другое лицо, принимавшее участие в подготовке террористического акта, и подобным образом не допустивший его наступления, не подлежит уголовной ответственности за лишение жизни террориста-подрывника и одновременно должен освобождаться от уголовной ответственности на основании Примечания к ст. 205 УК РФ.

Полагаем, что такой подход к оценке, изложенной выше ситуации, является правильным и соответствующим интересам борьбы с преступлениями террористической направленности. Но, как мы уже отмечали ранее, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012г. № 1, нет разъяснения по поводу применения Примечания к ст. 205 УК РФ.

Думается, этот пробел должен быть восполнен, что, несомненно, поможет единообразию в судебной практике при оценке случаев, о которых шла речь выше. Не исключается и альтернативный вариант – изложить комментарий Примечания к ст. 205 УК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹.

Большее внимание было уделено Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 9 февраля 2012г. № 1 содержанию Примечания к ст. 208 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. В данном постановлении

---

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. А.Г. Хлебушкин – 3 изд. -М.: Проспект, 2019, с. 284-295.

специально анализируются условия освобождения от уголовной ответственности за названное выше преступление (п. 30). Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в целом правильные, но они не дают ответа на принципиальный вопрос, касающийся определения круга участников формирования, на кого распространяется данный специальный вид освобождения от уголовной ответственности. Согласно нынешней редакции Примечания к ст. 208 УК РФ, лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

При уяснении содержания этого Примечания обращает на себя внимание, что речь идет о лице, которое впервые (как фактически, так и в ситуации, когда лицо уже совершило данное преступление, но аннулированы юридические последствия факта совершения этого преступления, например, в следствие истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности или истечения срока погашения судимости) совершило деяние, предусмотренное ст.208 УК РФ. Однако в качестве второго условия освобождения от уголовной ответственности за это деяние, законодатель называет добровольность прекращения участия в незаконном вооруженном формировании, т.е. если буквально использовать названную терминологию, то речь идет только о форме совершенного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ (а именно, участия в таком формировании). Но тогда следует прийти к выводу, что освобождение от уголовной ответственности распространяется только на лиц, названных в ч. 2 ст. 208 УК РФ, т.е. участников этого преступного формирования.

На наш взгляд, с учетом повышенной общественной опасности деятельности создателя или руководителя вооруженного незаконного формирования, правильной является именно вторая точка зрения. Следовательно, на организаторов подобного формирования Примечание к ст. 208 УК РФ не должно распространяться (исключение, по нашему мнению, нужно сделать для лиц, финансировавших деятельность незаконного вооруженного формирования, т.к. общественная опасность данного поведения все же ниже, чем непосредственные действия создателя или руководителя незаконного вооруженного формирования).

Освобождение же от уголовной ответственности создателей или руководителей незаконного вооруженного формирования, по нашему мнению, должно сопровождаться совершением с их стороны дополнительными действиями, направленными на минимизацию негативных последствий, предшествующей преступной деятельности. Например, разрушение структур незаконного вооруженного формирования, прекращение его функционирования. Только в этих случаях можно будет вести речь об освобождении от уголовной ответственности данной категории лиц на основании Примечания к ст.208 УК РФ. Но об этом нужно четко указать в

самом тексте Примечания к этой статье и в соответствующем пункте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9.02.2012г. № 1.

Список литературы

Жабский В.А., Кузнецов В.А. Некоторые аспекты уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при осуществлении оперативно-разыскной деятельности // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы IV межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 30 ноября 2018г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. - М.: ИД Юриспруденция, 2019.

Егоров И. Мир без опасности // Р.Г. 2019. 16 января.

Латухина К. Барьер для шпиона // Р.Г. 2019. 7 марта.

Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. А.Г. Хлебущкин – 3 изд.-М.: Проспект, 2019.

Актуальные проблемы документирования организованной преступности в экономической сфере

Отечественная организованная преступность официально отнесена к наиболее общественно опасным вызовам и угрозам экономической безопасности¹. Она прочно закрепились в высших эшелонах власти² и как ржавчина поражает все сферы экономических отношений. Рассматриваемая преступность имеет высокую степень латентности, и официальные данные не отражают истинные масштабы данного явления³.

Практика крайне редко привлекает к уголовной ответственности организаторов и подлинных лидеров преступных структур, что подчеркивает изощренность криминалитета и его способность конспирировать свою криминальную деятельность, используя сложные запутанные приёмы и методы совершения преступлений, которые нередко рассчитываются с использованием достижений современной науки и техники. К формам маскировки преступной деятельности, которые вызывают трудности в выявлении и документировании преступлений, оперативные сотрудники ОВД России относят использование криминалитетом предпринимательской деятельности⁴. По их мнению, распространенности такой формы конспирации способствует то, что сегодня МВД России лишено прежней осведомленности о процессах, происходящих в криминальной среде и немалое число коммерческих организаций, изначально созданных участниками преступных

¹ См.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15.05.2017. № 10. Ст. 2902.

² См: уголовные дела по обвинению руководителей ряда субъектов Российской Федерации Л. Маркелова (Марий Эл), В. Газйера (Коми), А. Соловьева (Удмуртия), А. Хорошавина (Сахалинская область), В. Дудка (Тульская область), и т.д.

³ По данным ФГУ «ГИАЦ МВД России» по статье 210 УК РФ выявлено преступлений: 2017 г. - 72, 2018 г. - 74, за 1 полугодие 2019 г. - 62 .

⁴ Например, в Пензенской области пресечена деятельность преступного сообщества, действовавшего на территории ряда субъектов России с 2014 года. Преступники, действуя по принципу финансовой пирамиды от имени ООО «Инвест Гарант», незаконно привлекали денежные средства граждан под высокие проценты (до 60 % в год), при этом своих обязательств не выполняли, а указанные денежные средства похищали путем обналичивания и использования в личных целях. Клиентами ООО «Инвест Гарант» стали более 3 тысяч граждан Российской Федерации, которым причинен ущерб в размере свыше 1 млрд. рублей.

Или другой пример, связанный с разоблачением криминальной деятельности этнического преступного сообщества «Рамазанова», участники которого занимались хищением нефти из магистрального нефтепровода на территории Приволжского федерального округа. Ущерб от их преступной деятельности составил 300 млн. рублей (возбуждены уголовные дела по ч. 3 ст. 158 УК РФ, ч.ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ), и т.д. Подробнее об этом см.: Информационно-справочные материалы ГУЭБи ПК МВД России от 11.09.2019 г.

структур для совершения тяжких и особо тяжких преступлений из-за неразрешенности правовых, организационно-тактических вопросов негласного проникновения в криминальную среду остаются вне поля зрения оперативных подразделений ОВД.

В качестве аргумента респонденты приводят многочисленные факты криминальной деятельности чиновников, занимающих до недавнего времени высшие должности в субъектах федерации, в том числе пример разворовывания бюджетных денег бывшим министром финансов правительства Московской области А. Кузнецовым, по вине которого едва не банкротился крупнейший субъект Российской Федерации.

Второй немаловажной проблемой объективно влияющей на процесс выявления и документирования преступной деятельности организаторов и участников преступных структур, респонденты называют проблемы практического применения ст. 210 УК РФ, а именно: различное толкование признаков характеризующих преступное сообщество (преступную организацию) (далее по тексту – ПС (ПО).); отсутствие единых подходов участников уголовного судопроизводства к квалификации действий по созданию ПС (ПО) и участие в нем; распространенную (как по направленности преступной деятельности, так и по территориальности и временному признакам) деятельность ПС (ПО). Как следствие, уголовные дела по преступлениям, совершенным ПС (ПО) возбуждаются, расследуются и направляются в суд различными следственными органами и в различные периоды только по отдельным эпизодам криминальной деятельности без дополнительной квалификации по ст. 210 УК РФ. Оперативные подразделения и органы следствия не принимают меры, направленные для их объединения в одно уголовное дело с целью доказывания связей обвиняемых и их принадлежности к единому ПС (ПО). При этом самым распространенным объяснением такого положения со стороны ответственных лиц является отсутствие доказательств признаков ПС, а именно: организованности, устойчивости, структурированности, так как коммерческие предприятия созданы официально (зарегистрированы) для ведения предпринимательской деятельности.

Правда, есть и иное суждение по этому поводу, которое высказал в ходе прямой линии 20 июня 2019 г. президент Российской Федерации В.В. Путин заявив, что под статью о преступном сообществе «можно подвести совет директоров любой организации». По его мнению, практическое применение ст. 210 УК РФ по экономическим преступлениям, имеет серьезные недостатки и эту статью необходимо менять¹.

---

¹ См.: Репортаж РИА «Новости»: «Прямая линия с Владимиром Путиным: интересные вопросы и ключевые заявления»; Трансляция РБК: Неудобные вопросы в ходе «Прямой линии с Владимиром Путиным», и т.д.

Озвученный главой государства тезис сегодня широкого обсуждается общественностью¹, в ходе которой практикующие юристы, представители бизнеса указывают на распространенность порочной практики использования органами следствия при расследовании экономических преступлений, чаще всего мошенничества, когда становится очевидной нехватка доказательной базы в деле, в качестве дополнительных мер поддержки выдвинутого обвинения, дополнительно 210-ю статью УК РФ. Председатель коллегии адвокатов г. Москвы А. Ю. Кирсанов не без основания считает, что такая квалификация дается лицом, производящим следствие с единственной целью - содержать неговорчивых обвиняемых в СИЗО². В связи с чем, представители правозащитных организации заявляют о необходимости предоставления дополнительных процессуальных гарантий субъектам предпринимательской деятельности, в том числе установление особенностей возбуждения уголовного дела по ст. 210 УК РФ в отношении указанных лиц по аналогии с гл. 52 УПК РФ, а прокурорские работники считают, что им нужны дополнительные полномочия, чтобы прекращать уголовное дело, поступившее в прокуратуру с обвинительным заключением, либо изменить квалификацию содеянного на закон о менее тяжком преступлении.

Лишь немногие юристы полагают, что ст. 210 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (в ней), не может противоречить конституционному принципу равенства всех граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и должна быть сохранена в представленном виде.

Признавая недопустимость нарушения конституционных прав граждан, а также наличие проблемы применения норм ст. 210 УК РФ, следует отметить, что противодействие организованной преступности, в том числе преступлениям, совершенным ПС (ПО) в экономической сфере, является одной из важнейших задач правоохранительной системы государства, а решение существующих проблем должно заключаться не только в попытках постоянного изменения уголовного законодательства, в том числе усиление ответственности за совершение экономических преступлений в организованных формах³, а в реальном обеспечении неотвратимости

---

¹ См.: Материалы конференции «Уголовная ответственность бизнеса: метаморфозы ст. 210 УК РФ», проведенной 08.07.2019 г. издательским домом «Коммерсантъ»; Научно-практическая конференция «Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей», проведенной 01.10.2019 г. в университете прокуратуры Российской Федерации, и др.

² Кирсанов А.Ю. Формализация понятия преступного сообщества в правоприменительной практике в отношении преступлений в сфере экономики. Материалы научно-практической конференции «Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей». - М., Университет прокуратуры Российской Федерации. 2019.

³ Например, в 2016 г. в ряд статей (ст. ст. 171.1, 180, 185, 193 УК РФ) дополнительно включены квалифицирующие признаки как совершение преступления в составе организованной группы, чего ранее не было. Подробнее об этом см.: Федеральный закон

наказания, особенно для высокопоставленных чиновников. В этом вопросе первостепенная роль должна отводиться субъектам ОРД, которым только присущими им силами, средствами и методами могут обеспечить решение задачи уголовного судопроизводства. Такой вывод следует из того, что основные доказательства совершения анализируемого преступления, в том числе субъектом предпринимательской деятельности, формируются на стадии оперативно-разыскного документирования и на этом этапе, в-первую очередь, с использованием негласных методов работы должны быть определены истинные цели создания и использования коммерческих предприятий.

Анализ обширного эмпирического материала¹ свидетельствует, что все виды и формы организованной преступной деятельности определяются одной целью – быстро осуществить накопление преступных доходов в крупном размере и легализовать их. Ставка на бизнес, пусть даже преступный, позволяет лидерам ПС (ПО) стать экономической организацией. Этот статус влечет за собой распределение ролей и функции, ведет к установлению внутренней структуры организации, определению её уровней, иерархии, механизмов, регулирующих отношения между участниками и иерархическими уровнями, к отработке внутренних процедур контроля, обеспечивающих сплоченность участников и, следовательно, согласованность действий. Данная экономическая организация приобретает типичные технологические формы, при которых для управления финансами любого бизнеса необходимы строгий учет и контроль. Такие учёт и контроль организуются лидером ПС (ПО) на основании объективной информации, так как он осведомлен о «технологической» многозвенной цепи совершения преступных действий, в которых материализуются следы преступлений лиц, причастных к операциям с такими финансами.

Нам могут возразить, что все названное только косвенно свидетельствует, что коммерческая организация создана для совершения преступлений, а прямых улик нет. Наш аргумент в этом случае заключается в том, что хозяйствующие субъекты, созданные в преступных целях, не имеют полного регламента и параметров, характерных для легальных коммерческих структур. В таком случае основными признаками, указывающими на криминальность, являются:

- отсутствие необходимых структурных звеньев, характерных для обеспечения деятельности легальных хозяйствующих субъектов;

от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

¹ Автором по рассматриваемой проблематике изучено более 50 уголовных дел, возбужденных по ст.210 УК РФ в период 2014-2019 гг. По специально разработанным анкетам опрошено, проведено анкетирование и интервьюирование 135 сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России, а также 19 человек из числа их руководителей – начальники полиции и их заместители.

- отступление от предусмотренного технического цикла работ, установленного порядка формирования и прохождения производственной и иной документации;

- несоответствие кадрового обеспечения объема работ и услуг;

- отсутствие реагирования со стороны коррумпированных представителей органов управления (местного и регионального) на факты заключения масштабных сделок, совершенных в целях оказания влияния на цены, искусственного изменения конъюнктуры, давления на участников рынка.

При наличии указанных криминальных признаков необходимо установить механизм (способы и приемы), при помощи которых сформировался криминальный хозяйствующий субъект, что поможет определить роль чиновников местного, федеральных уровней в формировании преступной экономической организации. Сразу следует отметить, что функция установления с ними коррумпированных отношений присуща лишь ключевым фигурам ПС (ПО), которые пользуясь правом распределения преступных доходов, подкупают чиновничество либо покупают нужную им информацию.

Оперативное исследование вопросов формирования преступной группировки, а также накопления капиталов и использования их в целях установления коррумпированных отношений является одним из направлений документирования противоправных действий лидеров ПС (ПО). Объектами изучения информации в целях выявления коррумпированных связей и их документирования являются: органы, осуществляющие регистрацию предпринимательских структур, выделение помещений, земельных участков, а также ведающие вопросами государственных закупок, бюджетных отношений и использования государственной собственности, приватизации, лицензирования, инвестирования, контроля за ценами, соблюдением антимонопольного законодательства, распределением материальных ресурсов, и т.д.

Таким образом, в ходе ОРД необходимо задокументировать не просто структурированность коммерческого предприятия, как сегодня происходит на практике, а надо зафиксировать деятельность лидеров и членов организованной преступной структуры, позволяющей идентифицировать эти действия как руководство ПС (ПО) и направленного на достижение криминального результата предпринимательской деятельности.

Именно в этой точке пресекаются интересы преступного мира и легальным сектором экономики, властными полномочиями чиновников различных рангов и уровней. О подобном пресечении интересов может свидетельствовать информация о решении лидером ПС (ПО) таких вопросов, как:

- распределение преступного дохода (прибыль криминального хозяйствующего субъекта);

- предоставление льготных условий юридическим и физическим лицам, осуществляющим инвестиционную деятельность (нередко за этим скрывается

связь чиновников с криминальными структурами и извлечением за счет льгот дополнительной неправомерной прибыли);

- наличие легальных хозяйствующих субъектов, принудительно подконтрольных криминальным структурам;
- налогооблагаемая база (снижается различными мошенническими способами).

Возвращаясь к установлению и фиксации квалифицирующих формул соучастия признаков (организованность, структурированность, устойчивость, цели) необходимо напомнить, что оперативно-разыскной практике предмет документирования деятельности ПС (ПО) необходимо рассматривать как практическую конфигурацию, а не юридическую форму. Такая задача решается путем документирования двух взаимосвязанных и устанавливаемых в комплексе части: фиксируются конкретные факты криминальной деятельности, и те действия участников организованной преступной структуры, которые не являются уголовно-наказуемыми, но имеют значение для квалификации совершенных деяний, поскольку служат доказыванию факта существования единого ПС (ПО), объединенной не только преступной деятельностью, но и иными формами социальной активности. При этом использование для этих целей возможностей проведения оперативно-разыскных мероприятий позволяет проникать в преступную среду, в определенной степени контролировать деятельность членов ПС (ПО) и наряду со сбором доказательств совершения конкретных преступлений, может быть получена информация о структуре организованной группы, преступного сообщества (преступной организации), руководителях, участниках, их связях, целях деятельности и т.д.

Список литературы

Кирсанов А.Ю. Формализация понятия преступного сообщества в правоприменительной практике в отношении преступлений в сфере экономики: Материалы научно-практической конференции «Практика применения статьи 210 УК РФ по уголовным делам в отношении предпринимателей». - М., Университет прокуратуры Российской Федерации. 2019 г.

Владимир Васильевич Волченков,
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и
специальной техники Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор
Олег Алексеевич Кислый,
преподаватель ГБПОУ г. Москвы «Колледж полиции»,
кандидат педагогических наук

Проблема уголовно-правовой оценки приобретения огнестрельного оружия при проведении оперативно-разыскного мероприятия

Динамичное развитие в Российской Федерации общественных и государственных отношений кардинально меняет правовую идеологию, и, как следствие, реализацию норм уголовного права. Так как уголовное право по своему социальному содержанию есть одно из главных средств защиты интересов общества и государства от преступных посягательств. В этом аспекте исследование механизма по их реализации приобретает определенную значимость в деятельности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Отсутствие единого подхода к обеспечению их защиты негативно влияет на практику всей системы правоохранительных органов. В таких случаях, по мнению Г.С. Шкабина, «... не достигаются цели многоаспектной деятельности: по выявления, пресечения, раскрытия, расследования преступлений, осуществления уголовного правосудия и устранения или ослабления факторов, порождающих запрещенные уголовным законом деяния»¹.

Именно этим обуславливается интерес, проявляемый к данной проблеме со стороны, как теоретиков, так и практиков в сфере уголовного права и оперативно-разыскной деятельности. Авторы считают, что несовершенство уголовного и иного законодательства во многом предопределяется существующими проблемами его реализации. За 23 года после принятия и действия Уголовного кодекса Российской Федерации в него было внесено более 1 тыс. изменений и дополнений. Несмотря на это, реализация отдельных норм уголовного права не всегда осуществляется адекватно – применительно к генезису и уровню преступности.

В соответствии с п. 2 ст. 33 Федерального закона «О полиции» «... за противоправные действия (бездействие) сотрудник полиции несет ответственность, установленную федеральным законом». В ст. 4 УК РФ четко определено, что «... лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от ... должностного положения, а также других обстоятельств». Таким образом, сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел несут за свои

---

¹Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

противоправные действия уголовную ответственность, вне зависимости «от должностного положения». В ч. 1 ст. 2 УК РФ закреплено, что его задачами является охрана «... общественного порядка и общественной безопасности, а также предупреждение преступлений». В соответствии с ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» при проведении оперативно-разыскных мероприятий «... для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам».

Указанные обстоятельства влекут необходимость уголовно-правовой оценки. При проведении оперативно-разыскных мероприятий важно определить обстоятельства, при которых был причинен вред правоохраняемым интересам. Мы считаем, что эти обстоятельства должны определяться с учетом действий в конкретном месте и в конкретное время. То есть, соответствующее поведение должно быть вынужденным – неизбежным в силу обязательности исходя из того, что по-иному обеспечить безопасность общества и государства от преступных посягательств нельзя.

Непосредственно обстоятельства, при которых проводятся оперативно-разыскные мероприятия, получили закрепление в Законе «Об ОРД» лишь по отношению к тем из них, которые ограничивают права граждан (ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). Они должны учитываться во взаимосвязи с целями и задачами оперативно-разыскной деятельности. В силу того, что перед оперативными подразделениями органов внутренних дел определена цель – обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 ФЗ «Об ОРД»). Соответственно цель формирует и задачи – выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 1 ст. 2 ФЗ «Об ОРД»). Проведение оперативно-разыскных мероприятий является оптимальным, а порой, при определенных обстоятельствах единственным способом реализации целей.

Например, при проведении сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Его проведение допустимо только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 8 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»). В соответствии со ст. 36 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» при проведении «...оперативного эксперимента, оперативного внедрения, разрешается использование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров без лицензии». Используя эти средства и вещества, сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел, совершают действия, имеющие внешнее сходство с преступлением, предусмотренным ст. 228 УК РФ. Однако, учитывая, что они при проведении этого оперативно-разыскного мероприятия обеспечивают безопасность общества и государства от преступных посягательств, то и допускают вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам.

Возникает вопрос, а как быть с огнестрельным оружием? Относящееся к боевому ручному стрелковому оружию, таким как пистолет или револьвер. С целью изучения поведения лица в искусственно созданных управляемых или контролируемых условиях по уточнению имеющиеся сведения о приготовлении, покушении или совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления. Для раскрытия преступления, предусмотренного ст. 222 УК РФ. Когда преступник имеет намерение приобрести один или несколько экземпляров пистолета или револьвера. При этом он должен убедиться в том, что эти экземпляры исправны, проще говоря, стреляют «не резинками», а настоящими пулями. Иначе, он откажется от дальнейшей «сделки», а ведь только приобретение именно «стреляющего» огнестрельного оружия и будет образовывать в действиях преступника состав преступления. Тем не менее, сам факт их использования (хранение, ношение) сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел при проведении оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент» уже имеет внешние признаки состава преступления. При этом, если подходить формально, то к ним может быть применена ст. 61 УК РФ (обстоятельства, смягчающие наказание). Точнее пункт «ж» – совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения. Но, какой же здравомыслящий опер, осознавая, что его действия будут квалифицированы как преступление, хотя бы и смягчающие вину, будет использовать пистолет или револьвер. Тем более, что и ранее предлагаемые в диссертационном исследовании¹ дополнения в указанную норму УК РФ пока не нашли своего отражения. В связи с чем мы предлагаем внести дополнение в ч. 5 ст. 9 Федерального закона «Об оружии» в следующей редакции:

Приобретение, экспонирование и коллекционирование оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации не подлежат лицензированию в случае:

- приобретения оружия государственными военизированными организациями, в том числе для проведения контролируемых поставок, проверочных закупок, оперативного эксперимента, сбора образцов для сравнительного исследования, оперативного внедрения, исследования предметов и документов органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность.

Подводя итог, отметим, что обстановка причинения вреда при проведении оперативно-разыскных мероприятий определяется условием, наличие которого позволяет исключить преступные деяния сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

---

¹См.: Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

Список литературы

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации,
главный научный сотрудник отдела по исследованию
проблем оперативно-розыскной деятельности
НИЦ – 3 ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,

**Уголовно-правовое обеспечение осуществления
оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации:
состояние, проблемы, перспективы совершенствования**

XX в. оставил нам глобальные противоречия, сложившиеся в сфере социально-правовых отношений. Произошли тотальная дегуманизация отношений в обществе в целом и межличностных отношений в частности, социально-материальное расслоение членов социума. Кто мог предположить, что престиж России в мировом сообществе, несмотря на демократические преобразования, значительно снизится, а криминализация общественных отношений, сложившихся на фоне реформирования общественно-политического устройства и экономики, станут реалиями сегодняшнего дня, что преступный мир бросит вызов государству и вступит с ним в открытую конкуренцию?

Поэтому понятно стремление представителей всех отраслей научных знаний в юриспруденции обменяться суждениями о некоторых итогах прошедшего и заглянуть в будущее наук правоохранительного цикла, которые они представляют. Тема злободневная, поскольку значительные преобразования в России первых двух десятилетий XXI века ставят перед сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб и юридической наукой новые сложные задачи в совершенствовании борьбы с национальной и транснациональной преступностью, обеспечения государственной и общественной безопасности.

Доминирующей криминологической тенденцией в настоящее время продолжает оставаться отставание «социально-правового контроля от растущей мобильной и мимикрирующей криминализации общественных отношений»¹. Вместе с тем официальное противостояние преступности продолжает носить в целом безынициативный и непоследовательный характер. Большинство выявленных в 2018 г. преступников – «социальные неудачники» (лица, не имеющие постоянного источника дохода – 64,6 %; совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения – 35,0 %), несовершеннолетние и молодежь. Вместе с тем не снижается тенденция, когда из всего числа выявленных преступников 56,4 % ранее совершали преступления. Раскрываемость же всех зарегистрированных преступлений составляет лишь 54,6 %, а преступлений террористического характера –

---

¹ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / Предисловие академика РАН В.Н. Кудрявцева. М.: НОРМА, 1999. С. IX.

44,5 %¹. В связи с этим уже достаточно давно идет дискуссия о роли и месте в этом противостоянии специальных отраслей научных знаний, напрямую призванных обеспечивать практическую сторону борьбы с преступностью.

Одними из них по праву являются уголовное право и оперативно-разыскная деятельность. Д.В. Гребельский, например, писал, что специальные меры борьбы с преступностью имеют «четко выраженную правовую основу»². Эта, ставшая классической цитата впоследствии нашла отражение и дальнейшее развитие в соответствующих статьях Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако говорить об исключительной роли одной или другой науки в выявлении, предупреждении и раскрытии преступлений представляется некорректным. Они обе не могут существовать друг без друга. Именно это предсказали почти шестьдесят лет назад два великих ученых А. Эйнштейн и Л. Инфельд, отмечая, что «ход мыслей, развитый в одной ветви науки, часто может быть применен к описанию явлений, с виду совершенно отличных. В этом процессе первоначальные понятия часто видоизменяются, чтобы продвинуть понимание как явлений, из которых они произошли, так и тех, к которым они вновь применены»³.

В настоящее время в различных науках правового цикла, включая науки уголовного права и оперативно-разыскной деятельности, в качестве стратегического направления в правоохранительной деятельности стало объединение научно-прикладных знаний в обеспечении принципа неотвратимости наказаний и борьбы с преступностью⁴. Это относится к научным исследованиям большинства основоположников теории оперативно-разыскной деятельности и их учеников из числа оперативных и научно-педагогических сотрудников. Все они, используя инструментарий криминологии, уголовного права и процесса, юридической психологии, теории управления и т.д. весьма эффективно интерпретируют их в своих работах, посвященных проблемам борьбы с преступностью и ее оперативно-разыскного обеспечения.

При этом необходимо помнить, что содержание правовое регулирование любого вида деятельности всегда находится в движении, постоянном развитии и усовершенствовании юридических предписаний, включающих процесс их создания и непосредственного действия. Это, бесспорно, имеет основополагающее значение для научного подхода к правильному пониманию и использованию современных уголовно-правовых основ, применяемых в регулировании правоотношений, возникающих в сфере оперативно-

---

¹ См.: Состояние в России за январь-декабрь 2018 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2019.

² Гребельский Д.В. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции // Соц. Законность. 1974. №3. С. 55.

³ Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Наука, 1965. С. 34.

⁴ См.: Галахов С.С. Проблемы уголовно-процессуального регулирования использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное судопроизводство: стратегия развития: сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции 1 ноября 2018 г. / под ред. О.В. Химичевой. М.: МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 26-31.

разыскной деятельности. Именно нормы уголовного законодательства защищают и обеспечивают наступательные действия оперативных сотрудников и их инициативу при осуществлении оперативно-разыскной деятельности от незаконного их преследования за нее. Следовательно, такая деятельность имеет глубокие исторические корни и, безусловно, была законодательно регламентирована, а их исследование ведет к раскрытию взаимосвязи «законов человеческого развития права и розыска»¹. Хотя в прошлые века наиболее исследованными оказались именно уголовно-правовые и процессуальные особенности судебного разбирательства и исполнения наказания.

В качестве примера можно привести суждение В.П. Илларионова. Он считал, что «если Евангелие отражает не миф, ..., то оно должно содержать свидетельства, указывающие на то, что государственные власти Иудеи активно применяли в отношении Иисуса из Назарета весь исторически сложившийся к тому времени комплекс сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности (тайного сыска), добиваясь его осуждения римским наместником к смертной казни»².

Вместе с тем, как и любой вид правоохранительной деятельности, оперативно-разыскная деятельность базируется на системе юридических норм, предусмотренных различными источниками права, которые и составляют ее правовую основу. Под которой в общей теории права понимают специфическую «деятельность государства, его органов и должностных лиц по упорядочению общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально-регламентирующих решений в соответствии с этими нормами по юридически значимым вопросам, возникающим в рамках таких отношений»³.

На сегодняшний день уголовно-правовое обеспечение осуществления оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации составной частью входит в ее правовую основу⁴. Вместе с тем оно изменяется и совершенствуется, чтобы отвечать современным криминальным угрозам правоохранительной функции государства. Поэтому уголовно-правовое обеспечение осуществления оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации, на наш взгляд, имеет основополагающее значение для научного подхода к правильному пониманию и дальнейшему совершенствованию ее правового регулирования. Оно служит познанию систематизированного знания о возможных объектах преступного

---

¹ Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX-XX веках (историко-правовое исследование): монография. В 2-х частях. Ч. I. Домодедово: РИПК работников МВД России, 1997. С. 3.

² Илларионов В.П. Синедрион и Кесарь против Иисуса Христа. М.: Academia, 2003. С. 7-8.

³ См.: Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Казанский ун-т, 1999. С. 135.

⁴ См., например: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 42-46; 70-88.

посягательства и лицах, совершающих преступления, напрямую влияет на возрастание «онаучивания» практики оперативно-разыскной деятельности и ее совершенствование, повышение профессионализма в действиях оперативных сотрудников.

Однако существование уголовного закона еще не есть законность. Известный русский юрист и философ А.И. Ильин, рассматривая законность как принцип права, отмечал, что обилие законов не является свидетельством наличия законности в государстве. Более того, по его мнению, это может подтверждать лишь наличие узаконенного произвола¹. Особенно актуально данное суждение при современном понимании законности. Когда качество законов все чаще становится предметом пристального внимания и обсуждения у субъектов их применяющих.

Изучение возникновения и существования уголовно-правового обеспечения осуществления оперативно-разыскной деятельности, раскрывает сферу изучения того, чем, по сути дела, большинство исследователей специально не интересовались. Конечно, они привлекали внимание отдельных ученых, имеющих отношение к науке и практике оперативно-разыскной деятельности и уголовному праву, но их интерес в данной сфере носил предсказуемый и не совсем объективный характер². Несмотря на это он неразрывно был связан с историей российского государства и права, становлением и развитием криминального сыска в Российской Империи, а в последующем – оперативных подразделений в СССР и Российской Федерации.

Но вот в силу того, что Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» один, а ее субъектов в Российской Федерации много – это и вносит в ряды ученых и законотворческую деятельность много противоречивых суждений и ничем не обоснованных дополнений и изменений правового поля допустимого при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Их идеи, главным образом, связаны непосредственно с нормами оперативно-разыскного закона и связанными с ними правовыми предписаниями уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, закон «Об оперативно-разыскной деятельности» не нужен, а порядок ее регулирования должен быть представлен в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Цели, задачи и принципы оперативно-разыскной деятельности не требуют законодательного закрепления и могут быть изложены в научной и учебной литературе. Кроме того, по их мнению, разделение оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности не отвечает существующим в современной России правоотношениям и

---

¹ См.: Ильин А.И. О большевизме и коммунизме. Собр. соч. в 10-и т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 159-161.

² См., например: Смирнов М.П. Комментарии оперативно-разыскного законодательства РФ и зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Экзамен, 2003. С. 70-105; Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Норма, 2006. С. 5.

правосознанию¹. Отчасти с приведенным суждением можно согласиться. Если сравнить цели, задачи и принципы уголовного и оперативно-разыскного законов, то нормы последнего значительно уже и менее содержательны. Именно уголовное законодательство определяет уголовно-правовую политику государства в целом. Нормы же оперативно-разыскного закона по отношению к ней вторичны и призваны лишь обеспечивать неотвратимость уголовного наказания и предупреждение преступлений. Без существования уголовного закона положения Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» не жизннны в правовом государстве.

Во-вторых, значительное количество федеральных законов об осуществлении «оперативно-разыскной, контрразведывательной, частной сыскной и иной деятельности по профессиональному сыску регламентирует во многом идентичные общественные отношения», а потому, они должны быть сведены в два закона – Федеральный закон «О государственной профессиональной сыскной деятельности» и Федеральный закон «О негосударственной профессиональной сыскной деятельности». Возможно более революционное решение – принятие федерального закона «О профессиональной сыскной деятельности», включающего нормы как публичного, так и частного права². Данное суждение выглядит не только не логично, но и не профессионально. Его же реализация нанесет огромный вред таким субъектам оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации как ФСБ, СВР, ГРУ, ФСИН, ФТС. Разведка, контрразведка, работа в местах исполнения наказания не могут быть урегулированы в одном законодательном акте. Надо помнить об отличии раскрытия преступлений и борьбы с общеуголовной преступностью от упомянутой выше деятельности. Так же как нельзя и забывать об их специальной компетенции и особенностях осуществления ими оперативно-разыскной деятельности, решаемых при этом задач по государственной и общественной безопасности. Указанные нами субъекты имеют отличные друг от друга цели и руководствуются разными принципами в своей оперативно-разыскной деятельности.

В-третьих, закон «Об оперативно-разыскной деятельности» должен регламентировать лишь негласные мероприятия и действия сотрудников оперативных подразделений. В то время как гласные мероприятия – сфера исполнительно-распорядительных отношений, регулируемых

---

¹ См.: Баранов А.М. Закон об оперативно-разыскной деятельности: вчера, сегодня, завтра // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 144-150.

² См.: Шумилов А.Ю. Не пора ли полностью кодифицировать основные правила профессионального сыска в двух новых федеральных законах // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2012. С. 86-98.

административным правом¹. Приведенное суждение базируется на неоконченном споре ученых административистов и оперативников – что первично, а что вторично. Как оперативный сотрудник, не наделенный административными функциями, будет реализовывать возникающие административно-правовые отношения с объектом гласной оперативно-разыскной деятельности? Тогда, на наш взгляд, встает вопрос о регулировании нарушения уголовно-правовых норм при осуществлении негласной оперативно-разыскной деятельности не в Уголовном кодексе, а в законе «Об оперативно-разыскной деятельности». Однако такая дихотомия уголовного преследования в двух законах может привести к тотальному правовому нигилизму.

В-четвертых, совершенствование правового регулирования оперативно-разыскной деятельности следует рассматривать в рамках концепции оперативно-разыскного права как самостоятельной отрасли права. Чаще всего суждения в этом направлении ведутся с позиций необходимости разработки (принятия) «Оперативно-разыскного кодекса»². И тут наши исследователи не совсем убедительны. Кодекс – это свод законов или совокупность правил, а закон – общеобязательное правило. Таким образом уловить тонкое различие между двумя терминами весьма сложно, да и не нужно. Одно только ясно то, что уголовное законодательство никогда не отдаст своего приоритета и первоосновы в регулировании правоотношений, особенно связанных с нарушением правовых предписаний и запретов в сфере оперативно-разыскной деятельности

Вместе с тем, приведенные суждения, на наш взгляд, имеют основополагающее значение для научного подхода к правильному пониманию и исследованию такой категории, как уголовно-правовое обеспечение осуществления оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации³. Однако, несмотря на все объективные успехи в этом, существуют еще субъективные причины, не позволяющие говорить о завершенности ныне имеющихся правовых основ оперативно-разыскной деятельности. Хотя приведенный выше анализ воззрений российских ученых на фундаментальные положения оперативно-разыскной деятельности не позволяет сделать оптимистический вывод о скором научном консенсусе в части оптимизации ее

---

¹ См.: Нагиленко Б.Я. О правовой природе гласных мер, осуществляемых милицией, и об их соотношении с ОРД // Оперативник (сыщик). 2005. № 4 (5). С. 7-10.

² См.: Луговик В.Ф. Оперативно-разыскное право в системе российского права // Актуальные проблемы оперативно-разыскной деятельности: материалы межвузовского научно-практического семинара (25 ноября 2009 г.). Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2010.

³ См., подробнее: Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. М., 2018. С. 5-7, 164-194; он же Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

правовых основ в целом¹. Вызвано это тем, что до последнего времени подобные вопросы рассматривались преимущественно лишь при решении научных проблем оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, забывая при этом позиции ученых, представляющих науку уголовного права. Таким образом, спектр взглядов на концепцию правового регулирования оперативно-разыскной деятельности достаточно широк.

Само принятие Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» явилось подтверждением взятого курса на демократизацию и обновление политики уголовно-правовой борьбы с преступностью в целях совершенствования именно правовых подходов к организации оперативно-разыскной деятельности и ее правовым основам. В связи с этим допустимо напомнить суждение профессора Ф.Н. Фаткуллина, высказанное практически сорок лет назад о необходимости функционирования всей российской государственности «в правовых формах. Это обстоятельство весьма важно для правильного понимания как соотношения законности и правового регулирования, так и взаимосвязей государства и права»².

Произошедшие изменения к научным подходам и практике оперативно-разыскной деятельности не принесли коренных изменений в видение перспектив ее развития. В связи с этим существенно возрастает роль теоретического обоснования оперативно-разыскной деятельности, как части социальной практики и разработки рекомендаций по совершенствованию ее правовых основ. Достаточно сказать, что за это время защищены ряд кандидатских и докторских диссертаций, отдельные разделы которых, посвящены правовым основам оперативно-разыскной деятельности, подготовлены научно-практические комментарии к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»³.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи в исследовании проблем правового регулирования оперативно-разыскной деятельности и ее уголовно-правового обеспечения все еще имеются недостатки, не позволяющие в полной мере говорить об эффективности тех или иных правовых норм используемых при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Поэтому совершенствование правового регулирования этой деятельности

---

¹ См.: Луговик В.Ф. О концепции правового регулирования оперативно-разыскной деятельности // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., 15 ноября 2013 г. / редкол.: В.В. Стукалов, В.В. Важенин, А.Н. Горбунов. Краснодар: КрУ МВД России, 2013. С. 91-108.

² Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Т. 1. Казань: Казанский университет, 1980. С. 54.

³ См., например: Сурков К.В. Оперативно-разыскное законодательство России: Пути совершенствования и развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 1997; Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-разыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005; Жаров С.Н. Оперативно-разыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 2010.

должно быть приоритетным направлением еще на долгое время. Кроме того, его совершенствование играет значительную роль в конкретизации и определении главных и промежуточных целей, функций, полномочий и взаимоотношений всех звеньев социального управления и должностных лиц – субъектов оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации¹.

Традиционно к первому уровню правовых основ регулирующих осуществление оперативно-разыскной деятельности относят Конституцию Российской Федерации. Однако, являясь основным законом, она лишь определяет стратегические направления деятельности для всех государственных органов. На ее базе происходит становление и совершенствование различных отраслей права, как традиционных, существовавших еще в прошлом, так и новых, создаваемых с учетом перемен в экономике, социальном развитии, политике, культуре и криминальной ситуации в России. Стратегию деятельности государственных органов, каждого в отдельности или ряда из них, по воплощению в жизнь конституционных основ определяют законы России. Они определяют права и обязанности участников, регулируемых ими правоотношений, предусматривают последствия, наступающие в результате невыполнения или ненадлежащего выполнения предписаний закона. Таким образом, уголовный закон может и должен активно воздействовать на общественные отношения между субъектами и объектами оперативно-разыскной деятельности, быть их конституционным регулятором. Вполне понятно, что отсутствие уголовно-правовых элементов в правовых основах оперативно-разыскной деятельности не может не сказаться на деятельности оперативных подразделений, то есть ее субъектов. Поэтому основополагающее место среди источников правового регулирования оперативно-разыскной деятельности по праву принадлежит уголовному законодательству².

Ее обеспечивающие начала имеют несколько форм проявления, которые можно выделить в следующие направления правоприменения, без которых невозможно проведения оперативно-разыскных мероприятий и решения задач оперативно-разыскной деятельности.

Во-первых, нормы уголовного закона выполняют охранительную функцию, которая отражена в задачах и целях наказания УК РФ (ст.ст. 2, 43) и коррелируются с целями и задачами оперативно-разыскной деятельности (ст.ст. 1, 2). Но в целях справедливости следует подчеркнуть, что

---

¹ См.: Галахов С.С., Галахова А.В., Берсанов Ш.Р. Правовая основа оперативно-разыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционный и уголовно-правовые источники // Научный портал МВД России. № 1 (5). М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 68.

² См.: Галахов С.С. Влияние творческого наследия профессора Ф.Н. Фаткуллина на становление и развитие правовых основ оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации // Правореализация и юридический процесс: инновационные подходы к построению моделей: сборник статей международной научно-практической конференции. 80-летию и памяти Ф.Н. Фаткуллина посвящается / научн. ред Н.Г. Муратова. Казань: Казанский ун-т, 2011.

Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» появился гораздо позже уголовного законодательства, которое имеет многовековую историю. Лишь нормы уголовного закона формулируют уголовно-правовые запреты и, так называемые, управомочивающие дозволения¹, а некоторые нормы уголовного закона, например ст.ст. 37-42, побуждают лицо активно противодействовать преступнику при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Во-вторых, нормы уголовного закона определяют понятие преступления и его признаки, то есть – против каких действий или бездействий должна быть направлена оперативно-разыскная деятельность в целях решения своих задач (ст. 14 УК РФ).

В-третьих, в ч. 3, 4, 5 ст. 15 УК РФ дается понятие преступления средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого преступления. Без их знания оперативный сотрудник не может принять решение о возможности или невозможности проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища в случаях, не терпящих отлагательства, без получения судебного решения.

В-четвертых, знание норм Особенной части уголовного закона позволяет оперативным сотрудникам определить конкретные территории (объекты) оперативного обслуживания и конкретных физических лиц, в отношении которых должны проводиться оперативно-разыскные мероприятия. Содержание отдельных норм уголовного законодательства может быть использовано как описание тактических приемов, обеспечивающих успешное осуществление оперативно-разыскной деятельности.

Нельзя также не упомянуть и о той обеспечивающей роли уголовного законодательства, которое позволяет предостерегать оперативных сотрудников от нарушений при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и профилактировать их попытки (умышленные, неумышленные) к нарушению уголовно-правовых запретов (ст. 137 – незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни граждан; ст. 138 – нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений; ст. 139 – незаконное проникновение в жилище граждан; ст. 140 – неправомерный отказ в предоставлении гражданину информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы, если его виновность в совершении преступления не доказана; ст. 283 – разглашение государственной тайны; ст. 284 – утрата документов, содержащих государственную тайну).

---

¹ См.: Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Норма, 2005. С. 9; Российское уголовное право. Общая часть. Т. I / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. - М.: Норма, 2006. С. 13.

Более того, в ряде случаев само наличие уголовно-правовой нормы оказывает общепреентивное воздействие. По мнению А.И. Марцева и С.В. Максимова «удерживающим от совершения преступлений воздействием обладает не только угроза применения уголовного наказания, но и само существование уголовно-правового запрета»¹.

В качестве примера, уголовно-правового обеспечения осуществления оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации, можно привести следующую норму. В конце 2012 г. изменения редакции ст. 303 УК РФ на новое – «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности» и введение в действие дополнительной части четвертой этой же статьи, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности. Несколько ранее в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» появились нормы, запрещающие оперативным сотрудникам подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация); фальсифицировать результаты оперативно-разыскной деятельности (введены Федеральным законом от 24 июля 2007 № 211-ФЗ).

Хотя после введения новой нормы в уголовный закон она оказалась нежизнеспособной, что лишний раз подтвердило, что все субъекты оперативно-разыскной деятельности решают ее задачи в рамках правового поля. Так, например, в 2016 г. было осуждено по ч. 4 ст. 303 УК РФ всего 7 человек. По другим трем частям этой же статьи было осуждено 93 человека, то есть на ч. 4 ст. 303 УК РФ приходится лишь 7,5 % от числа осужденных. Возникает риторический вопрос, зачем надо было изменять название ст. 303 УК РФ и кому это надо и на руку. Явно не оперативным сотрудникам. Тогда кому? Да, наверное, тем, кто продолжает и совершенствует политику дискредитации субъектов оперативно-разыскной деятельности в России и всей правоохранительной деятельности в целом. Тогда где были наши народные избранники, занимающиеся на своих заседаниях мелкотемьем в плане совершенствования правотворческой деятельности.

Заканчивая рассмотрение вопроса об уголовно-правовом обеспечении оперативно-разыскной деятельности, следует отметить, что в данном случае мы рассмотрели лишь основополагающие статьи УК России, знание которых позволяет оперативным сотрудникам:

- правильно ориентироваться, в частности, при выборе и осуществлении тех или иных оперативно-разыскных мероприятий, их допустимости, а также оперативно-разыскной деятельности в России в целом;
- обеспечивать соблюдение конституционного принципа законности в своей практической деятельности.

И, конечно же, нельзя не сказать, что нормы уголовного законодательства постоянно совершенствуются. Об этом свидетельствуют те

---

¹ Марцев А.И., Максимов С.В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. Томск: Томский гос. ун-т, 1989. С. 4.

изменения и дополнения, вносимые федеральными законами. Не оценивая в целом то бессчетное количество изменений, указывающих на динамизм нашей жизни – с одной стороны, а с другой – о нестабильности и несовершенстве уголовного права, обратим внимание на одно обстоятельство. Так, со времени введения в действие УК России 1 января 1997 г. было принято 271 изменение и дополнение. И это, как показывает практика правотворчества, не предел. Многие предложения по совершенствованию уголовного законодательства с учетом современной практики оперативно-разыскной деятельности в России и международного опыта еще ждут своей правовой экспертизы и рассмотрения, оценки и реализации в виде предложений по дальнейшему совершенствованию уголовно-правовых норм применительно к рассматриваемой деятельности.

Вместе с тем определяющая специфика оперативно-разыскной деятельности заключается в том, что она осуществляется, как правило, вне уголовно-правовых отношений. В связи с этим должны быть четко обозначены права и обязанности ее субъектов, которые могут быть определены только в уголовном законодательстве, так как при проведении оперативно-разыскных мероприятий оперативные сотрудники неизбежно вторгаются в сферу личных прав и охраняемых законом интересов граждан. Ну и наконец, отсутствие четкого перечня уголовно-правовых оснований их нарушения создают реальную угрозу нарушения законных прав и интересов российских граждан. Вот почему, на наш взгляд, такое вторжение, до сих пор не урегулированное, должно быть не только необходимым и оправданным, но и правомерным.

Таким образом, нормы уголовного закона во многом открыли более широкие возможности использования сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности в борьбе с преступностью, обеспечили безопасность личности, общества и государства от преступных посягательств. Однако эффективность уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскного противодействия криминальным проявлениям во многом сдерживается существенными недостатками межотраслевых связей двух отраслей законодательства и наук.

Список литературы

Баранов А.М. Закон об оперативно-розыскной деятельности: вчера, сегодня, завтра // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2012.

Власов В.И., Гончаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX-XX веках (историко-правовое исследование): монография. В 2-х частях. Ч. I. Домодедово, 1997.

Галахов С.С. Влияние творческого наследия профессора Ф.Н. Фаткуллина на становление и развитие правовых основ оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // Правореализация и юридический процесс: инновационные подходы к построению моделей: сборник статей

международной научно-практической конференции. 80-летию и памяти Ф.Н. Фаткуллина посвящается / научн. ред Н.Г. Муратова. Казань, 2011.

Галахов С.С. Проблемы уголовно-процессуального регулирования использования в доказывании результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное судопроизводство: стратегия развития: сборник научных трудов III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции 1 ноября 2018 г. / под ред. О.В. Химичевой. М., 2019.

Галахов С.С., Галахова А.В., Берсанов Ш.Р. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений: конституционный и уголовно-правовые источники // Научный портал МВД России. № 1 (5). М.: ВНИИ МВД России, 2009.

Гребельский Д.В. Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции // Соц. Законность. 1974. № 3.

Жаров С.Н. Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

Илларионов В.П. Синедрион и Кесарь против Иисуса Христа. М., 2003.

Ильин А.И. О большевизме и коммунизме. Собр. соч. в 10-и т. Т. 7. М., 1998.

Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006.

Луговик В.Ф. О концепции правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., 15 ноября 2013 г. / редкол.: В.В. Стукалов, В.В. Важенин, А.Н. Горбунов. Краснода, 2013.

Луговик В.Ф. Оперативно-розыскное право в системе российского права // Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности: материалы межвузовского научно-практического семинара (25 ноября 2009 г.). Тюмень, 2010.

Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / Предисловие академика РАН В.Н. Кудрявцева. М., 1999.

Марцев А.И., Максимов С.В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. Томск: Томский гос. ун-т, 1989.

Нагиленко Б.Я. О правовой природе гласных мер, осуществляемых милицией, и об их соотношении с ОРД // Оперативник (сыщик). 2005. № 4 (5).

Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Норма, 2005. С. 9; Российское уголовное право. Общая часть. Т. I / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. М., 2006.

Смирнов М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учебное пособие. М., 2003.

Состояние в России за январь-декабрь 2018 г. М., 2019.

Сурков К.В. Оперативно-розыскное законодательство России: пути совершенствования и развития: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2020.

Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Т. 1. Казань: Казанский университет, 1980.

Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1999.

Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. М., 2018.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дисс. ... д-ра. юрид. наук. М., 2018

Шумилов А.Ю. Не пора ли полностью кодифицировать основные правила профессионального сыска в двух новых федеральных законах // Актуальные вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2012.

Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965.

Горяинов Константин Константинович,

главный научный сотрудник
НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

К вопросу об интеграции отдельных положений уголовного и оперативно-разыскного законодательства

Оперативно-разыскная политика является составной частью (отраслью, направлением) единой уголовной политики государства. Она представляет собой направления правотворческой и правоприменительной деятельности государства и соответствующих государственных органов по выработке и применению специальных, определенных законом средств и методов в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства, прежде всего от преступных посягательств.

Развитие оперативно-разыскной политики предполагает выявление, обоснование и оценку социальной обусловленности действующих норм оперативно-разыскного законодательства и правоприменительной практики, а также гармонизацию с другими отраслями права, реализующих уголовную политику.

Эти тенденции должны получить и дальнейшее развитие. Такое развитие диктуется современной криминологической обстановкой. Наблюдаются все более опасные формы различных видов социальных угроз: террористическое насилие, крайнее проявление экстремизма, незаконный оборот оружия и наркотиков с их профессиональной организацией, детальная подготовка преступных финансовых операций с их тщательной конспиративностью и другие виды опасных преступных посягательств.

Для достижения целей и задач уголовного законодательства оперативно-разыскными средствами и методами большое значение имеет такой правовой институт как обоснованный риск (ст. 41 УК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 41 УК РФ причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели не является преступлением. Законодатель не дает прямого определения этого института, указывая лишь, что лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам (ч. 2 ст. 41 УК РФ) и что для достижения общественно полезного результата лицо не могло его получить, используя обычные, нерискованные возможности.

Применение рассматриваемого института крайне важно при использовании такого оперативно-разыскного мероприятия как оперативное внедрение лиц, содействующих органам, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД), в преступные группы (формирования).

Определение пределов допустимого поведения лиц, внедренных в преступные группы и на криминальные объекты, в целях проведения оперативно-разыскных мероприятий, является эффективным, но сложным вопросом в практике осуществления ОРД, поскольку оперативному работнику и внедряемому им лицу необходимо постараться точно определить ту степень активности и риска при которой возможно получить максимум оперативно-значимой информации о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях, и в то же время не допустить нарушения требований законности, совершения преступлений, что крайне важно для обеспечения их же защиты от уголовного преследования.

Негласная работа лиц, осуществляющих оперативное внедрение, нередко предполагает причастность их к событию преступления в той или иной степени. В противном случае внедренное лицо в лучшем случае превращается в информатора об уже совершенных преступлениях. При этом ОРД потеряла бы один из присущих ей основополагающих принципов – наступательности, то есть действие оперативных аппаратов на опережение, и соответственно наряду с этим в большей степени теряется смысл подготовки и проведения такого оперативно-разыскного мероприятия как «оперативное внедрение».

Пределы правомерной тактической активности внедренных лиц должны обеспечить получение максимума интересующей оперативные аппараты информации о замышляемых, подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях с одной стороны, а с другой стороны – не допустить нарушений законности и совершения преступлений самим негласным сотрудником, и его расшифровки.

В рамках действующего законодательства, регулирующего ОРД разрешить данные противоречия представляется довольно сложно, поскольку внедренное лицо, находясь в преступной среде, зачастую попадает в условия, когда он вынужден принимать решения незамедлительно. Ошибка в его действиях может привести к негативным последствиям.

Как следует из Определения Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1737-О Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо запрещает органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, что распространяется и на лиц, привлекаемых ими к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий (ч. 8 ст. 5, ст. 17). В тоже время, правомерно решение оперативно-тактических задач путем совершения внедренным лицом действий, охватываемых понятиями приготовления к преступлению и покушения на него в пределах, допускающих применения правил о добровольном отказе от совершения преступления (или вынужденном риске).

Поведение внедренного лица, принимавшего участие в некоторых подготовительных действиях разрабатываемых, не являющееся по своей сути пособничеством или подстрекательством к совершению последними

преступления, может считаться правомерным в силу того, что такие его действия не имеют прямого умысла на достижение преступных последствий, то есть внутренне оправданы и закономерны.

Кроме того, законодатель признает при определенных условиях непротивоправными определенные действия (уголовно-правовые институты обоснованного риска, необходимой обороны, крайней необходимости, причинение вреда, при задержании лица, совершившего преступление).

Как представляется может быть признано правомерным и участие внедренного лица в преступных действиях разрабатываемых, если оно выразилось в заранее не обещанном им сокрытии преступника, следов преступления, предметов, добытых преступным путем, что внешне ничем не отличается от прикосновенности к преступлению в виде заранее не обещанного укрывательства. Законодатель определил, что такой вид прикосновенности к преступлению влечет за собой ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных уголовным законом.

Указанные положения относятся к пределам активности внедренного лица, когда он находится в экстремальных условиях, при которых необходимо решить дилемму: либо участвовать в тех или иных действиях разрабатываемых или отказаться от этого и возможно потерять их доверие.

ФЗ «Об ОРД» содержит нормы, освобождающие от уголовной ответственности внедренных в преступную среду лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, осуществляющих ОРД, при вынужденном причинении вреда правоохраняемым интересам. Но представленные в этих нормах понятия зачастую неконкретны и требуют их толкования с позиций норм уголовного законодательства.

Так в ст. 16 ФЗ «Об ОРД» установлена возможность, при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга. Как соотносятся понятия причинение вреда правоохранительным интересам при правомерном выполнении лицом общественного долга?

В ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» констатируется, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим ОРД, активно способствующее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный ущерб освобождается от уголовной ответственности в соответствии законодательством Российской Федерации.

С формальной стороны рассматриваемое положение распространяется только на лиц из числа членов преступной группы, давшее согласие на сотрудничества по контракту. Возникает вопрос: если такое лицо по тем или

иным причинам не хочет заключать контракт, но готово оказать содействие в раскрытии преступлений, совершенных преступной группой или отдельными ее участниками?

С материальной стороны, как лицо, активно ведущее оперативную разработку преступной группы, должно возместить нанесенный ущерб или иным образом загладить причиненный ущерб? Целесообразность такого конфидента будет поставлена под сомнение.

Представляется, что более правильным является подход, избранный законодателем в ФЗ от 01.04.2019 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности».

В частности, заслуживает внимания содержание примечания к ст. 210 УК РФ, в котором определено, что лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно признавшее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Уровень, структура и содержание преступных проявлений в России не дают повод для оптимизма. Поэтому очевидно есть потребность в совершенствовании уголовного и оперативно-розыскного законодательства и повышению эффективности его применения на главном направлении уголовной политики – противодействию преступным проявлениям.

В этой связи следует шире проводить межотраслевые исследования с тем, чтобы правильно оценивать сложившуюся реальность, наметить и осуществить меры интегративного характера по реализации уголовной политики.

Диника Виктор Иванович,

профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

**Провокация и оперативный эксперимент:
границы законного и противоправного поведения**

Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144-ФЗ) в качестве основного принципа осуществления оперативно-разыскных мероприятий признает необходимость соблюдения законности, реализация которого сочетается с неуклонным уважением и соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в том числе, с принципами конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. При этом, выполнение задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, в том числе, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, самым непосредственным образом связано с получением доказательств, подтверждающих фактический характер преступных действий виновных лиц.

В этой связи, решающее значение имеет их легальное использование, при правовой оценке, тех преступлений, которые были предупреждены либо раскрыты в процессе оперативной работы и в последствии, приобщаются к материалам уголовного дела, обретая форму доказательств. Последние в свою очередь, признаются таковыми, если они отвечают признакам допустимости и относимости. Конституция РФ (ч. 2 ст. 50) содержит прямой запрет по использованию доказательств, полученных с нарушением федерального закона, в том числе не допускает его ограничительного толкования в процессе сбора, фиксации, получения фактических данных, которые затем фигурируют в материалах следственных подразделений.

Конституция РФ, ФЗ № 144-ФЗ допускает на законном основании с разрешения суда, вмешательство в тайну переписки, прослушивание телефонных переговоров и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), в случае оперативной необходимости проникать в жилое помещение без согласия собственника (ст. 25 Конституции РФ), а также признавать законным отказ лица от дачи показаний против самого себя и близких, в том числе, о сведениях, составляющих охраняемую законом тайну (ст. 51 Конституции РФ).

Несомненно то, что любые доказательства, полученные незаконным путем являются недействительными (ст. 75 УПК РФ), не подлежат использованию в процессе квалификации преступлений и не могут иметь необходимой юридической силы, поскольку непригодны для установления в совершенном событии состава преступления, как основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Современное российское законодательство не содержит полного и исчерпывающего перечня различных видов допустимых доказательств, что позволяет утверждать о возможности признавать таковыми

любые сведения, факты, имеющие юридическое значение, за исключением тех, которые содержат признаки их противоречия либо неустранимости.

В оперативно-разыскной деятельности, с учетом специфики её проведения, процесс добывания доказательств, а также перечень их видов, законодательно не определён. Основным требованием, предъявляемым к таким документам, является неуклонное соблюдение принципа законности, как гарантии недопущения нарушения прав и законных интересов граждан (ст. 5 ФЗ № 144-ФЗ). Особый вид оперативно-разыскной деятельности является таковым потому, что одним из важных принципов её реализации является конспирация в сочетании гласных и негласных методов и средств, где важное значение приобретают проблемы определения границ законного и противоправного добывания и последующего использования доказательств для подтверждения преступного поведения и изобличения лиц, совершивших преступления. Оперативная работа невозможна без сведений осведомительного свойства, в том числе без получения различной информации от граждан, которые оказывают содействие (ст. 17 ФЗ № 144-ФЗ) оперативным работникам (далее – представители власти). Нередко подобные сведения, полученные от граждан, могут носить характер предположений, домыслов, слухов, что требует установления их фактического источника путем перепроверки другими доказательствами либо с использованием легальных средств и способов доказывания, которые являются вспомогательными в расследовании¹.

Правовая обоснованность любого проводимого оперативного мероприятия, перечень которых приведен в ст. 6 ФЗ №144-ФЗ, оценивается исключительно по полученным результатам, когда очевидным является достижение поставленной цели – предотвращение пресечение и раскрытие преступления. В этом отношении, весьма затруднительным для практики является отсутствие в законодательстве не только перечня используемых документов, но и порядка проведения самих оперативно-разыскных мероприятий, что вынуждает правоприменителей самостоятельно, на свое усмотрение, определять их содержание, методику и процесс реализации.

Согласно ст. 13 ФЗ № 144-ФЗ, право на проведение оперативного вмешательства предоставлено различным правоохранительным органам, каждый из которых использует различные формы документов, фиксирующих преступную деятельность. В повседневной работе оперативных подразделений значительное распространение получила практика оформления полученных данных с помощью актов, протоколов осмотра с участием понятых либо без них, которые затем приобщаются к материалам уголовного дела и признаются в качестве основных доказательств. Основные

---

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 211-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

проблемы возникают на стадии их правовой оценки следователем, поскольку оригинальная, первичная информация, полученная оперативным путем, является засекреченной, а её легализация крайне затруднена. Как правило, сведения фиксируются в качестве сводного документа (мотивированные заключения, справки, акты и т.п.), что создает благоприятные условия для признания их непригодными, а иногда возможность рассматривать их, как полученными в нарушение закона. В последнем случае нередко возникают вопросы об уголовной ответственности оперативных работников за совершение преступления с использованием должностных полномочий (фальсификация, злоупотребление либо превышение служебных полномочий). При этом, легально и законно проведенные оперативные мероприятия, позволившие изобличить лицо в совершении преступления, по мнению лиц контролирующих органов, наделенных правом обвинять, нередко объявляются незаконными, полученными с нарушением требований закона, с последующим усмотрением в действиях представителей власти признаков уголовно наказуемой провокации.

В подобных случаях важное значение имеет, не оценка документов на предмет их относимости или недопустимости, а определение границы между правомерным или неправомерным поведением представителей власти. Основной причиной, не позволяющей установить различие между оперативным экспериментом и провокацией, является крайне низкий уровень неразвитого правосознания правоприменителей, своеобразных «носителей корыстной злой воли и хищного инстинкта», наличие которого позволяет утверждать о недопустимости предоставленных документов для их использования в качестве доказательств и на этом основании формулируются выводы о незаконности действий представителей власти.

С точки зрения уголовного права, предположения, следственные версии о недопустимости либо непригодности тех или иных документов, не могут быть основанием для утверждения о наличии состава преступления в действиях представителей власти. Вопреки подобному поверхностному подходу, нередко представители власти в лице оперативных работников, превращаются в подозреваемых, обвиняемых, осужденных за совершение провокации либо превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Этому обстоятельству, нередко способствует то, что полученные в ходе оперативно-разыскной деятельности первичные материалы, как было указано выше, перечня и форм которых в законе не предусмотрено, не признаются самостоятельными доказательствами, хотя и являются правовыми источниками, используемыми в качестве сведений имеющих юридическое значение для квалификации совершенного преступления и реально являются поводом для обоснованного возбуждения уголовного дела. Причиной подобного положения дел, на наш взгляд, являются грубые ошибки при оценке объективных и субъективных признаков, позволяющих отличить правомерное оперативное мероприятие от неправомерного.

Объективными признаками правомерности оперативного эксперимента являются не все перечисленные в статье 7 ФЗ № 144 ФЗ основания, поскольку данное мероприятие обладает рядом особенностей и потому его проведение возможно и при получении сведений для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Отсутствие любого из указанных оснований, а не сомнение в достоверности документов, полученных оперативным путем, указывает на наличие признаков нарушения законности¹.

При проведении оперативного эксперимента соблюдение принципа законности является непреложным, а его содержание, находясь под защитой Уголовного Кодекса РФ, в котором глава 8 содержит перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния. Среди них, для оперативно розыскной деятельности, важное значение, имеет институт крайней необходимости (ст. 39 УК РФ)², когда устранение опасности, угрожающей правоохраняемым интересам, невозможно иными средствами.

В оперативном эксперименте следует выделить несколько важных объективных, юридически значимых признаков:

1. Общественная необходимость в совершении представителями власти действий, направленных на устранение опасности (изобличение лица в совершении преступления);

2. Действия представителей власти не являются виновными, вынужденными и не содержат признаков преступления (ст. 14 УК РФ)

3. Данные действия являются общественно полезными, а не общественно опасными, поскольку, направлены на защиту правоохраняемых интересов граждан, организаций, государства.

4. Действия не могут быть противоправными, поскольку они проводятся на основе положений и правил, установленных федеральным законом – ФЗ № 144 ФЗ.

5. Действия не являются наказуемыми, поскольку устраняют опасность допустимыми законом средствами и методами.

Указанные признаки, реализуются в совокупности и в обстоятельствах, исключающих преступность деяния и тем самым, поощряют оперативных работников в достижении поставленных целей. Данное положение применимо даже в тех случаях, если оперативный эксперимент вынужденно и оправданно сопровождался необходимостью оперативных работников либо лиц, оказывающих им добровольное содействие, участвовать в совершении

---

¹ См.: Омелин В.Н. О некоторых правовых проблемах проведения оперативного эксперимента // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин 2019. С. 75-80.

² См.: Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004

преступления, без которого невозможно было устранить более опасное преступление.

В процессе оперативной работы не исключены случаи недобросовестного, иногда даже преступного поведения со стороны представителей власти, которые при проведении того или иного вида оперативно-разыскного мероприятия (ст. 6 ФЗ № 144-ФЗ - опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент и др.), допускают провоцирование разрабатываемых лиц на совершение преступления.

Статья 5 ФЗ №144-ФЗ прямо запрещает *«подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)»*. Данный запрет распространяется на многоплановые действия, которые направлены на совершение любого преступления, включая противоправное получение доказательств (склонение свидетелей, очевидцев к даче заведомо ложных показаний, составление фиктивных документов, справок, фальсифицирующих события прошлого периода, происходящие в настоящем либо предполагаемые в будущем).

Как правило, провокация имеет свое начало задолго до того, как возбуждается уголовное дело и начинается процесс квалификации, где дается уголовно-правовая оценка совершенного деяния на стадии расследования. По общему правилу, провокация представляет собой искусственное создание доказательств совершения преступления, как специальный вид фальсификации доказательств, которые формируются, создаются на стадии оперативно-разыскной деятельности и необоснованно формируют незаконный повод к возбуждению уголовного дела¹.

Признаками провокации по любому уголовному делу являются следующие: заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, на совершение преступления, с целью его последующего изобличения путем задержания с поличным либо на месте преступления. Рассматривать данные признаки провокации следует через анализ признаков преступления (ст. 14 УК РФ), а затем путем установления в содеянном составе преступления (ст. 8 УК РФ), сопоставляя объективное с субъективным, поскольку при их отсутствии невозможно вести речь о самой провокации, как о преступлении.

Основанием для рассмотрения вопроса об уголовной ответственности за совершение провокации (событие) является установление факта противоправного заведения дел оперативного учета, что подтверждается отсутствием достаточных, непроверенных законных оснований для проведения в отношении граждан оперативных мероприятий, направленных

---

¹ О понятии провокации преступления см.: Шкабин Г.С. Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Материалы междунар. Науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию докт. юрид. наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л.Л. Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. 2015. С. 174-179.

на ограничение конституционных прав. Именно с этого и начинается совершение провокационных действий, направленных на понуждение разрабатываемого лица к совершению им преступления (получение взятки, злоупотребление полномочиями и т.п.). В процессе расследования уголовных дел по делам о провокации, в следственной практике подобный подход не используется, поскольку ограничивается правовой оценкой объективных признаков, подтверждающих совершение действий, но не устанавливающих их уголовно-правовое значение, в том числе игнорирующих выявление причин провокации¹.

Объективные признаки провокации характеризуются наличием фактически совершенных действий, которые не сложно обнаружить, поскольку проведение оперативного эксперимента, без совершения действий, невозможно. Преступная провокация, это прежде всего виновные, общественно опасные и противоправные действия представителей власти, совершение которых связано с активным поведением виновного или виновных лиц (соучастие). Провокационные действия всегда направлены на конкретное лицо, которое не давало согласия на совершение противоправных действий различного характера. Наиболее часто, провокация связана с дачей взятки, когда её предмет (деньги, ценности) незаметно помещаются в служебном кабинете провоцируемого лица либо передаются якобы от имени знакомых в виде сувенира, зачисляются денежным переводом на его счет и т.п. Подобная провокация не имеет доказательственной силы, поскольку ее результаты являются недопустимыми, они не соответствуют реальной, фактической действительности.

Например, обвинение лица в получении взятки противоправно не тогда, когда зафиксирован факт обнаружения предмета взятки в определенном месте (служебный стол, гардероб и т.п.), а документальное подтверждение фактического совершения лицом действий, подтверждающих *непосредственное получение* им этого предмета, как об этом прямо указано в диспозиции ст. 290 УК РФ, где ключевым правовым термином является *получение*, а не *обнаружение*, в конкретном месте. Здесь, важное значение, имеет установление наличия причинно-следственной связи между действиями лица (взятополучателя) и *полученным* предметом взятки, а не фактическое его обнаружение по месту его «закладки». Зачастую объективные признаки, выразившиеся в поведении, внешне схожим с получением взятки, подтверждаются свидетельскими показаниями по факту обнаружения предмета преступления, которые не способны оценить суть происходящего и не могут свидетельствовать о якобы имевшем место совершении преступления.

---

¹ См.: Дмитренко А.П. Презумпция провокации преступления // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин 2019. С. 42-45.

В провокации, обязательным признаком объективной стороны преступления является фактическое отсутствие у получающего предмет взятки согласия на его принятие, хотя внешняя видимость его получения, была искусственно создана. Провокация всегда совершается в отношении тех лиц, которые были введены в заблуждение оперативными работниками относительно их преступного поведения. Объективно, провокация связана в передаче должностному лицу, предмета взятки, о правовом назначении которого, это должностное лицо не подозревает (субъективный критерий), принимая его за проявленное в нему внимание со стороны знакомых по работе лиц.

Оперативный эксперимент отличается от провокации также и тем, что желание на получение предмета взятки всегда по времени предшествует наличию такого требования, исходящего от разрабатываемого лица, а не от представителей власти. Содержание конструкции объективной стороны провокации характеризуется формальным признаком, для которого достаточным является совершение действий, направленных на попытку передать предмет взятки. С этого момента провокация считается оконченной, вне зависимости от того, получило ли провоцируемое лицо предмет провокации или нет. Если же лицо получило предмет провокации, то это лишь указывает на наличие такого объективного признака, как «получение», подтвержденного только объективно, то есть, фиксацией только лишь самого действия.

Субъективные признаки провокации заключаются в установлении признака вины, наличие которого является решающим, поскольку субъективное вменение является основным принципом уголовного закона (ст. 5 УК РФ). Субъективный критерий в провокации всегда выражен в умышленной форме, при которой провоцирующее лицо совершает противоправные действия исключительно с прямым умыслом. Интеллектуальный признак прямого умысла выражен осознанием общественно опасного характера совершаемой им провокации, в том числе, полным неведением у провоцируемого лица о содержании совершаемых в его адрес действиях. Виновный сознает, что провоцируемый не давал согласия получения предмета провокации, основной целью которой является искусственное создание доказательств совершения преступления. Волевой признак направлен на желание совершить подобную провокацию.

В отличие от провокации, как было указано выше, основанием для проведения оперативного эксперимента являются сведения, содержащие данные о совершаемых подозреваемым преступлениях, которые не только должны тщательно задокументированы, но и свидетельствовать о неопровержимом наличии у виновного умысла на совершение преступления либо его неоднократном совершении. При этом умысел у подозреваемого лица должен быть сформирован самостоятельно, независимо от поведения оперативных работников, а также выразиться в совершении или явном намерении совершить преступление, путем реализации запланированного.

Если же умысел на совершение конкретного преступления у лица отсутствовал, а в процессе проведения оперативного эксперимента не было зафиксировано его конкретное преступное намерение, выраженное в действиях, но затем этот умысел был сформирован под воздействием исключительно представителей власти, то основания для признания в их действиях признаков провокации будут явными. Как правило, в подобных случаях, всегда имеют место признаки склонения, подстрекательства лица к совершению конкретного преступления лица, который до этого, не обнаружил ни коим образом своих преступных целей и мотивов. Иными словами, признаками провокации, могут признаны действия представителей власти, направленные на понуждение лица к непосредственному совершению преступления, при отсутствии достаточных и проверенных доказательств, свидетельствующих о намерении лица, его готовность совершить средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление. Причем, решение на совершение преступления, лицо принимает до фактического начала самого действия, что и должно быть зафиксировано в процессе оперативного эксперимента, а не в период непосредственного обнаружения самого события преступления.

Другим, немаловажным доказательством, подтверждающим объективные признаки уголовно наказуемой провокации является оказание давления на участников уголовного процесса, ярким свидетельством которого является угрозы уголовного преследования в адрес свидетеля, вызовы на допрос адвоката, оказывающего юридическую помощь подозреваемому, изъятие документов, полученных от доверенного лица, изучение юридических документов, являющихся основанием для оказания юридической адвокатской помощи. В подобных случаях оперативные и следственные работники, принимая решения об изъятии документов, преследуют основную цель - добыть материалы, которые компрометируют не только подозреваемого, но и его защитника. Подобные действия также являются признаком совершаемой провокации, поскольку направлены на получение любых предметов и документов, которые впоследствии с известной долей вероятности могут быть использованы для привлечения лица к уголовной ответственности и не направлены на оценку конкретно установленных предметов и документов, имеющих уголовно-правовое значение для расследования.

С точки зрения уголовного права, совершенно очевидно то, что единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, является не сомнение в законности действий, совершённых представителями власти, а установление в происшедшем событии (оперативное мероприятие) признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ), отсутствие хотя бы одного из них (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), является обязательным для вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия в событии состава преступления либо самого события. Но подобный подход в судебно-следственной практике нередко игнорируется в результате чего, лица не

подлежащие уголовной ответственности, оказываются на скамье подсудимых, правовое положение которых значительно усугубляется.

Очевидно, что проведение оперативного эксперимента, в том числе любого оперативного мероприятия, взаимосвязано с необходимостью реализации не только положений уголовного закона на стадии квалификации преступления, но и невозможна без учета положений УПК РФ. Процессуальное формулирование обвинений против представителей власти, участвующих в проведении оперативного мероприятия и получивших доказательства реальной причастности разрабатываемого лица к совершению преступления, начинается на стадии их предварительной оценки и принятия процессуального решения в порядке УПК РФ. Положения последнего, не предусматривают возможность использования принципа состязательности сторон на стадии предварительной проверки и даже на стадии предварительного расследования. Он реализуется лишь исключительно в суде в процессе судебного разбирательства (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), где стороны обвинения и защиты являются равноправными, не друг перед другом, а только перед судом.

Из этого следует прискорбный вывод о том, что возникновение уголовно-правовых отношений между их участниками (подозреваемый, обвиняемый, с одной стороны, и органы следствия, с другой), как в период предварительной проверки, так и в процессе возбуждения уголовного дела и дальнейшего по нему производства, полностью исключают возможность равноправия сторон. Такое неравенство создается значительным перевесом представителей государства, обладающих значительным арсеналом сил и средств, используемых в процессе квалификации для получения «нужных» доказательств, а у подозреваемого такие возможности полностью исключены. Единственным средством, способным противостоять этому напору, является право подозреваемого, обвиняемого не свидетельствовать против себя и своих близких, а также заявлять различные ходатайства.

В силу этого законодательная конструкция принципа состязательности сторон является не больше и не меньше, чем юридической фикцией, которая в правовом смысле не отвечает принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ). В процессе судебного слушания дела это недоразумение дополняется отсутствием у суда права на исследование материалов дела, переоценку собранных доказательств, проверку обоснованности фактических данных, отсутствие права на возвращение уголовного дела на дополнительное расследование. Единственное право у суда, это создание необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Общая совокупность подобной «правовой конструкции», начиная со стадии предварительной проверки по оценке материалов, полученных оперативным путем, позволяет легко усмотреть в них признаки недопустимости, «обнаружить» в действиях представителей власти элементы провокации,

которая признается преступлением и является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела.

Указанное несовершенство уголовно-процессуального законодательства, нередко используется не для установления фактической, реальной истины, подкреплённой наличием в происшедшем событии всех обязательных элементов состава преступления, как единственного основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), а для конструирования «юридической истины», которая коренным образом не совпадает с реальной действительностью, где нет, и не может быть, состава преступления. В подобных случаях, возбуждение уголовного дела и привлечение к уголовной ответственности невиновных представителей власти, свидетельствует о грубом нарушении закона, что само по себе должно быть самостоятельным основанием для установления в неправомерно совершенных действиях правоприменителей (следователь, прокурор), самостоятельного состава преступления, совершенного по незнанию, неосторожности (ст. 293 УК РФ «Халатность») либо преднамеренно, умышленно (ст. 299 УК РФ «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела»).

Список литературы

Дмитренко А.П. Презумпция провокации преступления // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин 2019. С. 42-45.

Омелин В.Н. О некоторых правовых проблемах проведения оперативного эксперимента // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин. 2019. С. 75-80.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовой институт крайней необходимости в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Шкабин Г.С. Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию докт. юрид. наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л.Л. Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. 2015. С. 174-179.

Дмитренко Андрей Петрович,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

Пробелы легитимного определения провокации преступления в законодательстве Российской Федерации

В российском уголовном законодательстве о провокации преступления упоминается только в двух случаях. При этом, несмотря на использование одного и того же термина «провокация преступления», в этих нормативных актах речь идет о совершенно разных явлениях.

В современном законодательстве впервые деяние, признаваемое провокацией преступления, получило описание в 1996 году в ст. 304 Уголовного кодекса РФ. В ней, под провокацией взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, признается попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой ст. 200.5 УК РФ, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Однако деяние, предусмотренное ст. 394 УК РФ, не соответствует даже толкованию слова «провокация», даваемому в словарях русского языка, как подстрекательства к каким-либо действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие последствия¹. Это дает основания утверждать, что в данной статье речь идет не о провокации преступления, а о разновидности фальсификации доказательств.

Еще одно легальное определение провокации было закреплено в 2007 году в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где под провокацией понимается подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий со стороны органа (должностного лица), осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.

Оперативно-разыскное законодательство фактически ставит знак равенства между провокацией преступления и подстрекательством к преступлению, понятие которого дается в ч. 4 ст. 33 УК РФ². Уголовное

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1964.

² См. подробнее: Шкабин Г.С. Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию докт. юрид. наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л.Л. Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. 2015. С. 174-179; Воронин М.Ю. Оперативный эксперимент и провокация преступления: вопросы разграничения // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин 2019. С. 20-24.

законодательство признает подстрекательством к преступлению склонение лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Провокацией преступления, с соответствующим уголовно-правовым значением, подстрекательство становится в случае его совершения должностным лицом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или лицами, действующими по их поручению.

Основным недостатком такого определения провокации преступления выступает то, что в решениях Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ) это явление включает в себя более широкий круг деяний, в сравнении с предусмотренными ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а соответственно и ч. 4 ст. 33 УК РФ. Анализ решений ЕСПЧ показывает, что провокационной деятельностью, помимо подстрекательства, склонения, побуждения в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, являются:

- 1) проведение оперативно-разыскных мероприятий при отсутствии проверяемых данных о том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления;
- 2) совершение действий, направленных на ускорение совершения преступления провоцируемым лицом;
- 3) проведение повторных проверочных закупок у одного и того же лица, не соответствующих условиям правомерности¹.

Таким образом, относительно понимания провокации преступления сложилась весьма парадоксальная ситуация, при которой ее понятие, даваемое в законодательстве Российской Федерации, не соответствует ее определению, сформулированному в решениях ЕСПЧ, при этом в последних провокационными признаются деяния, не признаваемые российским законодательством таковыми. Данная проблема особо актуализируется в связи со сформулированной в решениях ЕСПЧ правовой позиции о непризнании деяний, совершенных лицом под воздействием «полицейской» провокации, преступными.

Согласно положениям ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ее ратификация Российской Федерацией предопределяет признание ею в соответствии с *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикции Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их

---

¹ См. в постановлениях Европейского суда, а также актах толкования Верховного суда РФ от 24 июня 2008 г. по делу «Милиниене против Литвы» (*Miliniene v. Lithuania*), жалоба № 74355/01, от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации», жалоба № 59696/00; от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации», жалоба № 18757/06; от 2 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие (*Veselov and others*) против Российской Федерации», жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10.

вступления в действие в отношении Российской Федерации¹. Соответственно российские суды и иные правоприменители обязаны использовать в качестве юридической основы своих решений правовые позиции, сформулированные в решениях ЕСПЧ, принятые как по жалобам в отношении России, так и в отношении других стран.

Эти положения указанной Конвенции разъясняются и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», где указывается, что с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции. Правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда.

Сложившаяся ситуация явно негативно влияет на правоприменительную практику, поскольку, как показывает ее изучение, имеют место случаи, когда сотрудники правоохранительных органов, осуществляя оперативно-разыскные мероприятия, руководствуются положениями ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Это приводит к тому, что российские суды, с учетом правовой позиции, сформированной в решениях ЕСПЧ, выносят оправдательные приговоры, в связи с признанием действий должностных лиц, проводивших оперативно-разыскные мероприятия, провокацией преступления².

Так, например, несмотря на отсутствие в деле сведений о том, что оперативные работники, а также лица, действующие по их поручению, подстрекали, склоняли или побуждали в прямой или косвенной форме к получению взятки, суд вынес оправдательный приговор. В обоснование признания провокации со стороны оперативных работников было указано на отсутствие в деле данных, согласно которым до обращения потерпевшей в правоохранительные органы у нее с подсудимыми был разговор о том, что ей нужно будет заплатить за услугу 18 000 рублей³. В данном случае суд вынес решение на основе критерия, указываемого в решениях ЕСПЧ, и получившего название «объективного подозрения», то есть проведения оперативно-разыскных мероприятий при отсутствии проверяемых данных о том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления.

---

¹ Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

² См., например: См.: Апелляционное постановление судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Ингушетия // <https://sudact.ru/regular/doc/h3KNtYeHVK5w/> (дата обращения 18.09.2019г.).

³ См.: <https://sudrf.ru/> (дата обращения 20.09.2019г.).

*Дмитренко А.П. Пробелы легитимного определения провокации преступления
в законодательстве Российской Федерации*

Итак, можно констатировать, что назрела необходимость привести понятие провокации правонарушения, закрепленное в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствие с ее пониманием, сформулированным в решениях ЕСПЧ.

Список литературы

Воронин М.Ю. Оперативный эксперимент и провокация преступления: вопросы разграничения // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин 2019. С. 20-24.

Шкабин Г.С. Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию докт. юрид. наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Л.Л. Кругликова / под ред. В.Ф. Лапшина. 2015. С. 174-179.

Железняк Николай Семенович,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности
Сибирского юридического института МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

**Проблемы провокации преступлений
при проведении оперативно-разыскных мероприятий
в решениях Европейского Суда по правам человека**

Один из основополагающих принципов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) сформулирован в ФЗ об ОРД как «уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина». Ему посвящена отдельная, самая большая по объему ст. 5, насчитывающая десять частей различных положений.

Сегодня мы попытаемся оценить лишь одно из установлений, содержащихся в ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) – *требование воздерживаться от подстрекательства, склонения, побуждения в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокации)* (здесь и далее выделено автором – Н.Ж.).

Слово «провокация» – иностранное. Первоначальные значения – вызов на поединок (а также в суд), то же что и апелляция. В римском праве латинское *provocatio* изначально обозначало обращение Магистрата к горожанам по вопросу утверждения принятого решения по уголовному вопросу, представляя собой, по сути, публичный спектакль. Однако уже к началу XX века в России слово «провокация» приобретает иное значение – подстрекательство отдельных лиц или толпы к какому-нибудь политическому выступлению или преступлению с целью выдать некоторых лиц в руки властей или вызвать репрессии полиции. И уже в современном понимании – подстрекательство, побуждение кого-либо к заведомо вредным для него действиям.

Этот термин упоминается в двух статьях Уголовного кодекса РФ – ст. 304 (Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд) и ст. 360 (Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Здесь следует отметить, что *законодатель почему-то ввел ответственность за провокацию указанных преступлений, но не отнес к преступным деяниям, например, провокацию сбыта наркотиков, общественная опасность от которого, по нашему мнению, значительно выше.*

Таким образом, проблема провокации преступления, несмотря на значительное количество научных исследований в этой области, *слабо проработана в теории и остается недостаточно регламентированной в российском законодательстве.*

Рассмотрим категорию «провокация» на примере стандартной проверочной закупки наркотиков. Практика свидетельствует, что посредством проверочной закупки в основном осуществляется документирование конкретных фактов сбыта наркотиков. Вместе с тем именно в проверочной закупке, как и оперативном эксперименте, значительное число правозащитников, отдельных ученых и некоторые судебные органы усматривают (или не усматривают) наличие провокации преступления.

О провокационных действиях в юридической литературе написано достаточно много, но без особой конкретизации их содержания. Нет четкого понимания этих манипуляций и в законе. При отсутствии очевидных законодательных предписаний выходом из существующего положения выступает обращение к актам высших судебных инстанций.

В последней редакции действующего документа Верховного Суда РФ¹ по этому поводу отмечается, что *«результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они... свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств..., сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность»* (проще говоря, основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) должны быть достаточно достоверные сведения о предполагаемом сбыте наркотиков).

Такая позиция была продуцирована актом Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), где одним из основных требований, предъявляемых к действиям оперативного подразделения в рамках подготовки и проведения проверочной закупки наркотиков, выступает так называемый *критерий пассивного поведения сотрудников*. Так, в решении по делу «Раманаускас против Литвы» отмечается, что «провокация со стороны полиции происходит в тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов или лица, действующие по их поручению, не ограничиваются расследованием преступной деятельности *преимущественно пассивно*, а оказывают такое влияние, что *подстрекают к совершению преступления, которое иначе не было бы совершено*, для того, чтобы раскрыть преступление, а именно получить доказательства его совершения и начать уголовное преследование...».

В решении ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против Российской Федерации» несколько разъясняется позиция суда относительно так называемой негласной операции, которой называют проверочную закупку: «В любой негласной операции должно соблюдаться требование о проведении расследования в основном *пассивным способом*. Это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный

---

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (от 30.06.2015 № 30).

контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельное требование, повышение цены по сравнению с обычной или обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома».

Первое в процитированных решениях ЕСПЧ, что бросается в глаза и режет слух, так это словосочетание «расследование преимущественно пассивным способом». Вообще-то, по меркам российского понимания правоохранительной деятельности, где одним из главных принципов является *наступательность*, словосочетание «пассивное расследование» выступает исключительно отрицательной оценкой, характеризующей неблагоприятный результат работы, влекущий за собой возможные дисциплинарные последствия.

Об этом Ю.П. Гармаев рассуждает так: «Изучение следственной и оперативно-разыскной практики последних лет демонстрирует одну из негативных тенденций, часто проявляющуюся в деятельности правоохранительных органов. Речь идет о пассивности, безынициативности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, допускаемых не просто отдельными следователями и оперуполномоченными... . Налицо весьма опасная по своей сущности и масштабам закономерность»¹. Рассматриваемую категорию отмечают авторы научно-практического комментария к ФЗ об ОРД, которые описывают принцип наступательности следующим образом: он состоит в «направленности ОРМ на поиск сведений о признаках преступной деятельности и выявление неизвестных ранее лиц, намеревающихся совершить преступление. В соответствии с этим принципом оперативно-разыскные меры должны преимущественно носить упреждающий, превентивный характер, быть направленными на предупреждение и пресечение преступлений»².

Таким образом, «пассивное расследование» в рамках российской правовой системы не может оцениваться как позитивное и достойное применения.

Второе, что также вызывает массу вопросов, так это упомянутое в решении ЕСПЧ *поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления*. Само по себе давление на проверяемое лицо с целью совершения последним преступления, безусловно, не должно иметь места в правоохранительной практике, однако предложенные далее примеры такого давления представляются не однопорядковыми и далеко не всегда несут отрицательную окраску.

Так, *инициативный контакт с проверяемым лицом* в подавляющем большинстве случаев – абсолютно нормальное, рутинное явление для практики проведения проверочной закупки и некоторых иных ОРМ.

---

¹ Гармаев Ю.П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2016. № 2. С. 6-12.

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николука. М., 1999.

Представим себе продавца наркотиков, в отношении которого у правоохранительного органа имеется достоверная информация о систематически осуществляемом им наркосбыте. Документирование фактов сбыта может осуществляться в двух вариантах:

– пассивное наблюдение в ожидании появления покупателей, для чего требуются колоссальные людские, технические и временные ресурсы (визуальное конспиративное слежение, контроль общения с помощью гаджетов и т.п.);

– активные действия, не требующие таких затрат (разработка операции, ее проведение, оформление документов и их передача для решения вопроса о возбуждении уголовного дела).

Более того, активные действия сыщиков позволяют ситуации развиваться по разработанному ими сценарию, что минимизирует возможные сбои и упущения.

Повторное предложение покупателя о приобретении наркотика после первоначального отказа сбытчика тоже нуждается в осмыслении с учетом конкретно сложившейся ситуации. Представим себе, что во время первоначальной встречи сбытчик посчитал место контакта не соответствующим, предположим, требованиям безопасности и предложил встретиться еще раз в иной обстановке. По прибытии на место новой встречи с продавцом покупатель, дабы не провоцировать совершение преступления, по мнению ЕСПЧ, должен молча ожидать, пока продавец сам не предложит продать наркотики, что выглядит по меньшей мере странно и нетипично для отношений в сфере наркотрафика.

Настоятельные требования продать наркотик действительно не вписываются в устоявшиеся отношения в этой области, и поэтому могут выглядеть провокационными, однако тоже нуждаются в оценке в каждой конкретной ситуации.

Повышение цены по сравнению с обычной также зависит от множества факторов: внезапно возникшего дефицита на наркорынке, скачка валютного курса и т.п.

И, наконец, *обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома*. Полагаем формирование со стороны покупателя данной мотивации для реализации наркотиков потенциальным сбытчиком действительно провокационными действиями, не имеющими никакого логического оправдания.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Предложенное в решениях ЕСПЧ подавляющее число вариантов побуждения сбытчика к противоправным действиям в процессе проверочной закупки не имеет однозначного решения и нуждается в правовой оценке в каждом конкретном случае.

2. С учетом существенных различий между правовой системой России и типичными подходами рассматриваемого судебного органа не следует в

оперативно-разыскной практике механически использовать шаблоны, предлагаемые в решениях ЕСПЧ.

Список литературы

Гармаев Ю.П. Принцип наступательности в выявлении и расследовании преступлений // Российский следователь. 2016. № 2. С. 6-12.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николюка. – М., 1999.

Иванов Петр Иванович,

главный научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,

Заслуженный юрист РФ,

Заслуженный профессор Академии управления МВД России

доктор юридических наук, профессор,

Шитов Артем Сергеевич,

адъюнкт Академии управления

МВД России

Проблемы межотраслевых связей

уголовного и оперативно-разыскного законодательства

Проблема межотраслевых связей, на наш взгляд, состоит в преодолении противоречий между потребностью совершенствования уголовного законодательства и современным состоянием оперативно-разыскного законодательства в области борьбы с преступностью, прежде всего, призванного обеспечить практическую реализацию норм уголовного закона. На сегодня научно обоснованное представление о межотраслевых связях анализируемых законодательств таково, что, в частности, уголовное законодательство не в полной мере создает необходимые условия для оперативно-разыскного обеспечения реализации его норм. В свою очередь отдельные нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее - ФЗ «Об ОРД») не находят трансформацию в уголовном законе, вследствие чего сама оперативно-разыскная деятельность не в состоянии в полной мере раскрыть свои имеющиеся потенциальные возможности.

Говоря о межотраслевых связях, следует учесть одно немаловажное обстоятельство, а именно: оперативно-разыскная деятельность, как утверждают специалисты в области теории ОРД, является неотъемлемой частью уголовно-правовой политики и она объективно связана с уголовным правом¹. Как известно, в настоящее время уголовно-правовые понятия, нормы и институты лежат в основе многих положений оперативно-разыскного законодательства, регулирующего данный вид деятельности. К тому же ряд задач уголовного законодательства решается посредством проведения комплекса оперативно-разыскных мероприятий. При этом положения, установленные уголовным правом, определяют их объем и направленность.

Существующая политика в сфере борьбы с преступностью², рассматриваемая нами как система, включает в себя криминологическую,

---

¹ См.: Горяинов К.К. Тенденции развития оперативно-разыскной деятельности в контексте уголовной политики // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин. 2019. С. 30-35.

² В юридической литературе можно встретить и иные термины: «государственная политика борьбы с преступностью», «социальная политика», «правовая политика», «внутренняя политика».

административно-правовую, уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, оперативно-разыскную политику¹. Отсюда возникают вопросы: как их совместить в одно целое; какая из них является главенствующей; какие критерии их разграничения; какова сущность и содержание каждой из них? На наш взгляд, чтобы ответить на эти вопросы, безусловно, потребуется углубленное их изучение. Одновременно полагаем, что потребность в создании системы единой политики в сфере борьбы с преступностью до сего времени сохраняется.

Как нам представляется, несмотря на наличие серьезных проблем между уголовным правом и оперативно-разыскным законодательством, их взаимообусловленностью и взаимозависимостью, данный вопрос неоправданно обойден вниманием исследователей, прежде всего, в теории ОРД. Однако мы не ставим перед собой задачу восполнить этот пробел в одной отдельно взятой статье. Это просто невозможно, так как межотраслевые связи носят многогранный характер, а сами проблемы, связанные с уголовным и оперативно-разыскным законодательством, до сего времени остаются малоисследованными². Думается, требуют научного осмысления комплексно и во многом по-новому теоретические, научно-практические и правовые проблемы, затрагивающие степень корреляции уголовно-правовых норм оперативно-разыскным законодательством, непосредственно обеспечивающим их реализацию. В связи с этим, со своей стороны полагаем, что исследовательский интерес ученых в первую очередь должен быть направлен именно на этот ключевой вопрос.

Исходной базой служит тезис о том, что уголовное право определяет основные направления уголовной политики. В свою очередь оперативно-разыскная деятельность как наиболее действенное средство противодействия преступности выполняет обеспечительную функцию, создавая соответствующие условия для ее реализации.

Законодатель, формулируя нормы, подходит по-разному. Это можно проследить, сравнивая отдельные статьи уголовного закона и ФЗ «Об ОРД». Так, например, ст. 1 УК РФ содержит его структуру. В свою очередь ФЗ «Об ОРД» в ст. 4 («Правовая основа оперативно-разыскной деятельности») также содержит структуру, но уже называя её правовой основой.

---

¹ Существует и иная точка зрения, сторонники которой утверждают, что уголовная политика как система включает в себя несколько элементов: 1) профилактическая политика; 2) уголовно-правовая политика; 3) уголовно-процессуальная политика; 4) оперативно-разыскная политика; 5) уголовно-исполнительная политика. См.: Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч.1. – М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 31.

² Исключением в этой сфере является диссертационное исследование Г.С. Шкабина: Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

Такой же подход законодателя просматривается при формулировании принципов. Нормы, закрепляющие принципы уголовного закона: ст. 3 («Принцип законности»), ст. 4 («Принцип равенства граждан перед законом»), ст. 5 («Принцип вины»), ст. 6 («Принцип справедливости»), ст. 7 («Принцип гуманизма») и дается их интерпретация. В то же время Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в одной статье называет перечень всех принципов (ст. 3), не приводя их разъяснение. Только один принцип «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (ст. 5) раскрывает его сущность и содержание. Мы полагаем более предпочтительным подход, предложенный в уголовном законе. По такому же пути идут и страны СНГ.

Не вдаваясь в глубину вопроса, укажем некоторые существующие «ножницы» между уголовным и оперативно-разыскным законодательством, которые отчасти мешают повышению эффективности правоприменительной практики оперативных подразделений полиции.

К числу обстоятельств подобного рода мы относим невозможность осуществления такого оперативно-разыскного мероприятия, как «оперативный эксперимент» по делам о мелком взяточничестве (ст. 291.2 УК РФ). В соответствии со ст. 15 УК РФ такое деяние относится к числу преступлений небольшой тяжести. Следовательно, проведение оперативного эксперимента в целях их выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия не допускается (абз. 8 ст. 8 «Условия проведения оперативно-разыскных мероприятий»). Хотя правоприменительная практика показывает, что изобличить взяточполучателя либо взяткодателя без проведения указанного оперативно-разыскного мероприятия невозможно или крайне затруднительно. Практика идет по пути осуществления предварительной оперативной проверки, имеющейся в распоряжении подразделений ЭБиПК информации о даче взятки должностному лицу (даже при минимальной сумме взятки) посредством проведения иных оперативно-разыскных мероприятий («опрос», «наведение справок», «наблюдение» «отождествление личности» и т.п.). При этом отрабатывается версия о делящемся (продолжаемом) преступлении. Как нам представляется, все эти оперативно-разыскные мероприятия, даже взятые вместе, вряд ли могут заменить «оперативный эксперимент».

Следует заметить, что суды не признают «оперативный эксперимент» обоснованным и правомерным, если с требованием о передаче взятки выступило само должностное лицо, но было установлено, что «благоприятная» для таких действий обстановка была создана с участием оперативных работников. Их действия будут признаны провокационно - подстрекательскими.

Авторы данной статьи, несмотря на определенные преимущества проводимых оперативно-разыскных мероприятий, твердо убеждены в том, что основным средством противодействия коррупции на сегодняшний день в целом продолжает оставаться только уголовный закон.

Как нам представляется, другой, не менее важной проблемой продолжает оставаться имеющееся нечеткое разграничение между такими нормами, как ст. 304 УК РФ («Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд») и п. 14 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» («Оперативный эксперимент»). Хотя ФЗ «Об ОРД» прямо запрещает подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, расценивая это как провокацию (ст. 5). Тем самым встает вопрос о необходимости отграничения правомерного изобличения взяточполучателя от провокационно-подстрекательских действий¹.

Укажем еще один момент рассогласования двух законов. Реальное возмещение причиненного материального ущерба от преступлений в настоящее время вызывает особое беспокойство. В уголовном законе конфискации имущества посвящена специальная глава (15.1), которая состоит из 3-ех статей: ст. 104.1 («Конфискация имущества»); ст. 104.2 («Конфискация денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации»); ст. 104.3 («Возмещение причиненного ущерба»). Теперь давайте посмотрим, что мы имеем на сегодня в части решения обозначенного вопроса. Заметим, что законодатель, учитывая сложности и трудности в практической реализации вышеуказанных норм, вносит дополнение в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» (одна из задач ОРД – «установление имущества, подлежащего конфискации»). На этом примере мы твердо убеждаемся в обеспечительном характере ОРД, осуществляемой оперативными подразделениями полиции. И одновременно получаем ответ на вопрос «что первично – уголовный закон или ФЗ «Об ОРД»?». Разумеется, уголовный закон, и его задачи, сформулированные в ст. 2 УК РФ, на наш взгляд, успешно могут быть решены лишь при одном условии – наличии предпосылок для этого в оперативно-разыском законодательстве.

Как нам представляется, принципиально важным является соблюдение сопряжений норм уголовного и оперативно-разыского законодательства. Лейтмотивом служит ст. 35 УК РФ («Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) при определении оснований и условий проведения оперативно-разыских мероприятий. Цели и задачи осуществления ОРД ориентированы, прежде всего, на недопущение совершения ими преступлений.

Законодатель, формулируя нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», исходил в первую очередь из уголовного закона. Так, например, проведение оперативно-разыских мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и

---

¹ Квалификация получения взятки (ст. 290 УК РФ). Проблема рассмотрения судами оперативного мероприятия «оперативный эксперимент» как провокации взятки: методические рекомендации. Омск: Омская академия МВД России, 2014. С. 26-38.

гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается лишь на основании судебного решения. Правоприменительная практика идет по пути их проведения по делам о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Уголовный закон устанавливает в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния категории преступлений (ст. 15), в том числе тяжкие и особо тяжкие преступления. Между тем следует отметить, что прослушивание телефонных и иных переговоров допускается и в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Так, абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» гласит, что «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Как видим, в данном случае мы имеем дело с отсылочной нормой. Теперь обращаемся к Уголовному кодексу РФ.

На сегодня уголовный закон в Общей части содержит целую гл. 11 «Освобождение от уголовной ответственности». Однако в ней нет специальной нормы, освобождающей такое лицо от уголовной ответственности. Можно ли применять по анализируемому случаю, например, такие нормы, как ст. 41 «Обоснованный риск», ст. 64 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление» или ст. 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием»? Думаем, что нет. Мы приходим к выводу о том, что УК РФ на сегодня не содержит такого основания, которое освободило бы от уголовной ответственности лицо, содействовавшее органам, осуществляющим ОРД, причем на контрактной основе. Получается так: продекларировано ФЗ «Об ОРД», но сама норма является «мертворожденной».

В заключение отметим следующее.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все положения, изложенные в статье, бесспорны. Думается, что отдельные из них носят дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшей углубленной разработке.

Во-вторых, проблема изучения межотраслевых связей уголовного и оперативно-разыскного законодательства Российской Федерации, несмотря на ее актуальность, в теории ОРД изучена недостаточно. Пока что среди специалистов нет единства мнений по сущности и содержанию данной проблемы.

В-третьих, указанная проблема многогранна и многоаспектна. В настоящей статье нами высказаны лишь некоторые идеи, касающиеся

межотраслевых связей. На наш взгляд, они могут быть использованы в качестве исходных посылок для дальнейшего более обстоятельного изучения.

Список литературы

Горяинов К.К. Тенденции развития оперативно-разыскной деятельности в контексте уголовной политики // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования // Материалы IV межвед. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.П. Кувалдин. 2019. С. 30-35.

Квалификация получения взятки (ст. 290 УК РФ). Проблема рассмотрения судами оперативного мероприятия «оперативный эксперимент» как провокации взятки: методические рекомендации. Омск, 2014. – 52 с.

Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России: в 2-х ч. / под ред. Л.И. Беляевой. Ч.1. М., 2014. – 167 с.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

Ларичев Василий Дмитриевич,
главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Оперативно-разыскное предупреждение преступлений в сфере экономики

В последние годы государством уделяется большое внимание предупреждению преступности, что нашло отражение в ряде законодательных актов, прежде всего в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в котором раскрыты принципы, субъекты профилактики, их полномочия, права и обязанности. Достаточно детально рассмотрены основные направления профилактики, включая обеспечение экономической безопасности, выявление и устранение причин и условий возникновения коррупции, а также средства и методы реализации профилактики правонарушений.

Заслуживают внимания виды и формы профилактического воздействия, в том числе объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений. В этом плане следует отметить, что в настоящее время приняты изменения в действующее законодательство, наделяющие полицию правом объявлять обязательные для исполнения предостережения.

Возникает лишь вопрос о том, почему функционирование системы профилактики правонарушений осуществляется на основе различных программ. Ведь профилактика правонарушений должна осуществляться практически ежедневно, а не только по программам.

Значительное внимание этой деятельности уделено в Федеральном законе «О полиции», Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). В первом законе речь о предупреждении преступлений идет в ст.ст. 2, 10, 12, 13, во втором – в ст.ст. 2, 8, 11.

Полномочия сотрудников подразделений органов внутренних дел по предупреждению преступлений закреплены в Приказе МВД России «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», где раскрываются вопросы организации деятельности подразделений МВД России, а также обязанности различных сотрудников органов внутренних дел в соответствующей сфере.

Правда речь здесь идет о предупреждении преступлений. В этом плане стоит отметить, что исходя из содержания этих терминов в рассматриваемых законах и ведомственных нормативных актах, они представляются равнозначными.

Мероприятия по предупреждению (профилактике) преступлений, осуществляемые путем проведения оперативно-разыскной деятельности, или с использованием оперативно-разыскных мероприятий обычно именуют

оперативно-разыскным предупреждением (оперативно-разыскной профилактикой) преступлений.

При этом под оперативно-разыскной деятельностью в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» понимается вид деятельности, осуществляемой гласно или негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то законом посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Термин «оперативно-разыскные мероприятия» (ОРМ) неоднократно употребляется в названном и других федеральных законах. Но при этом законодатель не разъясняет их содержания.

Вместе с тем анализ литературных источников показывает, что в специальной литературе имеются довольно обстоятельные его формулировки. Общим для всех из них является понимание ОРМ как закрепленных в ФЗ «Об ОРД» действий, проводимых уполномоченными субъектами¹.

Наиболее близкой нам представляется точка зрения В.Г. Боброва, по мнению которого, ОРМ – это «организованная в соответствии с требованиями нормативных правовых актов система взаимосвязанных действий, направленных на получение и использование оперативно-разыскной и иной информации, предметов и документов как источников таких данных, значимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний, розыска преступников и лиц, пропавших без вести, а также для решения других оперативно-тактических задач по борьбе с преступностью»². Данное определение отличает то, что автор уточняет цель их проведения: получение и использование информации, фактических данных, имеющих значение для решения задач ОРД.

Об оперативно-разыскной профилактике говорили как основатели ОРД: В.Г. Самойлов³, С.С. Овчинский⁴, И.П. Козаченко⁵ и другие, так и современные авторы. Содержанием и целью оперативно-разыскной профилактики, по их мнению, являлось наблюдение за лицами, склонными к

---

1 См.: Теория оперативно-разыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – М., 2020. С. 281; Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-разыскных мероприятий: Монография. – М., 2006. С. 21; Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-разыскной деятельности: Монография. – М., 2001. С. 137; Железняк Н.С. Основы оперативно-разыскной деятельности: конспективные ответы на традиционные вопросы. – Красноярск, 2002. С. 17.

2 См.: Бобров В.Г. Понятие оперативно-разыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-разыскных мероприятий: Лекция. – М., 2003. С. 4.

³ См.: Самойлов В.Г. Некоторые проблемы совершенствования оперативно-разыскной деятельности // Труды ВШ МВД СССР. Вып. 9. – М.: ВШМ МВД СССР, 1972. С. 135.

⁴ См.: Овчинский С.С. Оперативно-разыскная профилактика: Лекция. – Калининград: ВШ МВД СССР, 1982. С. 7.

⁵ См.: Козаченко И.П. Оперативно-разыскная профилактика. – Киев, 1991. С. 39.

совершению преступлений, а также причины и условия преступности, с чем следует согласиться.

Таким образом, отличие просто предупреждения преступлений от оперативно-разыскного предупреждения заключается лишь в средствах достижения цели (использование оперативно-разыскных мероприятий при проведении оперативно-разыскного предупреждения). Цели и задачи оперативно-разыскного предупреждения и предупреждения одинаковы.

В связи с отмеченным возникает вопрос о том, все ли оперативно-разыскные мероприятия можно использовать для осуществления оперативно-разыскного предупреждения, например, можно ли использовать для этого, скажем, ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» или ОРМ «оперативный эксперимент».

В связи с этим рассмотрим порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий. При этом следует отметить, что ОРД предназначена для обеспечения безопасности государства, охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств и т.п. Для осуществления этих задач должностные лица, осуществляющие ОРД, должны пользоваться только законно установленными методами, учитывать обязательные условия проведения отдельных ОРМ, выполнять установленные для них обязанности и соблюдать предписанные запреты.

Согласно ФЗ «Об ОРД» общими критериями правомерности проведения любого ОРМ являются: наличие достаточных оснований для его проведения, соблюдение оснований и условий проведения, надлежащее исполнение обязанностей, а также соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении данной деятельности.

Под общим понятием основание, основа понимаются «исходные главные положения чего-нибудь, «источник, главное, на чем строится что-нибудь, является сущностью чего-нибудь»¹.

Под основанием для проведения ОРМ Е.С. Дубоносов понимает «фактические данные о непосредственных признаках противоправности деяния или угрозы общественной безопасности, требующие реагирования оперативно-разыскных органов»².

Основания проведения оперативно-разыскных мероприятий указаны в ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД». К ним в первую очередь относятся:

- наличие возбужденного уголовного дела;
- сведения о признаках преступления, а также о лицах, его подготавливающих;

---

¹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1993. С. 475; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1993. С. 334-335.

² Оперативно-разыскная деятельность : учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 284.

- данные о событиях или действиях, представляющих угрозу различной безопасности Российской Федерации;
- сведения о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;
- лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

Наряду с этим, такими основаниями являются поручения следователя, и других лиц по уголовным делам, находящимся в их производстве, запросы других органов и др.

В ч. 2 и 3 ст. 7 данного закона указаны другие основания, в том числе необходимые для принятия различных решений в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и др.

А.Ю. Шумиловым отмечалось, что эти основания могут носить административно-правовой характер, включая данные, необходимые для административной оперативно-проверочной работы (при оформлении допуска к государственной тайне; о допуске к участию в ОРД, об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении ОРМ, по обеспечению безопасности органов, осуществляющих ОРД и др.)¹.

Таким образом, в данной статье отмечается, что в первую очередь ОРМ проводятся по возбужденным уголовным делам, а также для установления признаков преступления. Проведение ОРМ для установления и устранения причин и условий преступности и мер в отношении лиц с целью недопущения с их стороны совершения преступлений в данной статье не приводится.

В ст. 8 указанного закона приведены условия проведения оперативно-разыскных мероприятий. Под общим понятием условий понимается «обстоятельство, от которого что-нибудь зависит», «правила, установленные в какой-либо области жизни, деятельности», «обстановка, в которой происходит что-то»² и др.

Таким образом, под условиями проведения ОРМ понимаются дополнительные требования, при которых возможно их проведение на законных основаниях.

Эти условия выражаются в требованиях о судебном санкционировании ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища и при наличии информации.

Исходя из этого требования, такие оперативно-разыскные мероприятия, указанные в ст. 6 ФЗ «Об ОРД» под номерами 9, 10, 11 и 15 не могут применяться для предупреждения преступлений, в том числе при проведении

---

¹ См.: Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов / 3-е изд., доп. и перераб. - М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008. С. 205-206.

² См.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Указ соч. С. 869; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. назв. работа. С. 635.

оперативно-разыскной профилактики, поскольку, во-первых, они могут применяться только по делам, по которым предварительное следствие обязательно, во-вторых, при направлении материалов в суд для проведения указанных ОРМ вряд ли он даст разрешение на их проведения при указании таких оснований для их проведения, как «предупреждение преступлений, в том числе проведение оперативно-разыскной профилактики».

К указанным требованиям относится также ведомственное санкционирование проверочной закупки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения и контролируемой поставки. При этом к проведению оперативного эксперимента предъявляются дополнительные требования в части выявления и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Исходя из этого, оперативный эксперимент также не допускается для проведения оперативно-разыскной профилактики.

Такие же требования распространяются и на прослушивание телефонных и иных переговоров, которое допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

На основании этого можно сделать вывод, что проверочная закупка, контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение не могут быть применены при проведении оперативно-разыскной профилактики, поскольку в постановлении на их проведение руководитель органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, вряд ли подпишет такое постановление.

Также следует учитывать результаты использования оперативно-разыскной деятельности. Исходя из содержания ст. 11 ФЗ «Об ОРД» в первую очередь результаты ОРД предназначены для решения задачи ОРД по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, а также выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В связи с этим, эти результаты могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-разыскных мероприятий, служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело и т.п.

Следует отметить, что некоторые направления использования результатов ОРД, предусмотренные ст. 11 ФЗ «Об ОРД», напрямую не связаны с решением задач ОРД. В частности, результаты ОРД могут направляться в налоговые органы для использования при реализации полномочий по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, по обеспечению представления интересов государства в делах о банкротстве, при реализации полномочий в сфере государственной

регистрации юридических лиц, а также для определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 8.1 ФЗ «Об ОРД»).

Как видим, здесь также не указано проведение оперативно-разыскной профилактики.

Таким образом, такие ОРМ как опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, отождествление личности в меньшей степени связаны с вторжением в личную жизнь граждан. С учетом этого их проведение может осуществляться при оперативно-разыскной профилактике.

Возникает также вопрос о том, для решения каких задач можно проводить отмеченные выше ОРМ. В этом плане можно в определенной степени согласиться с П.И. Ивановым в том, что их осуществление может осуществляться для:

- осуществления сбора и анализа информации о фактах и обстоятельствах, а также о криминально активных лицах;
- определения основных направлений поиска оперативно значимой информации о причинах и условиях преступности их нейтрализации или ослабления и т.п.¹

Список литературы

Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. - М., 2003.

Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: Монография. М., 2001.

Железняк Н.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: конспективные ответы на традиционные вопросы. Красноярск, 2002.

Иванов П.И. К вопросу об организации оперативно-разыскной профилактики экономических и коррупционных преступлений // Оперативник (сыщик). 2016, № 2.

Козаченко И.П. Оперативно-розыскная профилактика. - Киев, 1991.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М., 1993.

Овчинский С.С. Оперативно-розыскная профилактика: Лекция. Калининград, 1982.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов / Е.С. Дубоносов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

Самойлов В.Г. Некоторые проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности // Труды ВШ МВД СССР. Вып. 9. М., 1972.

---

¹ См.: Иванов П.И. К вопросу об организации оперативно-разыскной профилактики экономических и коррупционных преступлений // Оперативник (сыщик). 2016, № 2. С. 11.

*Ларичев В.Д. Оперативно-розыскное предупреждение
преступлений в сфере экономики*

Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред.
К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М., 2020.

Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных
мероприятий: монография. М., 2006.

Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности:
учебник для вузов / 3-е изд., доп. и перераб. М., 2008.

Мирзоев Гасан Борисович,

президент Гильдии российских адвокатов,
ректор Российской академии адвокатуры и нотариата,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Проблема провокации преступлений и меры противодействия ей

В настоящее время актуальной представляется проблема провокации преступлений со стороны недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Данная проблема тревожит меня как адвоката и как гражданина. Мне хотелось бы выразить свою позицию на подобную негативную правоприменительную практику.

Проблема провокации вызывает тревогу в обществе, ведь для российского государства в его стремлении совершенствовать правовую систему и обеспечить человека как высшую ценность, подобные прецеденты как провокации ставят под сомнение способность претворить эти стремления в жизнь. Поэтому данная проблема важна не только для самих практиков – реализаторов правовых норм, но и теоретиков-ученых, способных в своих трудах освятить указанную проблему и сформулировать некоторые рекомендации по ее если не устранению, то минимизации.

Не секрет, что зачастую материалы, полученные в результате провокаций со стороны сотрудников, полномочных проводить ОРМ оказывают определяющее значение при вопросе о возбуждении уголовного дела. Тем самым фактически предопределяя исход всего процесса, вплоть до судебного решения. Как известно в нашей стране чрезмерно мал процент прекращения возбужденных уголовных дел и еще более мал процент оправдательных приговоров. Поэтому от результатов ОРМ фактически зависит исход уголовного судопроизводства в отношении конкретного гражданина и от того насколько добросовестно и компетентно осуществляют свою работу сотрудники, производящие ОРМ, принципиально зависит степень реализации возможности достигнуть действительного, ничем незамутненного и объективного правосудия.

Существующая проблема провокации актуализируется и усиливается на фоне так называемого обвинительного уклона, о котором уже достаточно много написано и сказано. Поэтому сейчас на ней останавливаться не будем. Добавим лишь то, что к проблеме провокации, кроме обвинительного уклона обуславливают и другие, нуждающиеся в решении, вопросы:

- несовершенство нормативно-правового регламентирования оперативно-разыскной деятельности;
- отсутствие надлежащего порядка выполнения решений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ);
- использование на практике старых методов, несовместимых с современными требованиями;

- сохранившаяся до сегодняшних дней так называемая корпоративная заинтересованность должностных лиц правоохранительных органов в повышении показателей по противодействию определенным категориям преступлений.

Как правило, провокации при проведении ОРМ, встречаются в сфере в сфере незаконного оборота наркотиков и получения или дачи взятки или коммерческого подкупа.

Несмотря на наличие перечисленных негативных факторов, названных выше, следует отметить определенную положительную динамику, свидетельствующую о том, что в последнее время суды стали уделять больше внимания вопросу правовой защиты личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности. Определённый толчок к таким подвижкам был сделан благодаря решениям ЕСПЧ, что дало основания для Верховного суда разработать рекомендации для нижестоящих судов обращать внимание на правовые основы реализации норм об ОРД в целях выявления признаков провокации.

Наиболее важной вехой этом процессе стало известное решение ЕСПЧ по делу «Ваньян против России» от 15.12.2005. Суд в этом решении отразил содержание понятия провокации преступления (entrapment) как ситуации, при которой полицейские или действующие под их контролем агенты не ограничиваются «преимущественно пассивными методами расследования», но осуществляют такое воздействие на проверяемого субъекта, которое подталкивает того к совершению преступления, которое иначе не было бы совершено, при условии, что это делается для того, чтобы собрать доказательства против такого субъекта и начать его уголовное преследование.

Данное дело повлекло за собой ряд изменений в законодательстве РФ. Так, согласно изменениям в ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», внесенным в ст. 5, органам (должностным лицам) запрещено подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Схожую идею о содержании провокации преступления реализовал и Пленум ВС РФ, который в п. 14 постановления от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указал, что «результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность». После этих позитивных шагов последовали и другие,

связанные практикой апелляционных и кассационных судов, которые стали постепенно воспринимать стандарты ЕСПЧ по вопросу провокации.

Также к числу важных новелл в развития судебной практики, исключаящей провокацию, можно отнести п. 34 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», согласно которому провокация преступления следует «в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»

Вместе с тем, несмотря на явную положительную динамику противодействия провокациям, образованную в результате восприятия судами РФ решений ЕСПЧ, в нашей правовой системе до сих пор отсутствует единая система юридических критериев для оценки признаков провокации преступления. Считаем, что каждый правоприменитель, в том числе адвокат, основной функцией которого является правовая помощь гражданину, в том числе подвергшемуся незаконному уголовному преследованию, обязан знать данные критерии, руководствуясь практикой судов РФ, так и практикой ЕСПЧ.

Исходя из анализа решений ЕСПЧ можно дать адвокату следующие рекомендации по уголовно-правовой оценке действий лиц, участвующих в проведении ОРМ.

1. Следует оценить порядок получения изначальной информации о преступлении: от лица, не участвующего в ОРД или от конфиденнта. Во втором случае возникает как бы презумпция провокации. Считается, что действия агента сосредоточены на «агрессивном» обличении виновного, в связи с чем качество такой информации нельзя зачастую признать объективным и требуется детальная ее проверка. К свойствам получаемой полицией информации, дающей повод для ОРМ ЕСПЧ относит объективность, проверяемость и достаточность. В таком случае первичные данные должны быть подтверждены результатами других ОРМ.

Другими словами, вся информация, являющаяся поводом для проведения ОРМ должна быть проверяемой. Рапорт оперативного сотрудника о получении данных о преступлении не может быть единственным доказательством достоверности.

2. Критическому анализу необходимо подвергнуть порядок принятия решения о проведении ОРМ. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предполагает проведение ряда оперативно-разыскных мероприятий только на основании постановления, утверждаемого руководителем органа, осуществляющего ОРД. В решениях ЕСПЧ ошибки,

допущенные на этом этапе, отнесены к числу системных проблем законодательства, регулирующего данный вид деятельности в РФ.

3. Требуется внимательного изучения и процедура проведения ОРМ. Для оценки правомерности данного этапа оперативно-разыскной деятельности ЕСПЧ выработал особый правовой стандарт - *essentially passive manner*, что означает недопустимость чрезмерно активных действий со стороны полицейских и их агентов в ходе подготовки и реализации ОРМ. Среди таких видов действий следует назвать различные манипуляции поведением подозреваемого, настойчивое разжигание интереса к совершению преступления (включая просьбы и пр.) Если установлено, что полицейский агент просил, осуществить незаконные действия неоднократно, после первоначального отказа, это обстоятельство явно свидетельствует о провокации со стороны сотрудников, осуществляющих ОРМ¹.

4. Следует внимательно рассмотреть возможность применения российского уголовно-процессуального законодательства с позиций процессуальных гарантий для подзащитного от привлечения к уголовной ответственности, основанной на результатах провокационных ОРМ.

Речь идет, во-первых, об обеспечении подсудимому самой возможности изложить свои доводы о подстрекательских действиях полицейских и их агентов, а во-вторых, о проведении национальным судом (первой или апелляционной инстанции) всесторонней проверки этих доводов в пределах предоставленных суду полномочий. Суть данного критерия состоит в том, что если нарушения, допущенные на досудебных этапах уголовного судопроизводства, были устранены в ходе судебного разбирательства, то подсудимый утрачивает статус жертвы нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - ЕКПЧ) и может рассчитывать на компенсацию причиненного ему вреда лишь в рамках национальных процедур реабилитации.

При применении данного критерия ЕСПЧ исходит из презумпции провокации преступления в том случае, если заявление подсудимого о подстрекательстве не является явно необоснованным (*manifestly ill founded*). Следствием данной презумпции является возложение бремени опровержения доводов о провокации на государственного обвинителя. В рамках такого опровержения перекрестному допросу в судебном заседании должны быть подвергнуты сотрудники, проводившие ОРМ, и лица, явившиеся источником оперативной информации о подсудимом, представители общественности и понятые, присутствовавшие при ОРМ, иные очевидцы преступления².

Особое значение ЕСПЧ придает исследованию записей телефонных переговоров агентов и подсудимых. Их отсутствие, например, в материалах дела «Веселов и другие против России» во многом предопределило вывод

---

¹ Осипов А.Л. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником по уголовным делам, связанным с провокацией преступления // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 1. С. 90-97

² Там же.

ЕСПЧ о нарушении принципа справедливости судебного разбирательства в связи с неопровергнутостью доводов подсудимого о провокации.

В этом решении ЕСПЧ также дал негативную оценку действиям национального суда, который не удовлетворил ходатайств стороны защиты о приобщении к материалам дела копий приговоров, подтверждающих предшествовавшие факты неоднократного участия полицейского агента - закупщика в ОРМ по аналогичным уголовным делам под эгидой того же правоохранительного органа. Для ЕСПЧ это важный (хотя и не решающий) довод в пользу провокационности ОРМ.

Таким образом, считаем, что указанные рекомендации необходимо обобщить, сформулировать их, а также понятие провокации и указать их в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», а также в одном из Постановлений Пленума ВС РФ в качестве руководства для оценки законности производства ОРМ и выявления при их осуществлении провокации.

Список литературы

Осипов А.Л. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом-защитником по уголовным делам, связанным с провокацией преступления // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 1. С. 90-97.

*Михайлов В.И. Развитие института обстоятельств,
исключающих преступность деяния ...*

Михайлов Валентин Иванович,

главный научный сотрудник
отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства;
судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

**Развитие института обстоятельств,
исключающих преступность деяния,**

в постановлениях пленумов высших судебных органов страны

В определенном смысле оперативно-служебная деятельность правоохранительных органов и спецслужб имеет двойственный характер. С одной стороны, осуществление этого нормативно признанного вида государственной деятельности имманентно сопряжено с причинением правомерного вреда интересам охраняемым уголовным законом. С другой стороны, правоохранительные органы применяют нормы гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК) при оценке обоснованности причинения вреда при защите личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз. В связи с этим, представляет практический интерес рассмотрение позиций высших судебных органов страны, касающихся обстоятельств, исключающих преступность деяния.

За советский и постсоветский период были приняты постановления Пленум Верховного Суда СССР и Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 1956 г. № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» (далее - Постановление 1956 г.), от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» (далее - Постановление 1969 г.), от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (далее - Постановление 1984 г.), от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – Постановление 2012 г.), специально посвященные вопросам обстоятельств, исключающих преступность деяния, в основном необходимой обороны.

Кроме того, вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния, затрагивались и в других документах высшего судебного органа. В частности, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее - Постановление 2009 г.) и от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина». Серьезное значение для понимания

существа некоторых элементов нормы о необходимой обороне также имеет Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1964 г. по делу Ильяного (далее – Постановление по делу Ильяного). Интересный фактический материал содержится также в Обзоре практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2019 г.

Оставляя в данном случае за рамками рассмотрения вопрос о решениях судов как источников уголовного права, отметим, что в указанных и иных постановлениях находят разрешение многие спорные вопросы теории уголовного права, касающиеся обстоятельств, исключающих преступность деяния. Особенная ценность таких решений в том, что они основываются на *изучении судебной практики* применения соответствующих уголовно-правовых норм, а также в том, что в подготовке правовых позиций принимают опытные квалифицированные специалисты, обладающие профессиональным и житейским опытом и багажом научной работы.

В тоже время, в судебной практике нормы гл. 8 УК применяются редко. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации суды со ссылками на нормы гл. 8 УК признали не преступным причинение вреда:

- в 2017 г. - в 34 случаях, из них в 28 случаях - при необходимой обороне, 1 - задержании лица, 2 - крайней необходимости, 1 - обоснованном риске, 1 - исполнении приказа. Нормы о превышение пределов необходимой обороны, крайней необходимости и мер по задержанию были применены в отношении 76 человек. За это период судами были вынесены судебные акты по существу обвинения в отношении 902 950 лиц, а осуждено – 697 054 человека;

- в 2018 г. - в 6 случаях (во всех случаях о необходимой обороне). Нормы о превышение пределов необходимой обороны, крайней необходимости и мер по задержанию были применены в отношении 1675 человек. Судами в отношении 858 015 человек были вынесены судебные акты по существу обвинения, 658 291 человек было осуждено;

- за первое полугодие 2019 г. в 5 случаях (4 – о необходимой обороне, 1 - о крайней необходимости). Нормы о превышение пределов необходимой обороны, крайней необходимости и мер по задержанию были применены в отношении 672 человека. За этот период судами в отношении 384 584 человек были вынесены судебные акты по существу обвинения, 291 662 человек было осуждено¹.

В период подготовки в 2012 г. Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» было организовано изучение практики применения судами *всех* обстоятельств,

---

¹ Данные судебной статистики. Форма 10.2 // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>

исключающих преступность деяния. Полученные статистические данные показали, что за два с половиной года (2010 г. - первая половина 2012 г.) со ссылками на ст. 37 УК было оправдано 162 человека, со ссылками на ст. 38 УК - 11 человек, со ссылками на ст. 39 УК - 3 человека, со ссылками на ст. 42 УК - 4 человека. Нормы об обоснованном риске и психическом и физическом принуждении (ст. 40 и 41 УК) не применялись. Около 90 % решений судов, принятых по гл. 8 УК, посвящено необходимой обороне. С учетом этого было принято решение о проведении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам практики применения норм о необходимой обороне и о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 37 и 38 УК)¹.

Проведенные нами исследования показали, что всего лишь 3 % решений судов, принятых по гл. 8 УК, касались лиц, на которых возложены обязанности по защите других лиц, интересов общества и государства от общественно опасных посягательств. Из числа осуждаемых по ст. 108 и 114 УК за превышение пределов необходимой обороны либо превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, всего около 0,3 % обязаны были защищать других лиц, интересы общества и государства от общественно опасных посягательств (сотрудники частных охранных предприятий и сотрудники органов внутренних дел).

В 94 % случаев необходимая оборона была направлена на защиту жизни и здоровья самого обороняющегося, в 1,5 % случаев – собственности обороняющегося, в 4,5 % случаев – жизни, здоровья и иных интересов родственников и других близких лиц. Лишь в единичных случаях действия обороняющегося были направлены на защиту жизни и здоровья родственников и других близких лиц, а также собственности самого обороняющегося².

Вместе с тем, в теории права и в учебной литературе распространена точка зрения, согласно которой правомерность причинения вреда в ходе осуществления не только оперативно-разыскной деятельности, но в целом государственно-властной, административной деятельности должна основываться на нормах УК РФ. Военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов применяя огнестрельное оружие, специальные средства и физическую силу при отражении посягательств и задержании лиц, совершивших преступление, должны руководствоваться условиями, предусмотренными главой 8 УК, а не федеральными законами, предметно регулирующими их профессиональную деятельность³.

---

¹ Пленум Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11. С.1.

² Кибальник А.Г., Михайлов В.И., Пархоменко С.В., Поликарпова И.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 10. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 199-200.

³ Савинов А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Однако, приведенные выше статистические данные и анализ постановлений пленумов высших судебных органов страны указывают на обратное. Они демонстрируют, что вывод об исключительной правовой основе в виде норм гл. 8 УК РФ в правомерности действий сотрудников правоохранительных и иных государственных органов и организаций, причиняющих вред в процессе реализации профессиональных (должностных) функций, не подтверждается судебной практикой.

Более того, в п. 20 Постановления 2009 г. прямо зафиксировано, что основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств определены в соответствующих законах. Это, в частности, федеральные законы от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и другие нормативно-правовые акты Российской Федерации. Тем самым Верховный Суд Российской Федерации признал, что обстоятельства, которые исключают преступность деяния, закреплены не только в УК, но и в других федеральных законах и иных нормативных правовых актах.

На таких же принципиальных основах сформулированы правовые позиции п. 4 Постановления 1984 г., п. 20 Постановления 2009 г. и п. 28 Постановления 2012 г., в которых отмечается что, не подлежат уголовной ответственности военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и иные лица за вред, причиненный действиями, совершенными в соответствии с *требованиями законов, уставов и иных нормативных правовых актов*, предусматривающих основание и порядок применения оружия, специальных средств, боевой техники и физической силы в данной обстановке.

Сторонники точки зрения, согласно которой при определении правомерности причинения вреда в результате применения сотрудниками правоохранительных и иных государственных органов и организаций физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и иных мер приоритет должен отдаваться уголовному закону о необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление, в качестве аргумента указывают, что в соответствии с ч. 3 ст. 37 УК положения нормы ст. 37 УК о необходимой обороне в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Таким образом, по их мнению, сотрудники правоохранительных и иных государственных органов и организаций при отражения преступных посягательств и иных угроз не только в частном порядке, но и во всех случаях исполнения оперативно-служебных функций также должны руководствоваться нормами гл. 8 УК¹.

С. 41-46, Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 1. СПб. : Юридический центр Пресс. 2008. С. 404.

¹ Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 13; Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое

Но смысл этой нормы иной. В 3 ст. 37 УК закреплена правовая позиция, сформулированная в Постановлении по делу Ильяного, где специально было подчеркнуто, что никаких особых требований к необходимой обороне работника милиции, действующего в частном качестве, закон не устанавливает. Положения закона о необходимой обороне в равной степени распространяются как на сотрудников милиции, так и на всех других граждан. Эта правовая позиция в дальнейшем была закреплена в ст. 37 УК.

Сотрудники правоохранительных и иных государственных органов и организаций обязаны действовать вредоносным образом даже с угрозой собственным интересам в случае реализации своих профессиональных (должностных) функций или исполнения приказа и при этом они обязаны соблюдать установленную законом процедуру. А когда обстановка складывается вне рамок обычной профессиональной (служебной) деятельности и на лице не лежит обязанность устранять опасность с соблюдением установленного федеральными законами и (или) иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядка применения вредоносных средств путем причинения строго определенного вреда, то такая опасность их жизни, здоровью или иным их интересам или интересам других лиц, обществу и государству порождает ситуации необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости и т.д. И если в такой обстановке спасение жизни или сохранение здоровья сотрудника правоохранительных и иных государственных органов и организаций возможны путем применения вредоносных средств *вне рамок процедур и пределов вреда*, установленных для конкретной ситуации соответствующими законами, уставами или инструкциями, регулирующими профессиональную (служебную) деятельность, то этой возможностью следует воспользоваться.

Приведенные статистические данные о практике применения судами норм гл. 8 УК, правовые позиции, сформулированные в постановлениях 1984, 1989, 2009 и 2012 г., Постановлении по делу Ильяного, позволяют сделать вывод. Он состоит в том, что в судебной практике в качестве правовой основы правомерности вреда, причиненного сотрудниками правоохранительных и иных государственных органов и организаций при проведении оперативно-разыскных и специальных мероприятий, применения оружия, специальной техники, физической силы и иных мер, признаются федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие соответствующий вид профессиональной (служебной) деятельности.

Таким образом, следует признать, что судебная практика сформировала такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как «выполнение профессиональных (должностных) функций». Содержание этого обстоятельства, исключающего преступность деяния, сводится к тому, что деяния, совершение которых в ходе реализации профессиональных

(должностных) функций признано законом, хотя и причиняют вред, но являются социально допустимыми, так как содействуют охране правопорядка, правильному осуществлению функций государственных органов и иной общественно полезной деятельности.

В теории права выполнение профессиональных (должностных) функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния (именуя его по-разному), рассматривают, в частности, Н.С. Таганцев, А.А. Пионтковский, А.И. Санталов и другие исследователи¹.

Кстати, норма о правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления в органы власти в целях обеспечения неотвратимости уголовной ответственности также первоначально была сформулирована в Постановлении 1956 г. В п. 2 и 5 данного постановления отмечалось, что действия, предпринятые потерпевшим или другими лицами по задержанию преступника с целью доставления его в соответствующие органы власти, как правомерные приравниваются к необходимой обороне. Здесь же отмечалось, что уголовная ответственность за действия по задержанию преступника, повлекшие для него тяжкие последствия, может наступить лишь за действия, совершенные с превышением пределов необходимой обороны, когда применение средств для задержания не вызывалось ни характером нападения, ни реальной обстановкой, и без необходимости причинен нападавшему тяжкий вред.

В последствии в п. 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР 1966 г. № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство» было закреплено положение о том, что действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику. Но в указанном нормативном правовом акте СССР не раскрывались основания и пределы правомерно причиняемого вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также отсутствовало определение признаков превышения мер, необходимых для задержания.

Эти пробелы были в значительной степени устранены в Постановлении 1969 г., в котором определялись основания (задержание *непосредственно* после посягательства для доставления преступника в органы власти), устанавливались пределы допустимого вреда (необходимые для задержания), закреплялось, что уголовная ответственность за причинение вреда преступнику при его задержании может наступить лишь при условиях, если действия, причинившие вред преступнику, не являлись необходимыми для его

---

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 т. Т.1. М.: Наука, 1994. С. 191-192; Курс советского уголовного права. В 6 Т. Т. 2. М. : Наука, , 1970. С. 395-397; Курс советского уголовного права. В 5 Т. Т. 1. Л. : изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1968. С. 519-522; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д. 1996. С. 133; Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 314

задержания, явно не соответствовали характеру и опасности посягательства и обстановке задержания. Указанная правовая позиция была повторена в Постановлении 1984 г. Тем самым в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации была создана правовая основа для исключения преступности соответствующих деяний и восполнялся пробел в советском уголовном законодательстве¹.

И только в 1995 г. в уголовном законе была закреплена норма о таком обстоятельстве, исключающем преступность деяния, как «причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление». Суды в качестве правового основания признания правомерным причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, применяли по аналогии норму о необходимой обороне.

Но в Постановлении 1984 г. был сделан еще один шаг в направлении нормативного расширения числа обстоятельств, исключающих преступность деяния. Наряду с условиями правомерности причинения вреда при необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление, в п. 4 было закреплено *положение о таком обстоятельстве, исключающем преступность деяния, как «выполнение профессиональных (должностных) функций»*. Согласно этой норме представители власти, работники правоохранительных органов, военизированной охраны и иные лица, в связи с исполнением ими служебных обязанностей по пресечению общественно опасных посягательств и задержанию правонарушителей, не подлежат уголовной ответственности за вред, причиненный посягавшему или задерживаемому, если они действовали в соответствии с требованиями *уставов, положений и иных нормативных актов, предусматривающих основание и порядок применения силы и оружия*.

Высшие судебные органы последовательно и однозначно в постановлениях 1956 г., 1969 г., 1984 г. и 2012 г. отмечали, что применение активных мер по защите от общественно опасного посягательства и задержании лица, совершившего преступление, путем причинения посягающему и задерживаемому вреда, *является правом граждан* и реализуется ими по собственному усмотрению. Граждане имеют право уклониться от столкновения, обратиться за помощью к другим лицам либо самостоятельно отразить преступное посягательство.

Термин «долг» упоминается в преамбуле и в п. 3 Постановления 1984 г., где указано, что действия народных дружинников и других граждан, выполнявших общественный долг по поддержанию правопорядка и причинивших вред лицу в связи с пресечением его общественно опасного посягательства и задержанием или доставлением посягавшего непосредственно после посягательства в соответствующие органы власти, должны рассматриваться как совершенные в состоянии необходимой

---

¹ Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 43

обороны. В данном случае вопрос идет о конституционном долге граждан. В постановлениях 1956 г., 1969 г. и 2012 г. термины «долг» или «обязанность» применительно к отражению посягательства или задержанию лица, совершившего преступление, не упоминается.

Поэтому встречающиеся в литературе утверждение, что *правовая обязанность сотрудников* правоохранительных и иных государственных органов и организаций отражать преступные посягательства, задерживать лиц, совершивших преступление, закреплена в нормах гл. 8 УК РФ о необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление¹, не согласуется с позицией высших судебных органов страны. Нормы гл. 8 УК РФ, за исключением статьи об исполнении приказа и распоряжения (ст. 42), предоставляют *гражданам право* действовать в соответствующих ситуациях даже путем причинения определенного вреда.

Обязанность защищать интересы граждан, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз их безопасности даже путем причинения вреда возлагается на сотрудников правоохранительных и иных государственных органов и иных организаций Законами Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», федеральными законами от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352, и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, предметно регулируемыми их профессиональную (служебную) деятельность.

Эти лица реализуют возложенные на них законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации обязанности даже причиняя вред благам, охраняемым уголовным законом, в пределах, определенных законами, уставами и т.п. Уклоняться от исполнения своих

---

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб 2007. С. 80, 182; Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 463-464, 474; Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 86-100.

обязанностей они не имеют права. Их профессиональная выучка, экипировка и прочее рассчитаны на типичные для их профессии случаи отражения опасности. Совокупность интересов, которые могут быть принесены в жертву, равно как и основания этого, а также алгоритм их действий в конкретных ситуациях, определены в соответствующих нормативных правовых актах, регулирующих их обязанности или исполнение приказа.

Предназначение норм гл. 8 УК РФ *сводится к определению поведения граждан* в случаях обороны от посягательств, задержания лиц, уклоняющихся от правосудия, устранения опасности, которую избежать в данных обстоятельствах иным образом невозможно и т.д. По мнению Ю.В. Баулина, внесшего серьезный вклад в развитие теории такого обстоятельств, исключающих преступность деяния, как задержание лица, совершившего преступление, в уголовно-правовой норме о данном обстоятельстве должно быть прямо указано о том, что субъектами задержания выступают граждане, а не лица, на которые возложена правовая обязанность осуществлять задержание¹.

Соглашаясь в данном случае с мнением Ю.В. Баулина, отметим, что субъектами норм гл. 8 УК не только о необходимой обороне, но также и о задержании лица, совершившем преступление, крайней необходимости, физическом и психическом принуждении и обоснованно риске *являются граждане*, на которых юридически не возложены специальные обязанности по отражению посягательств, задержании лиц, совершивших преступление, устранение опасности.

Сотрудники правоохранительных и иных государственных органов и организаций, на которых федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации возложена *обязанность* по отражению опасности и реализации иных функций, *могут* действовать в соответствии с нормами гл. 8 УК РФ только тогда, когда соответствующая ситуация нормативно не урегулирована либо когда они выступают в частном качестве.

Примером того, что правовой основой правомерного причинения вреда должностным лицом выступают нормы гл. 8 УК РФ лишь, когда соответствующая ситуация не урегулирована нормами права, является положения п. 14 Постановления от 16 октября 2009 г. В нем указано, что в случаях, когда деяние, содержащее признаки злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий (ст. 285 и 286), совершено должностным лицом для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, охраняемым законом интересам общества или государства, и *эта опасность не могла быть устранена иными средствами*, то такое деяние не может быть признано преступным при условии, что не было допущено превышения пределов крайней необходимости (ст. 39).

Таким образом выполнение профессиональных (должностных) функций, как обстоятельство, исключающие преступность деяния,

---

¹ Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков.1986. С. 52

фактически уже сформировалось, и задача сводится к тому, чтобы полноценно это признать и юридически.

В связи с изложенным и в целях придания логической завершенности механизму нормативного правового регулирования ситуаций правомерного вреда *гл. 8 УК РФ* следует дополнить новой нормой следующего содержания:

«Выполнение профессиональных (должностных) функций» в соответствии с которой не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при правомерном выполнении лицом своих профессиональных (должностных) функций в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, изданными во исполнение Конституции Российской Федерации и федеральных законов.

В тоже время некоторые авторы предлагают причинения вреда в ходе реализации профессиональных (должностных) функций рассматривать в рамках такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как «исполнение закона»¹. Однако, более глубокое исследование показало, что правильнее сферу охвата данным обстоятельством, исключающим преступность деяния, ограничить лишь случаями причинения вреда в процессе реализации профессиональных (должностных) должностных функций.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации основные права и свободы человека неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения, являются непосредственно действующими и могут быть ограничены только федеральным законом. Учитывая, что в современных условиях существование социума невозможно без причинения вреда одним интересам ради спасения других интересов, федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства закрепляются случаи такого ограничения. Вместе с тем, Конституция Российской Федерации и федеральные законы предоставляют Президенту Российской Федерации, Правительству Российской Федерации, федеральным органам исполнительной власти и некоторым организациям определять перечень вредоносных средств (мер, мероприятий), порядок их применения, круг должностных лиц, имеющих право их применять и некоторые иные аспекты. Как отмечается в постановлениях 1984 г. и 2012 г. уголовная ответственность исключается в случаях, если соответствующие лица действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих

---

¹ Курс советского уголовного права. В 5. Т. 1. Л. : изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1968. С. 460-465; Михайлов В.И. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2007. № 1. С. 40-44; Пархоменко С.В. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции, 29-30 января 2004 г. М. 2004. С. 195-197, Дорогин Д.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. М. : Юрлитинформ. 2020. С. 9-10.

основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

Реализация предписания закона о допустимости применения вредоносных средств реализуются прежде всего в сфере публичных отношений при выполнении должностных (профессиональных) функций, касается интересов, охраняемых уголовным законом, и в гораздо меньшей степени - в частной сфере при согласии лица на причинении вреда его интересам, защита которых как правило осуществляется в гражданско-правовом порядке. Эти два самостоятельных основания (формы, вида) исключения преступности соответствующих деяний принципиально отличаются друг от друга. Норма о таком обстоятельстве, исключающем преступность деяния, как *«исполнение закона»* будет иметь неоправданно широкую и неопределенный сферу охвата.

В то же время следует иметь виду, что Конституционный Суд Российской Федерации исходит из того, что закон должен отвечать принципу *формальной определенности*, предполагающему точность, ясность и недвусмысленность правовых норм и их согласованность в системе действующего правового регулирования, что является необходимой гарантией обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания. Уголовная ответственность, равно как и исключение уголовной ответственности, может считаться законно установленной и отвечающей требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что установленные правила адекватны общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, *отграничивая его от правомерных деяний*. Любое преступление и исключение преступности при причинении вреда интересам, охраняемым уголовным законом, должно быть определено в законе таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы - в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, - каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»).

Таким образом в постановлениях пленумов Верховного Суда СССР и Российской Федерации признание причинение вреда правомерным «увязывается» прежде всего с выполнением профессиональных (должностных) функций. Кроме того, нормативное правовое регулирование причинения правомерного вреда при выполнении профессиональных (должностных) функций обладает гораздо большей степенью определенности.

Анализ статистических данных, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации показывает, в частности, что, с одной стороны

такие обстоятельства, исключают преступность деяния, как физическое или психическое принуждение и обоснованный риск (ст. 40 и 41 УК) практически не востребованы практикой, а с другой стороны – суды, откликаясь на нужды практики, решили не свойственную им задачу – фактически в своих решениях сформулировали уголовно-правовую норму «исполнение профессиональных (должностных) функций».

Список литературы

Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986.

Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 11-15.

Дорогин Д.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключющее уголовную ответственность. М., 2020.

Кибальник А.Г., Михайлов В.И., Пархоменко С.В., Поликарпова И.В. Обстоятельства, исключают преступность деяния // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 10. М., 2016.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Ростов н/Д., 1996.

Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 1. Л., 1968.

Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 2. М., 1970.

Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. М., 2002

Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. М., 2014.

Михайлов В.И. Исполнение закона как обстоятельство, исключющее преступность деяния// Уголовное право. 2007. № 1, С. 40-44.

Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008, № 4. С. 40-45.

Пархоменко С.В. Исполнение закона как обстоятельство, исключющее преступность деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции, 29-30 января 2004 г. М., 2004. С. 195-197.

Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. 1. СПб., 2008.

Савинов А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключющее преступность деяния : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005.

Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 т. Т.1. М., 1994.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключают преступность деяния. СПб., 2007.

Омелин Виктор Николаевич,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный сотрудник МВД России,
доктор юридических наук, профессор

**Проблемы совершенствования норм
Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ
«Об оперативно-розыскной деятельности»**

Важнейшим условием повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) является совершенствование ее законодательного регулирования. Однако многие вопросы до настоящего времени еще не решены¹. Обратим внимание на некоторые аспекты указанной проблемы.

1. Согласно прямому указанию ч. 7 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - ФЗ об ОРД) «полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного».

Данный порядок, с одной стороны обеспечивает возможность ознакомления с ними лица – объекта ОРМ, полагающего, что его права и свободы были нарушены действиями оперативно-розыскного органа, с другой стороны - исключает необоснованное накопление сведений о таких лицах в информационных массивах оперативно-розыскных органов.

Исходя из редакции ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД, в тех случаях, когда этого требуют служебные интересы или правосудие, сроки хранения оперативных материалов могут изменяться в сторону продления. Более продолжительный срок хранения оперативных материалов может быть установлен как оперативно-розыскным органом, так и по инициативе суда.

Устанавливая годичный срок хранения материалов, полученных в результате проведения ОРМ, в отношении указанной категории лиц, законодатель не определил момента, с которого следует начинать его отсчет: со дня окончания проведения ОРМ или со дня принятия процессуального решения о невиновности лица.

В литературе высказано мнение о том, что течение годичного срока хранения материалов ОРМ должно начинаться с момента реабилитации лица в уголовно-процессуальном порядке, так как с этого времени у лица появляется право на ознакомление с собранной в отношении его оперативной

---

¹ Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: научный доклад. – М.: Изд-ль Шумилова И.И. 2003.

информации¹. Такой же точки зрения придерживается целый ряд других авторов².

Изложенное мнение представляет определенный интерес, но также, на наш взгляд, и является спорным. Как правило, материалы, полученные при проведении ОРМ, концентрируются в делах оперативного учета. В соответствии с ведомственными нормативными актами оперативно-разыскных органов одним из оснований прекращения соответствующего дела оперативного учета является прекращение уголовного дела по реабилитирующим лица основаниям. Согласно УПК РФ указанное решение принимает следователь, дознаватель или суд в установленном законом порядке. Полагаем, что только после прекращения дела оперативного учета по указанным основаниям можно принять решение об уничтожении имеющихся в нем материалов.

Из положений ч. 7 ст. 5 Закона об ОРД следует, что исключением из общего годового срока хранения материалов ОРМ является шестимесячный срок хранения фонограмм и других материалов, полученных в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело.

Представляется вполне обоснованной позиция авторов, которые анализируя данную норму, считают, что такие материалы могут быть уничтожены и до истечения шестимесячного срока, но не ранее трех месяцев со дня уведомления соответствующего судьи³. Оговорка относительно трех месяцев объясняется тем, что законодатель установил правило, согласно которому за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья.

Подход законодателя об уничтожении фонограмм и другие материалы, полученных в результате прослушивания переговоров указанных лиц «в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания» представляется не вполне совершенным. Так, можно предположить, что срок ведения соответствующего дела оперативного учета, в рамках которого проводились указанные ОРМ, с учетом конкретных обстоятельств может составлять более шести месяцев. Вряд ли будет оправданным принимать решение об уничтожении материалов прослушивания до прекращения производства по соответствующему делу оперативного учета.

Следует обратить внимание, что в отдельных случаях материалы прослушивания телефонных и иных переговоров, могут представлять

---

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. А.Е. Чечетина. 10-е изд., перераб. и доп. Барнаул. 2005. С. 46.

² Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб. 2003. С. 73.

³ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 91.

оперативный интерес и после шести месяцев с момента прекращения прослушивания. Так, возможны ситуации, когда лицо, в отношении которого уголовное дело не было возбуждено, через определенное время может возобновить преступную деятельность. В этом случае ранее полученные сведения о лицах, с которыми велись переговоры объектом оперативной заинтересованности, содержание переговоров и другое, несомненно, представляют оперативный интерес.

Из анализа вышеприведенных положений ч. 7 ст. 5 можно прийти к выводу, что основания хранения и уничтожения материалов, полученных в результате проведения ОРМ, в том числе прослушивания телефонных и иных переговоров, требуют редакционного уточнения. При этом указанная норма в ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД может быть сформулирована таким образом:

«Полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год с момента прекращения соответствующего дела оперативного учета, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения соответствующего дела оперативного учета, если служебные интересы не требуют иного, о чем составляется соответствующий протокол» (курсивом выделены предлагаемые изменения в Закон об ОРД)....».

2. Одним из условий повышения эффективности оперативно-разыскных мер борьбы с организованной преступностью является проведение оперативного внедрения в криминальные структуры. Как свидетельствует оперативно-разыскная практика, данное оперативно-разыскное мероприятие отличается высокой надежностью и позволяет, зачастую, не требуя дополнительной оперативной проверки, успешно реализовать полученную оперативно-разыскную информацию в оптимальные сроки.

В настоящее время ФЗ об ОРД содержит ряд положений, обеспечивающих защиту сведений о внедряемых лицах (ч. 5 ст. 5, ч. 1, 2 ст. 12, ч. 3 ст. 21). Законодатель указанную категорию лиц именует «лица, внедренные в организованные преступные группы». Данное словосочетание не охватывает иные возможные объекты оперативного внедрения. Такими объектами могут быть преступные сообщества (преступные организации), экстремистские сообщества (организации), террористические организации, незаконные вооруженные формирования, предприятия, учреждения и иные организации независимо от форм собственности, используемые для совершения преступлений и пр. Предлагаем в указанных нормах вместо словосочетания «сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы» использовать формулировку «сведения о лицах, внедренных в преступную среду».

Отметим еще один важный момент. С учетом реальной опасности привлечения к ответственности указанной категории лиц за действия, совершенные ими при выполнении оперативного задания, в специальной литературе были высказаны различные предложения по изысканию правовой возможности освобождения субъектов оперативного внедрения от привлечения к уголовной ответственности. При этом авторы предлагают использовать институт обстоятельств, устраняющих общественную опасность и противоправность деяния¹.

Полагаем, что при правовой оценке вынужденного причинения вреда субъектом оперативного внедрения правоохраняемым интересам при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ч. 4 ст. 16 ФЗ об ОРД) необходимо учитывать следующие существенные обстоятельства. Во-первых, предусмотренность оперативного внедрения в качестве одного из видов допустимых ОРМ (п. 12 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД); во-вторых, осуществление оперативного внедрения уполномоченным субъектом - должностным лицом органов, осуществляющих ОРД, а также лицом, оказывающим им конфиденциальное содействие; в-третьих, вынужденность совершения лицом, внедренным в криминальную среду, преступления необходимостью выполнения возложения на него обязанностей; в-четвертых, обусловленность совершения преступления целью раскрытия криминального деяния, изобличения всех виновных и пресечения их преступной деятельности.

В этой связи для обеспечения правовой защиты лиц, правомерно внедренных в криминальную среду, представляется необходимым дополнить УК РФ новым обстоятельством, исключающим преступность деяния, следующего содержания:

«Статья 38.1. Проведение оперативно-разыскных мероприятий в криминальной среде

Не подлежит уголовной ответственности лицо, внедренное на законных основаниях в криминальную среду, вынужденно с целью раскрытия преступления, изобличения виновных и (или) пресечения их преступной деятельности совершившее преступление, не являющееся тяжким преступлением против жизни, здоровья, половой неприкосновенности или половой свободы личности, добровольно сообщившее об этом органам власти».

Следует отметить, что по пути освобождения от уголовной ответственности за причинение вреда при выполнении в соответствии с законом оперативно-разыскных мероприятий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, пошли законодатели Республики Беларусь

---

¹ Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ...докт. юрид. наук. М., 2018. С. 17-18.

(ст. 38 УК Республики Беларусь «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию»), Республики Казахстан (ст. 35 УК Республики Казахстан «Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий»).

3. По нашему мнению, в ФЗ об ОРД следует уточнить порядок предоставления уполномоченным прокурорам сведений о лицах, внедренных в криминальные структуры. Если следовать законодательной формуле (ч. 3 ст. 21 ФЗ об ОРД), то сведения об указанных лицах представляются уполномоченному прокурору без их согласия во всех случаях привлечения перечисленных лиц к уголовной ответственности, вне зависимости от того, при каких обстоятельствах было совершено преступление.

Такой подход представляется нам не вполне приемлемым, так как не соответствует требованиям принципа конспирации ОРД¹ и защиты сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Особенно это актуально, если указанные лица совершают преступления вне связи с выполнением ими разведывательного задания в преступной среде (например, совершили неосторожное преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения – ст. 264 УК РФ). Представляется, что при совершении таких и других подобных преступлений вряд ли есть необходимость представлять уполномоченному прокурору сведения о перечисленных лицах. Очевидно, что эти уголовно наказуемые деяния не имеют прямого отношения к ОРД и выходят за рамки предмета прокурорского надзора за ОРД.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем следующую редакцию рассматриваемой нормы (ч. 3 ст. 21 ФЗ об ОРД):

«Сведения о лицах, внедренных в преступную среду, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих (оказывавших) содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, совершения ими преступлений, непосредственно связанных с их участием в оперативно-розыскной деятельности» (курсивом выделены предлагаемые изменения).

4. Одной из основных функций оперативных подразделений сфере борьбы с организованной преступности является выявление, постановки на оперативный контроль, документирование и пресечение деятельности криминальных структур с международными связями, участники которых совершают наиболее опасные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Интернационализация организованной преступности отражается в легализации преступных доходов, организации нелегальной миграции, торговле людьми, расширении рынка сбыта наркотических средств, похищенных вещей, оружия, других незаконных товаров и услуг и др.

---

¹ Павличенко Н.В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.

Особое место в системе противодействия криминальным структурам, имеющих международные связи отводится международному сотрудничеству оперативных подразделений правоохранительных органов Российской Федерации с аналогичными структурами правоохранительных органов зарубежных стран.

С учетом этого, необходима продуманная система взаимодействия по взаимному обмену оперативной информацией, проведению совместных согласованных мероприятий и т.п. с зарубежными правоохранительными органами в рамках имеющихся международных договоренностей как по линии Интерпола (Европола), так и на двухсторонней основе, с использованием возможностей института офицеров связи при посольствах по вопросам борьбы с транснациональной преступностью.

В ч. 4 ст. 2 Модельного закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ в качестве одной из задач оперативно-разыскной деятельности определено содействие в борьбе с преступностью в соответствии с международными договорами. В развитие данной нормы Модельный закон предусмотрел возможность предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности государствами – участниками СНГ на безвозмездной основе органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в соответствии с международными договорами и с учетом норм национального законодательства (ч. 5 ст. 11 Модельного закона).

Кроме того, оперативно-разыскные мероприятия, начатые на территории одного государства и продолжающиеся или заканчивающиеся на территории другого государства, входящего в Содружество, признаются правомерными, если они проведены с учетом норм национального законодательства. Результаты этой деятельности используются с учетом норм национального законодательства (ч. 6 ст. 11 Модельного закона).

К сожалению, указанных предписаний, реализация которых позволяет поднять уровень организации и осуществления международного сотрудничества в сфере ОРД, в ФЗ об ОРД не содержится. В этом плане данные нормы целесообразно включить в ФЗ об ОРД.

Список литературы

Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. М., 2003.

Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. М., 2006. С. 91.

Павличенко Н.В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт / Н.В. Павличенко. М., 2008.

Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб. 2003. С. 73.

---

¹ Принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление N 27-6 от 16 ноября 2006 года).

*Омелин В.Н. Проблемы совершенствования норм
Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»*

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. А.Е. Чечетина. 10-е изд., перераб. и доп. Барнаул. 2005. С. 46.

Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-розыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 17-18.

Петрянин Алексей Владимирович,

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор

**Уголовная политика как вектор
оперативно-разыскной характеристики деяний экстремистского толка**

Видоизменение курса уголовной политики существенно влияет на все отрасли законодательства, задействованные в противодействии преступности. Особо ярко это представлено в области борьбы с экстремизмом. В первую очередь об этом свидетельствуют статистические данные.

**Статистические данные о количестве зарегистрированных
преступлений экстремистской направленности за 2003 – 2019 гг.¹**

№ п/п	Год	Количество зарегистрированных преступлений	(%)
1	2003	157	–
2	2004	130	– 17,2
3	2005	152	+ 16,9
4	2006	263	+ 73
5	2007	356	+ 35,4
6	2008	460	+ 29,2
7	2009	548	+ 19,1
8	2010	656	+ 19,7
9	2011	622	– 5,2
10	2012	696	+11,9
11	2013	896	+28,7
12	2014	1034	+ 14,3
13	2015	1329	+ 26,9
14	2016	1450	+ 7,3
15	2017	1521	+ 7,2
16	2018	1265	– 8,2
17	2019	585	– 61,8

¹ Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2003 – 2019 гг.

В рассматриваемом процессе активно задействованы оперативно-разыскные подразделения, в том числе и специально созданные в системе МВД России. Роль уголовной политики в определении поисковых признаков деяний экстремистского толка, а также их оперативно-разыскной характеристике весьма существенна. Это мы и попытаемся продемонстрировать в рамках данной научной публикации.

Подчеркнем, что что оперативно-разыскная характеристика представляет собой целый комплекс информационных признаков, неразрывно связанных между собой, основанных на криминологических, криминалистических, уголовно-правовых и других познаниях. При этом рассматриваемый нами феномен, характеризуется высочайшим уровнем статичности, влекущий адаптацию оперативно-разыскной характеристики к конкретными видами противоправного поведения.

Исследование данной проблемы четко привязано к раскрытию отдельных видов криминального поведения, где особое значение имеет уголовно-правовое содержание деяний, определяющее предмет доказывания. Актуальность взятого для рассмотрения направление подтверждается и другими аргументами. Во-первых, это обусловлено рассредоточением экстремистских деяний по всему Уголовному кодексу РФ. Во-вторых, использованием значительного количества оценочных признаков, в основной массе имеющих сугубо субъективное содержание.

Современное законодательное начало формирование курса уголовной политики в рассматриваемой области берет с принятия и вступления в силу Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Смысл разработки данного нормативного акта состоял в создании единого комплекса норм, регламентирующих правовые основы борьбы с экстремизмом. В рамках уголовного права была сформирована первая концепция, нашедшая свое закрепление в ст. 282¹ УК РФ, закрепившая в диспозиции статьи исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности, юридические признаки которых, образовали основу их оперативно-разыскной характеристики.

Заложив начало в реализации отмеченного курса уголовной политики, представители науки и практики столкнулись с проблемой отнесения иных деяний к группе экстремистских. На рассматриваемом этапе легитимных оснований к тому не было. Именно поэтому, вышеназванный нормативный правовой акт далее был существенно изменен, путем внесения в него более десятка поправок. Главная из них¹ модернизировала прием, позволивший относить к деяниям экстремистского толка неограниченное количество преступлений, при условии их совершения по мотивам политической, идеологической расовой, религиозной ненависти или вражды, что

---

¹ Федеральный закон № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ, 30.07.2007г., № 31, ст. 4008.

существенно повлияло на поисковые признаки этих деяний и в целом на оперативно-разыскную характеристику преступлений экстремистской направленности. Однако, до настоящего времени в деятельности оперативных аппаратов остается недопонимание концептуальных криминообразующих их признаков, так как по формальным основаниям к ним могут быть отнесены и кража, незаконное предпринимательство, получение или дача взятки и т.д. То есть, любое умышленное преступление, закрепленное в Уголовном кодексе РФ, при установлении специальных мотивов.

Фактическая не сформированность унифицированного приема в систематизации и как следствие квалификации преступлений экстремистской направленности¹, создает большие сложности и в формировании их оперативно-разыскной характеристики, что усугубляет противодействие таким деяниям. Усугубляется это и высочайшим уровнем бланкетности антиэкстремистского законодательства. Полагаем, что до настоящего времени российскому законодателю не удалось определиться с содержанием экстремизма², что и стало причиной реализации вышеназванного подхода³.

Влияние на курс уголовной политики и как следствие на оперативно-разыскную деятельности в рассматриваемом направлении исследования оказывают и официальные интерпретационные акты. В качестве такового выступает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В нем сформированы рекомендации, не только способствующие формированию единообразной практики применения уголовного законодательства, но и более четкому определению поисковых признаков деяний экстремистского толка.

Эволюционирование курса уголовной политики в изучаемой области можно наблюдать в том числе и в процессе криминализации новых разновидностей преступлений рассматриваемой группы. Так, ст. 280¹ УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ст. 354¹ УК РФ «Реабилитация нацизма», ст. 282³ УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности», ставят перед оперативно-разыскной деятельностью новые задачи, эффективное решение которых, опять же, в первую очередь зависят от правильного восприятия их поисковых признаков.

Заслуживают внимания и законодательные новеллы, заложенные Федеральным законом от 05.05.2014г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В рамках него

---

¹ Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса РФ: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005. С. 389.

² Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 481.

³ Залужный А.Г. Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12. С. 31.

была установлена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества.

Все вышеизложенное, еще раз актуализирует потребность в исследовании экстремизма и выработке эффективных правовых инструментов противодействия этому сверхопасному явлению, имеющих непосредственное значение в формировании оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности.

Список литературы

Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003.

Залужный А.Г. Экстремизм: сущность и способы противодействия // Современное право. 2002. № 12.

Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса РФ: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М., 2005.

Шкабин Геннадий Сергеевич,
главный научный сотрудник
НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России
доктор юридических наук, доцент

Постмодернизм межотраслевых связей уголовного права и оперативно-разыскной деятельности

Историю и современное состояние межотраслевых связей уголовного права и ОРД можно разделить на три периода. Предлагаем их называть классицизмом, модернизмом и постмодернизмом. Классификация эта условная, четкие временные рамки предложенных этапов размыты. Однако каждый период имеет свои отличительные признаки. Рассмотрим их несколько подробнее.

1. **Классицизм** (с момента формирования оперативно-разыскной (сыскной) деятельности до 1992 года, когда был принят Закон РФ «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации»). Особенностью этого периода является то, что присущий ему признак свойственен в целом ОРД в любой период ее развития, в том числе и в сегодняшнее время. Формы связей с уголовным правом либо отсутствовали, либо не были достаточно выражены.

Так с момента зарождения ОРД, в привычном для нас понимании, она была направлена на негласное раскрытие преступлений и почти всегда совершалась тайно. При этом правоохранительные органы, ее осуществлявшие, фактически применяли нормы уголовного права либо участвовали на ранних стадиях их применения. Однако такая деятельность практически не освещалась в публичных судебных процессах или выступлениях представителей власти.

Научные исследования проблем взаимосвязей уголовного права и ОРД также имели односторонний характер. Ввиду исторических особенностей развития нашего общества и государства в доктрине уголовного права, априорно являющейся открытой, эти вопросы не рассматривались вовсе. Вместе с тем потребность в таких исследованиях носила объективный характер. Поэтому в уже зародившейся науке ОРД стали защищаться диссертации, имеющие комплексное и системообразующее значение. К их числу следует отнести следующие труды Лекаря А.Г.¹, Гребельского Д.В.², Сенилова Г.К.³ и др.

---

¹ Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.

² Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

³ Сенилов Г.К. Правовые и тактические основы оперативно-разыскной деятельности советской милиции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982.

Вместе с тем, уже с 70-х годов прошлого века появляются закрытые (секретные) публикации, в которых рассматривались вопросы межотраслевых связей. Это работы А.Ф. Возного¹, М.П. Карпушина², С.В. Дьякова³.

Перечисленные и некоторые другие работы указывают на ряд черт рассматриваемого периода:

1) во второй половине прошлого века совершались попытки реализации потребности в исследовании межотраслевых связей уголовного права и ОРД в закрытых публикациях;

2) в уголовно-правовой доктрине отсутствовали какие-либо труды, связанные с ОРД, ввиду ее исключительной секретности;

3) в этот период началось зарождение нового направления в правовой науке – отражающего взаимосвязь уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

2. **Модернизм** (с 1992 года, примерно по 2005-2010 годы). Отличительным признаком этого периода являются коренные преобразования в правовом регулировании ОРД, затрагивающие в том числе и вопросы уголовно-правового характера. Эти изменения были объективно обусловлены и явились следствием смены социально-экономической формации общества, и его открытостью. Появившийся тогда принцип – «Законы не могут быть секретными», привел в том числе и к законодательному регламентированию ОРД.

Начало этого периода характеризуется, с одной стороны острой потребностью в уголовно-правовом регулировании, как минимум, ситуаций правомерного причинения вреда при ОРМ, а с другой фактическим отсутствием (или минимальным количеством) исследований проблем ОРД с точки зрения уголовного права.

Рассматриваемый этап начинается с разработки и вступления в действие Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» 1992 года, а затем сменившего его ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 года. Именно с этого момента фактически начинается масштабное правовое регулирование ОРД, что, соответственно, придало новый импульс и соответствующим научным разработкам. В числе первых

---

¹ Возный А.Ф. Оперативная разработка. Уголовно-правовые основы: моногр. Киев, 1973.

² Карпушин М.П. Проблемы уголовного права в оперативной и следственной практике органов КГБ: курс лекций. – М.: ВШ КГБ, 1984.

³ Дьяков С.В. Уголовно-правовая оценка оперативной информации в деятельности контрразведки: спецкурс лекций. – М.: ВШ КГБ, 1988.

ученых, которые посвятили свои открытые труды связям уголовного права и ОРД, следует назвать работы В.И. Михайлова¹ и А.Ю. Шумилова².

Вместе с тем явная недостаточность комплексных межотраслевых исследований проблем ОРД в период классицизма привело к тому, что в оперативно-разыском законодательстве появились, так называемые, «уголовно-правовые фантомы». Это, прежде всего, действующие по сей день ч. 4 ст. 16 и ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД». В первом случае предусматривался специальный вид обстоятельства, исключаящего преступность деяния должностных лиц, осуществляющих ОРД и причинивших вред, а во втором – специальный вид освобождения от уголовной ответственности членов преступной группы, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД.

Дынные нормы ввиду своего отраслевого несоответствия практически никогда не применялись. В периоды с 2001 по 2004 и с 2009 по 2017 годы в общей сложности нами были изучены материалы 262 уголовных дел, в которых использовались рассекреченные результаты ОРД. При этом ни одного факта применения ч. 4 ст. 18 ФЗ Об ОРД не было установлено. О применении ч. 4 ст. 16 ФЗ Об ОРД известен только один случай³.

При этом в настоящее время уголовное законодательство некоторых бывших республик СССР уже имеет такие нормы (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Украина). Правовыми основаниями появления их явились международные документы (Конвенция ООН против коррупции, Конвенция против транснациональной организованной преступности). В 2015 году в Санкт-Петербурге были приняты Рекомендации по гармонизации законодательства государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, в которых указывается на целесообразность дополнения национального уголовного права нормой о самостоятельном обстоятельстве, исключаящем преступность деяния при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Ввиду отсутствия прямого уголовно-правового регулирования подобных ситуаций и при наличии естественной потребности в таковом, отечественным правоприменителем длительное время применялась аналогия норм уголовного права. Так по изученным нами с 2001 по 2004 годы 109 уголовным делам примерно в 67 % случаях давалась уголовно-правовая оценка рассматриваемым деяниям. Однако такие действия оценивались не по ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД», а по правилам ст. 39 УК РФ, как крайняя

---

¹ Михайлов В.И. Развитие уголовного законодательства и некоторые вопросы оперативно-разыскной деятельности спецслужб государств-участников СНГ // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1995. № 4. С. 61; Михайлов В.И., Федоров А.В. Модельное законодательство государств-участников СНГ о борьбе с организованной преступностью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1996. № 1. С. 70-74 и др.

² Шумилов А.Ю. К формированию уголовно-разыскного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1. С. 45-51 и др.

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2011 г. № 48-О11-81. URL : <http://www.vsrif.ru>

необходимость или ст. 41 УК РФ, как обоснованный риск. Нередко применялись и вовсе противоречивые формулировки. Встречались следующие обоснования отсутствия преступности деяний, в результате которых был причинен вред при осуществлении ОРД: *«нет преступления, так как лицо является сотрудником правоохранительного органа»*; *«лицо действовало в соответствии с постановлением о проведении оперативно-разыскного мероприятия, утвержденным начальником»* и т.п.

Аналогичным образом складывалось положение дел и с институтом освобождения от уголовной ответственности.

Кроме того, обнажились новые проблемы, связанные с учением о неоконченном преступлении и о соучастии. В 2005 г. было принято Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Ваньян против Российской Федерации» признававшее провокацией действия при оперативно-разыскных мероприятиях. Как следствие в 2007 году ФЗ «Об ОРД» дополняется запретом на провокацию преступления.

3. Постмодернизм (примерно с 2005-2010 годов по настоящее время). Его основной чертой является то, что при одновременном существовании нормативно-правовой базы, официально регламентирующей ОРД и в определенной степени ее связи с уголовным правом, сформировалось **неофициальное право** (условно – субправо, фиктивное право, групповое право). Это параллельное право компенсировало (и делает это до сих пор) те пробелы и недостатки, которые существуют в официальном праве.

Наиболее ярким примером является ситуация с правовой оценкой причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны при оперативно-разыскных мероприятиях. Так, если в период с 2001 по 2004 годы в 67 % случаев такая оценка проводилась, то с 2009 по 2019 годы подобных фактов нами не установлено.

Фактически в России сложилась в этом плане ситуация, которая существует в США. В этом государстве нет прямого законодательного регулирования рассматриваемых ситуаций. При этом действия тайных агентов оцениваются с точки зрения выделяемой в теории уголовного права – **защиты государственной власти** или **защиты авторитета правоохранительных органов**¹.

Аналогичным образом складывается обстановка с проблемой провокации преступления. После дела Ваньяна против России и прямым запретом провокации преступления в ст. 5 ФЗ «Об ОРД» ситуация изменилась несущественным образом. Отсутствие надлежащего правового регламентирования проведения ОРМ приводит к тому, что с одной стороны ЕСПЧ признает несоответствующими Европейской Конвенции по правам человека решения российских судов, а с другой, органы, осуществляющие

---

¹ Joh Elizabeth E. Breaking the Law to Enforce It: Undercover Police Participation in Crime. 2009, pp. 169–170. (Джо Элизабет И. Нарушить закон, чтобы применить его: участие агентов, работающих под прикрытием, в преступлении // Стэнфорд. юрид. вестн. 2009. Т. 62. Ч. 1. С. 169-170)

ОРД, оказавшись в правовом вакууме или, в лучшем случае, в ситуации недостаточного правового регулирования, вынуждены самостоятельно формировать правила поведения, которые устраивали бы и следствие и суды.

Так, после названного решения ЕСПЧ в органах внутренних дел проведение проверочных закупок свели до минимума. После дел ЕСПЧ «Быков против Российской Федерации» 2009, «Банникова против Российской Федерации» 2010, «Лагутин и другие против Российской Федерации» 2014, резко сократилось проведение оперативных экспериментов. ЕСПЧ неоднократно указывал, что «проверочные закупки и оперативные эксперименты полностью относятся к компетенции оперативно-разыскных органов и что эта система характеризуется структурным уклонением от обеспечения гарантий против полицейской провокации» (см., например: Постановление ЕСПЧ от 24.04.2014 Дело «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против Российской Федерации» и др.).

Ситуация не разрешена и по сегодняшний день. Подтверждением тому является то, что уже в 2018 году ЕСПЧ вновь выносит решение в пользу большинства заявителей по делу «Кумицкий и другие против Российской Федерации» ввиду наличия провокации преступления.

Однако правоприменитель продолжает искать выходы из сложившейся негативной правовой реальности, и формирует новые негласные правила в своем «субкорпоративном праве». Пока это выражается в том, что сводятся к минимуму проверочные закупки и оперативные эксперименты. Однако, в действительности их стали называть наблюдением или оперативным внедрением, при этом фактическое содержание по большому счету осталось прежним.

Помимо вышеперечисленных¹, следует обозначить некоторые, на наш взгляд, наиболее очевидные проблемы, которые делают существующую систему межотраслевых связей уголовного права и ОРД деструктивной. Условно их можно разделить на три группы:

1. социально-психологические;
2. доктринальные;
3. и практического характера.

1. **Социально-психологический уровень** характеризуется, прежде всего, формированием в обществе мнения о том, что при ОРД совершаются преступления. Речь идет даже не об обывателях. На некоторых конференциях

---

¹ В теории ОРД также неоднократно обращалось внимание на проблемы межотраслевых связей с уголовным правом. См. например: Горяинов К.К., Вагин О.А., Исиченко А.П. Теория и практика применения органами внутренних дел закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов / под ред. Горяинова К.К., Климова И.А. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 6-31; Галахов С.С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: Материалы межвед. круглого стола / под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2016. С. 35-44 и др.

автору неоднократно задавали вопрос: «Не считаете ли Вы, что значительная часть ОРД преступна?». В одном из вузов на курсах повышения квалификации преподается дисциплина, именуемая как «Предупреждение преступлений, сопряженных с осуществлением оперативно-разыскной деятельности в ОВД». Приведенные и многие другие факты ставят оперативно-разыскную деятельность и преступление на один уровень в глазах населения и не укрепляют авторитет сотрудников правоохранительных органов.

Также к данной группе проблем следует отнести до сих пор существующие **стереотипы исключительной закрытости** (секретности) ОРД. Указ Президента РФ «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» относит к таковым в рассматриваемой сфере только сведения, раскрывающие силы, средства, источники, методы, планы, результаты оперативно-разыскной деятельности, а также данные о финансировании этой деятельности.

2. В числе огромного количества **доктринальных** противоречий между **уголовным правом и ОРД** выделим проблемы *предупреждения преступлений* и оперативно-разыскной *профилактики*. Понятие предупреждения рассматривается и в одной, и в другой науках, однако по-разному. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» данный вопрос не разрешает.

Исходя из системного толкования ФЗ «Об ОРД», предупреждение возможно только уже начавшейся преступной деятельности, то есть в отношении преступления на стадиях приготовления или покушения. Во всем остальном ОРД выполняет роль *общей или частной превенции*. Соответственно, профилактика, как меры, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений (ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»), находится за рамками, законодательной задачи ОРД – предупреждения преступлений.

3. Среди проблем **практики** осуществления ОРД, связанных с уголовным правом, можно перечислить следующие:

- вопросы имитации преступлений;
- отсутствие правовых оснований оперативного поиска, определяющего наступательный характер ОРД;
- проблемы контроля при осуществлении ОРД за совершением преступления или, другими словами, «контролируемого преступления». Под ним следует понимать такое общественно опасное, предусмотренное уголовным законом деяние, совершение которого происходит под наблюдением органов, осуществляющих ОРД с целью получения необходимых доказательств и предотвращения более вредных последствий.

Регулирование последнего уже давно существует в некоторых зарубежных странах. В России обсуждение данной проблемы пока не получило надлежащего (соответствующего ее остроте) внимания¹.

Перечисленные проблемы характеризуют не только межотраслевые связи уголовного права и ОРД. Они во многом указывают и на пробельность правового регулирования всей ОРД. На наш взгляд можно констатировать, что на сегодняшний день и исследуемые связи в частности и оперативно-разыскная отрасль в целом находятся в так называемой **точки бифуркации**. Это такое состояние, при котором сложилась неопределённость: останется ли система хаотичной и деструктивной или она перейдёт на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности². Поэтому дальнейшее развитие сложного механизма под названием «оперативно-разыскная деятельность» во многом зависит от устранения разобщенности между учеными разных научных специальностей; прекращения отстаивания узконаучных, «местечковых» интересов и нежелания смотреть на проблему более широко и идти на компромиссы; преодоления стереотипности мышления.

Список литературы

Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.

Борков В.Н., Луговик В.Ф. Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-разыскные аспекты // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3.

Возный А.Ф. Оперативная разработка. Уголовно-правовые основы: моногр. Киев, 1973.

Галахов С.С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-разыскной деятельности // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: Материалы межвед. круглого стола / под ред. Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2016. С. 35-44.

Горяинов К.К., Вагин О.А., Исиченко А.П. Теория и практика применения органами внутренних дел закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Сборник научных трудов / под ред. К.К. Горяинова, И.А. Климова. - М.: ВНИИ МВД России, 2002.

---

¹ Исключением является публикация В.Н. Боркова и В.Ф. Луговика. См.: Борков В.Н., Луговик В.Ф. Контролируемое преступление: уголовно-правовые и оперативно-разыскные аспекты // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 3. С. 160-164.

² См.: Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 62-70.

Гребельский Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

Дьяков С.В. Уголовно-правовая оценка оперативной информации в деятельности контрразведки: спецкурс лекций. М.: ВШ КГБ, 1988.

Карпушин М.П. Проблемы уголовного права в оперативной и следственной практике органов КГБ: курс лекций. М.: ВШ КГБ, 1984.

Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967.

Михайлов В.И. Развитие уголовного законодательства и некоторые вопросы оперативно-розыскной деятельности спецслужб государств-участников СНГ // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1995. № 4.

Михайлов В.И., Федоров А.В. Модельное законодательство государств-участников СНГ о борьбе с организованной преступностью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1996. № 1.

Синилов Г.К. Правовые и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982.

Шумилов А.Ю. К формированию уголовно-розыскного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1.

Joh Elizabeth E. Breaking the Law to Enforce It: Undercover Police Participation in Crime. 2009.

Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

**Сложности квалификации незаконного получения кредита,
выявленного в результате оперативно-разыскной деятельности**

Процесс обеспечения экономической безопасности усложняется непрерывным нарастанием темпов развития финансового рынка. Правильная квалификация любого уголовного дела позволяет соблюдать задачи и принципы уголовного законодательства. Большинство уголовных дел расследуемых в отношении подозреваемого или обвиняемого, должны содержать материалы, которые содержат в себя причастность лица и могут быть применены в качестве вещественных доказательств. Так, они подкрепляют совершенные ими общественно опасные деяния. При расследовании уголовного дела в качестве доказательств используются результаты проведенных оперативно-разыскных мероприятий.

Особенность проведения оперативно-разыскной деятельности по выявлению преступления, предусмотренного незаконным получением кредита (ст. 176 УК РФ) состоит в громадном документообороте, проводимом сотрудниками ЭБиПК (экономической безопасности и противодействия коррупции). Впоследствии, изъятые материалы образуют объем до 500 листов печатного текста, усложняя и затягивая процесс назначения наказания виновного лица.

Однако, не правильно изъятые материалы, впоследствии усложняют процесс доказывания причастности лица.

Мы полностью поддерживаем мнение В.Д. Ларичева о том, что «в основу выделения оперативно значимых признаков (элементов) должен быть положен механизм разбора совершения преступлений, учитывающий как, каким образом эти действия могут быть выявлены с использованием оперативно-розыскных мероприятий»¹.

Затрагивая элементы оперативно-разыскной характеристики преступлений по незаконному получению кредита можно отметить:

- выявляемые способы сокрытия следов преступной деятельности;
- круг лиц, который может быть осведомлен о подозреваемых в совершении противоправных действиях;
- информация о предмете преступного посягательства и др.

Эффективный поиск обстоятельств, свидетельствующих о нарушении уголовно-процессуального законодательства, впоследствии позволяет более четко синхронизировать, анализировать и выделять нужные материалы по обстоятельствам произошедшего, т.е. выстраивает проведение целенаправленных действий сотрудников ЭБиПК. Правильно выбранная поисковая деятельность приводит к благоприятному правовому результату,

---

¹Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). – 2007. № 2. – С. 18.

способствующему в дальнейшем реализовывать цели и задачи уголовного законодательства.

Полнота собранных материалов доследственной проверки, позволяет аргументировано принимать решение по возбуждению уголовного дела, либо вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Надлежаще оформленные материалы, выявленные и полученные в результате оперативно-разыскной деятельности, облегчают дальнейшее сопровождение уголовного дела. В том числе неукоснительное соблюдение всех уголовно-процессуальных условий сотрудниками проводившими оперативно-разыскные мероприятия, устраняет возможность обжалования их действий и вывод необходимых материалов из уголовного дела.

Следует отметить и обстоятельства, выяснение и обнаружение которых является приоритетным в результате оперативно-разыскных мероприятий:

- предоставление заемщиком документов, подтверждающих ложность сведений, на основании которых был выдан незаконно кредит (каким образом данная информация не соответствует действительности). В большинстве случаев, лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем или руководителем организации, предоставляет документы с искаженной действительностью, т.е. неверными сведениями о своем хозяйственно-финансовом состоянии;

- предоставление документов, указывающих на обоснованность получения кредита на льготных условиях. Данные основания проще получить, так как кредиторы часто уменьшают процентную ставку, либо иные условия кредитования для индивидуальных предпринимателей или руководителей организации, если они предоставляют информацию о наличии у них недвижимого имущества.

- предоставление документов, подтверждающих использование денежных средств не по прямому назначению, указанному в кредитном договоре. Это более трудозатратный сбор информации, так как он требует объемного сбора информации. Должники стараются завуалировать проведенную операцию. Здесь вступает в конкуренцию норма предусматривающая уголовную ответственность за мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ).

- предоставление документов, подтверждающих причинение крупного ущерба. Сложности в изъятии данной информации не представляет большой сложности, так как банки при обращении в правоохранительные органы уже подготавливают пакет документов с данной информацией, подтверждающей, что совершенное заемщиком деяние является преступлением, а не правонарушением, по стоимости причиненного ущерба.

Следовательно, сложность квалификации незаконного получения кредита, выявленного в результате оперативно-разыскных мероприятий состоит в схожести с другим общественно опасным деянием, характеризующимся как мошенничеством в сфере кредитования

(ст. 159.1 УК РФ)¹. Отмечаются и иные составы преступления, но конструкция их значительней отличается по элементам состава преступления от ст. ст. 176, 159.1 УК РФ.

Отличительной чертой вышеуказанных преступлений является субъективная сторона преступления, которая позволяет на раннем этапе отграничить схожие составы преступлений. При совершении мошенничества в сфере кредитования лицо изначально не имеет намерения впоследствии возвращать получаемые кредитные средства. При совершении преступления, предусмотренного незаконным получением кредита, целью является дальнейшее возвращение денежных средств после их применения. Мы придерживаемся мнения о том, что, также присутствуют и иные признаки, указанные законодателем: субъект преступления, разделение данных составов преступлений по видовому объекту преступления и по сумме причиняемого в результате преступных действий ущерба.

Судебная практика встречает случаи переквалификации действий с одного общественно опасного деяния на другое, чаще всего со ст. 159.1 УК РФ на ст. 176 УК РФ. Данное обстоятельство возможно связано с более гуманным подходом, который присущ незаконному получению кредита.

Получение незаконного кредита подразумевает собой непосредственное участие лица предоставляющего недостоверную информацию. Немаловажным является установление личности преступника. Занимаемое им должностное положение, позволяющее совершать преступление, либо привлекать подчиненных по службе лиц, в том числе влияние на них при выявлении преступлений в целях дачи заведомо ложных показаний. Так, индивидуальный предприниматель или руководитель организации дает указание лицу, управляющему финансовой составляющей его организации, например, главному бухгалтеру, скорректировать отчетность за определенный период времени в большую сторону. Впоследствии, при выявлении такого факта, к уголовной ответственности будут привлекаться оба участника.

Направление поисковой деятельности связанной с выявлением лиц, которые могут совершать преступления по незаконному получению кредита, предполагает осуществление сотрудниками ЭБиПК профилактические оперативно-разыскные мероприятия связанные с противодействием по данному виду преступления.

Таким образом, именно результат оперативно-разыскной деятельности, проведенный полноценно, без нарушений, впоследствии, способствует выявлению и раскрытию преступлений за незаконное получение кредита, их правильной квалификации. Позволяя улучшать своими действиями дальнейший ход расследования уголовного дела.

---

¹ Балябин В.Н. О проблемах квалификации преступлений, совершаемых в сфере банковского кредитования и расчетов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2014. – №2(3). – С. 64-68

Алешина-Алексеева Е.Н. Сложности квалификации незаконного получения кредита, выявленного в результате оперативно-разыскной деятельности

Список литературы

Балябин В.Н. О проблемах квалификации преступлений, совершаемых в сфере банковского кредитования и расчетов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2014. №2(3). С. 64-68.

Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2007. № 2. С. 15-20.

Бегунов Александр Юрьевич,

начальник кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России

Лапунова Юлия Андреевна,

доцент кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

**Проблемы адресной оперативно-разыскной профилактики
в отношении лиц, подверженных влиянию
идеологии терроризма и экстремизма**

В настоящее время перед оперативными подразделениями и подразделениями по охране общественного порядка территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях достаточно остро стоит задача по своевременному выявлению лиц, наиболее подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма, и оперативному профилактическому воздействию на них, с целью недопущения развития их криминального потенциала.

Анализ практики оперативно-служебной деятельности подразделений по противодействию экстремизму и охраны общественного порядка (в частности, участковых уполномоченных полиции) территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях подтверждает тезис о том, что положительный эффект возможен только при условии слаженного взаимодействия всех заинтересованных служб и четкого соблюдения алгоритмов действий в исследуемом направлении.

Несомненно, решение задачи по своевременному выявлению лиц, наиболее подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма, и оперативному профилактическому воздействию на них, с целью недопущения развития их криминального потенциала, требует многогранного подхода, комплексного задействования сил и средств, не ограничиваясь исключительно органами внутренних дел.

Подтверждение данного тезиса, в первую очередь, содержатся в положениях Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665.

Кроме того, необходимо отметить, что осуществление комплекса адресных оперативно-профилактических мероприятий позволяет сократить количество российских граждан, выезжающих за рубеж для участия в деятельности международных террористических организаций (далее – МТО).

В то же время активная пропагандистская и вербовочная деятельность МТО, базирующаяся на искажении традиционных религиозных постулатов, принимает новые организационные формы, для ее ведения используются современные средства коммуникации. Объектами вербовочных устремлений МТО зачастую становятся иностранные граждане, прибывшие по каналам

Бегунов А.Ю., Лапунова Ю.А. Проблемы адресной оперативно-разыскной профилактики в отношении лиц, подверженных влиянию идеологии терроризма и экстремизма трудовой миграции. Расширяется география террористических проявлений, которые фиксируются во всех федеральных округах.

Анализ деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию идеологии терроризма свидетельствует о наличии неиспользованных резервов в ее организации.

Научное и методическое обеспечение деятельности по противодействию идеологии терроризма не в полной мере отвечает реальным потребностям практики и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

В связи с вышеизложенным возникла необходимость в более глубоком изучении вопросов, касающихся своевременного выявления лиц, наиболее подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма, и оперативно-розыскной профилактике в отношении изучаемых лиц, с целью недопущения развития их криминального потенциала.

Несмотря на объективную необходимость законодательного урегулирования вопросов оперативно-разыскной профилактики преступлений и правонарушений, до настоящего времени содержательного понятия данного вида деятельности нормативно не закреплено, что в практической деятельности субъектов данного вида профилактики вызывает определенные затруднения. В частности, проведенное нами исследование показало, что должностные лица оперативных подразделений территориальных органов МВД России на региональном и районных уровнях в полной мере не понимают какой комплекс оперативно-разыскных мероприятий возможно проводить в целях решения задач профилактики преступлений и правонарушений (48 %), в целом круг своих полномочий в рамках данной задачи (36 %) и, как будет оцениваться эффективность оперативно-профилактической работы в отношении изучаемой категории (29 %). Только 9 % экспертов отметили, что проблем при осуществлении оперативно-профилактических мер в отношении лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений, а также подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма, не видят¹.

Вместе с тем в науке само понятие и содержание оперативно-разыскной профилактики в достаточной мере исследовано, которая рассматривается, как «основанная на законах и урегулированная ведомственными нормативными правовыми актами научно-обоснованная деятельность, проводимая оперативными подразделениями, заключающаяся в комплексном применении гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий² с целью выявления и устранения причин и условий, им способствующих, установления лиц, от

¹ В ходе изучения проблематики в сфере оперативно-профилактической работы в отношении лиц, подверженных идеологии экстремизма и терроризма, авторами было проинтервьюировано 78 должностных лиц (руководителей и сотрудников) подразделений по противодействию экстремизму и уголовного розыска территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях в 2018-2019 гг.

² Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. М., 2002.

которых можно ожидать совершения преступлений, и оказания на них предупредительно-профилактического воздействия для недопущения с их стороны совершения преступлений, а также обеспечения безопасности граждан, которые подлежат защите от преступных посягательств¹».

С учетом имеющихся научных разработок, а также собственного практического опыта и проведенного авторами исследования по проблематике, мы пришли к выводу, что оперативно-разыскная профилактика в отношении лиц, наиболее подверженных идеологии экстремизма и терроризма может осуществляться по следующим направлениям:

1. Подбор источников поступления первичной оперативно-значимой информации, имеющих возможности и способности ее получения в отношении объектов оперативно-профилактической заинтересованности.

2. Выявление лиц, наиболее подверженных идеологии экстремизма и терроризма и связей, побуждающих их к противоправной деятельности, а также пропагандирующих идеи экстремизма и терроризма, минимизация оказываемого влияния на объекты оперативно-разыскной профилактики.

3. Осуществление комплекса оперативно-профилактических мероприятий в отношении лиц, наиболее подверженных идеологии экстремизма и терроризма в целях недопущения совершения последними противоправных деликтов.

Кроме того, в целях адресной оперативно-профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма и терроризма, проведенное исследование показало необходимость:

- Проведения совместно с теологами (священнослужителями) профилактических бесед (к примеру, разъяснение норм религиозного характера);

- Широкого и активного освещения в средствах массовой информации высказываний, деятельности лиц, дерадикализированных, в том числе и из мест лишения свободы;

- Обучения теологов в Российской Федерации либо в странах-участниках СНГ, ограничив временный выезд на религиозное обучение в исламские государства;

- Активной пропаганды в образовательных организациях (школах, техникумах, училищах, организациях высшего образования), направленная на противодействие вовлечению молодежи и педагогов в МТО.

Таким образом, проведенное авторами исследование позволило:

1. Выявить группы лиц, наиболее подверженных к воздействию идеологии экстремизма и терроризма.

2. Сформулировать основные направления оперативно-разыскной профилактики в отношении лиц, подверженных влиянию идеологии экстремизма и терроризма.

---

¹ Борин Б.В., Ищук Я.Г. Понятие оперативно-разыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.

Бегунов А.Ю., Лапунова Ю.А. Проблемы адресной оперативно-разыскной профилактики в отношении лиц, подверженных влиянию идеологии терроризма и экстремизма

На основании вышеизложенного, представляется возможным сформулировать вывод о том, что использование данных, обозначенных в научной статье субъектами оперативно-разыскной профилактики может повлечь снижение вовлечения последних в экстремистскую и террористическую деятельность.

Список литературы

Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. М., 2002.

Борин Б.В., Ищук Я.Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.

Значение вида оперативно-разыскного мероприятия для квалификации незаконного оборота наркотиков

Оперативно-разыскная деятельность имеет важное значение для предупреждения и раскрытия преступлений. Ее результаты могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, которые подлежат оценке, в соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности¹. Порядок их представления органу дознания, следователю или в суд определяется соответствующей инструкцией, утвержденной приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов оперативно-разыскного мероприятия, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в статье 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно статьями 7 и 8 указанного Федерального закона. Исходя из этих норм, в частности, оперативно-разыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

---

¹ См.: Ковалев А.В., Ефанов С.И., Агеенков А.А. О некоторых вопросах формирования доказательственной базы в уголовном процессе посредством использования результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: Материалы межведомственной научно-практической конференции. 2017. С. 94-101; Бабкин Л.М., Лыткин Н.Н., Шкабин Г.С. Информация о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно- розыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу // Российский научный журнал. 2015. № 5 (48). С. 273-278.

При этом результаты оперативно-разыскных мероприятий могут использоваться в доказывании по уголовному делу при наличии следующих условий:

- если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона;

- если они свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Статьей 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрены 15 видов оперативно-разыскных мероприятий. Однако, по делам о незаконном обороте наркотиков чаще всего используются только пять, это опрос, проверочная закупка, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи. Представляется, что в зависимости от степени значимости ОРМ для правильной квалификации преступлений, можно выстроить следующую их иерархию в порядке возрастания.

1. В качестве первого ОРМ в нашем перечне находится опрос. Это мероприятие предусмотрено п. 1 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Опрос используется сотрудниками оперативных подразделений, как правило, непосредственно сразу же после пресечения преступления либо после задержания подозреваемого лица.

В целях придания опросу большего доказательственного значения он проводится, как правило, с применением видеозаписи. Однако она, исходя из положений ст. 75 и 88 УПК РФ, неспособна придать ему достаточную юридическую силу, если в ходе дальнейшего производства по делу опрашиваемое лицо не подтверждает ранее изложенные им сведения. Причиной тому являются положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, согласно которому показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, относятся к недопустимым доказательствам.

Исключением являются случаи, когда при опросе подозреваемым указано, к примеру, место хранения орудий, средств или предмета преступления после его совершения, которые были обнаружены сотрудниками оперативных подразделений только благодаря информации, полученной ими при опросе.

В таких случаях протокол оперативно-разыскного мероприятия «опрос» и видеозапись опроса, в совокупности с соответствующим рапортом сотрудника оперативного подразделения и протоколом обыска или осмотра места происшествия, в ходе которого по указанному опрашиваемым лицом

адресу или в указанном им месте были обнаружены средства, орудия или предметы совершенного преступления, могут служить достаточно достоверными доказательствами причастности этого лица к совершению преступления.

Если же указанное виновное лицо при его последующих допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого, а также в судебном заседании подтверждал сведения, изложенные им при опросе, то его протокол рассматривается как самостоятельное доказательство его причастности к преступлению, наряду с другими доказательствами.

Причем практике известны случаи, когда содержание такого протокола опроса признавалось не только доказательством обвинения, но и позволяло правильно переквалифицировать совершенное преступление в пользу обвиняемого. Так, органами предварительного следствия Е. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ. Сразу же после задержания Е. с тридцатью свёртками из полимерного материала с веществом в виде порошка и комков светло-кремового цвета, в отношении него было проведено ОРМ опрос, анализ которого показал, что Е. действительно подтверждал тот факт, что он согласился распространять наркотическое средство, что следует из самой переписки в мессенджере «watsapp» между ним и неизвестным лицом, которую Е. добровольно продемонстрировал сотрудникам полиции при задержании. Из объяснений Е. следует лишь то, что он должен был забрать и разложить наркотическое средство, однако это не опровергает версию подсудимого о введении в заблуждение неустановленного лица («сбытчика») с целью последующего личного употребления наркотического средства.

Данные опроса также были подтверждены тем, что Е. является лицом наркозависимым, находится под динамическим наблюдением в наркологическом диспансере более десяти лет; неоднократно проходил лечение от наркотической зависимости; был в состоянии наркотического опьянения в момент его задержания; также из последовательных показаний Е. следует, что он хотел обмануть неустановленного сбытчика наркотических средств и оставить героин себе, так как ранее уже делал это, что подтверждается протоколом осмотра его мобильного телефона и имеющейся в нем перепиской с неизвестным абонентом, а также оглашенными показаниями свидетеля Н., из которых следует, что ранее Е. несколько раз обманывал сбытчиков наркотических средств. Кроме того, проведенный по месту жительства Е. обыск показал, что никаких запрещенных предметов, средств и веществ обнаружено не было. Помимо указанного, у оперуполномоченных ранее об Е. не было сведений как о лице, который занимается незаконным сбытом наркотических средств. В результате действия Е. были переквалифицированы на ч. 2 ст. 228 УК РФ, как незаконное хранение наркотических средств в крупном размере без цели сбыта¹.

---

¹ См.: Уголовное дело № Дело № 1-228/2019 // Архив Железнодорожного городского суда Московской области

Таким образом, следует резюмировать, что оперативно-разыскное мероприятие «опрос» сам по себе является недостаточным доказательством для правильной квалификации общественно опасного деяния, если он проведен без защитника. Однако в некоторых случаях, в совокупности с другими доказательствами по делу, его результаты могут способствовать правильной квалификации содеянного.

2. Несколько большей значимостью для квалификации обладает наблюдение. Оно предусмотрено п. 4 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В последнее время по указанным выше причинам (связанным с развитием телекоммуникационных систем), данный вид оперативно-разыскного мероприятия на практике встречается все чаще, по сути заменяя проверочную закупку.

Анализируя судебную практику по рассмотрению уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, следует прийти к выводу о том, что результаты данного вида оперативно-разыскных мероприятий представляют собой достаточно достоверные и надежные доказательства незаконного хранения наркотических средств.

На практике наблюдение проводится, как правило, для проверки оперативной информации о незаконном обороте наркотических средств в каком-то определенном районе или на участке местности, либо в отношении конкретного лица.

Если лицо прячет наркотическое средство, то есть делает так называемые «закладки», то, для должной достоверности, такое ОРМ должно продолжаться некоторое время, чтобы имелась возможность зафиксировать действия так называемого «кладмена». Например, по уголовному делу в отношении И. в результате ОРМ «наблюдения» было установлено, что он «оглядываясь по сторонам, стал проводить какие-то манипуляции руками возле бордюрного камня, наклоняясь и что-то закапывая. После этого, пройдя несколько метров, стал проделывать аналогичные действия в другом месте...». Указанные сведения нашли свое отражение в рапорте сотрудника полиции и были приобщены к материалам дела в качестве доказательства, свидетельствующего о незаконном сбыте наркотических средств. После осуществления И. указанных действий, он был задержан и при его личном досмотре у него были обнаружены несколько свертков с наркотическим средством, а также телефон, при осмотре содержания которого были выявлены фотографии тех мест, где он проводил свои манипуляции по закладке наркотических средств. В итоге результаты ОРМ «наблюдение» в виде рапорта, в совокупности с протоколом личного досмотра И., фотографиями из его телефона и вещественными доказательствами – наркотическими средствами, изъятыми у И., а также наркотическими средствами, изъятыми в тех местах, где он осуществил закладки, явились достаточной

доказательственной базой обвинения И. в совершении незаконного сбыта наркотических средств¹.

Однако если наблюдение оканчивалось задержанием таких лиц сразу же после их обнаружения либо после того, как они взяли в закладке наркотическое средство в крупном размере, это, как правило, влекло за собой квалификацию действий виновного по ч. 2 ст. 228 УК РФ – как незаконное хранение наркотических средств без цели сбыта в крупном размере.

Чтобы проверить путем наблюдения кто взял из закладки наркотическое средство – потребитель или распространитель, рассматриваемое оперативно-разыскное мероприятие требуется довести до логического завершения, то есть до того момента, когда распространитель сделает закладку хотя бы одной части приобретенного им наркотического средства. Конечно же, если ранее имелась о нем информация, как о потенциальном распространителе наркотических средств.

Таким образом, результаты данного вида оперативно-разыскных мероприятий представляют собой надежное и достоверное доказательство при незаконном хранении наркотических средств, а также, в зависимости от качества и длительности «наблюдения», в совокупности с другими доказательствами по делу, достаточно достоверное доказательство их сбыта.

3. Третьим по степени значимости является снятие информации с технических каналов связи, предусмотренное п. 11 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Результатом данного оперативно-разыскного мероприятия являются сведения о телефонных соединениях по конкретным абонентским номерам, IMEI телефонов со снятием информации с базовых станций (биллинг). В таблице по результатам данного оперативно-разыскного мероприятия отображаются, в том числе, номера абонентов и их принадлежность конкретным лицам с указанием их персональных данных; IMEI телефона, по которому происходило соединение между абонентами; номера и адреса ближайших к абоненту базовых станций, которые обеспечивали телефонное соединение между абонентами, выделенный абоненту внутренний IP адрес, дата, время и продолжительность соединения.

Несомненным преимуществом результатов данного оперативно-разыскного мероприятия является его объективный характер, основанный на технической возможности зафиксировать факт соединения между абонентами, а также определить место нахождения каждого из них.

Недостатки у данного ОРМ также имеются. Во-первых, это неспособность ответить на вопрос кто персонально являлся абонентом в момент соединения. Во-вторых, неспособность определить точное местонахождение абонента. По мнению допрашиваемых в суде специалистов, расстояние от базовой станции до абонента в момент соединения может составлять до 7 км в черте города, и до 15 км за населенными пунктами. Это

---

¹ См.: Уголовное дело № 1-308/2019 // Архив Железнодорожного городского суда Московской области

происходит по той причине, что при большой нагрузке на ближайшую к абоненту базовую станцию, она не фиксирует соединение, а выступает в роли ретранслятора и тогда соединение может обеспечиваться более удаленными базовыми станциями.

Тем не менее, тщательное изучение и анализ результатов данного оперативно-разыскного мероприятия на практике порою позволяют раскрывать преступления, по которым отсутствуют прямые доказательства. Так, по уголовному делу в отношении Г., В. и К. их причастность к совершению преступления была доказана именно путем такого анализа детализации телефонных соединений. Единственной информацией, оказавшейся у оперативных работников, оказались сведения о номере телефона, по которому один из преступников звонил потерпевшему во время совершения преступления. По данному номеру телефона было проведено другое оперативно-разыскное мероприятие – прослушивание телефонных переговоров. В результате, из-за того, что этот преступник имел неосторожность один раз в ходе указанного ОРМ позвонить своей супруге (что стало понятно из содержания разговора), сотрудники оперативного подразделения смогли определить персональные данные этого человека. Потом, также оперативным путем, в течение довольно длительного времени оперативники установили всех соучастников совершения особо тяжкого преступления¹.

4. Из перечисленных оперативно-разыскных мероприятий, одним из наиболее значимых для правильной квалификации незаконного оборота наркотиков является проверочная закупка. Оно закреплено в п. 4 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Еще до недавнего времени проверочная закупка являлась основным оперативно-разыскным мероприятием, путем проведения которого выявлялись преступления в сфере незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ². В настоящее же время, с учетом развития телекоммуникационных технологий, сотрудникам оперативных подразделений становится все сложнее пресекать указанный вид преступной деятельности путем проверочной закупки. Это происходит, помимо развития средств связи и электронных средств платежа, в том числе, в связи с тем, что потребители наркотических средств все больше не доверяют таким же, как они зависимым лицам, когда те просят их поделиться наркотическими средствами, предпочитая воспользоваться интернет-сайтами, на которых осуществляется незаконная торговля веществами.

---

¹ См.: Уголовное дело № 1-227/2019 // Архив Железнодорожного городского суда Московской области

² См.: Батрова Т.А. Правовые аспекты проверочной закупки // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: Материалы Межведомственного круглого стола / под ред Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2016. С. 19-24.

Тем не менее, результаты проведения проверочной закупки остаются наиболее надежным и достоверным доказательством причастности виновного лица к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ. Этому также способствуют положения п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», согласно которому под незаконным сбытом наркотических средств понимается не только их возмездная реализация, но и просто бесплатная передача другому лицу, причем любыми способами¹.

По результатам проведенного ОРМ составляется соответствующий акт, который и является, в совокупности с другими документами проведенного мероприятия (рапортом о поступлении оперативной информации о том, что некий гражданин распространяет наркотические средства, заявлением о добровольном согласии лица на участие в проверочной закупке в качестве покупателя, актом пометки и вручения денежных средств покупателю, протоколом личного досмотра сбытчика, актом добровольной выдачи закупленного наркотического средства покупателем и др.), достаточно достоверным доказательством виновности и причастности конкретного лица к незаконному сбыту наркотических средств.

Однако указанную совокупность доказательств следует досконально проверять в ходе предварительного следствия и в суде, поскольку практика свидетельствует о том, что результаты рассматриваемого мероприятия не всегда могут являться достоверными доказательствами сбыта. Так, при наличии в материалах уголовного дела, казалось бы, бесспорной совокупности доказательств сбыта, возможна такая ситуация, когда один наркозависимый звонит другому и просит взять на двоих наркотические средства, и что деньги он отдаст при встрече. Второй покупает. А первый идет в полицию, сообщает, что второй распространяет наркотические средства, где оформляют ОРМ «Проверочная закупка». Потом звонит первому, говорит, что зайдет за веществом, заходит под контролем, берет свою часть, отдает заранее откопированные денежные средства. В результате второго задерживают по подозрению в незаконном сбыте.

Для того, чтобы не допустить неверную квалификацию действий в приведенном случае, следователю следует в обязательном порядке досконально проверять такую версию обвиняемого путем допроса по минутам сотрудников оперативных подразделений, «закупщика» и обвиняемого; проведения между ними очных ставок, запроса и анализа детализации телефонных соединений с привязкой к базовым станциям – как закупщика, так и обвиняемого; установить и допросить возможных свидетелей произошедшего; тщательно проверить каждый факт из показаний как закупщика, так и обвиняемого в сбыте. При необходимости допросить

---

¹ См.: Российская газета, № 137, 28.06.2006 г.

указанных лиц еще раз. После чего следует тщательно проанализировать и сопоставить друг с другом содержание каждого из полученных доказательств, и, с учетом требований ч. 3 ст. 14 УПК РФ, принять решение о правильной квалификации.

5. Пункт 10 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривает в качестве еще одного вида ОРМ «прослушивание телефонных переговоров».

Рассматривая снятие информации с технических каналов связи, мы уже упомянули о данном ОРМ, результаты которого являются одними из самых надежных. Однако, это так только, во-первых, при условии подтверждения другими доказательствами по делу либо. Во-вторых, при условии подтверждения фоноскопической экспертизой принадлежности голоса конкретному абоненту.

В первом случае таким доказательствами могут быть протокол личного досмотра, показания свидетелей, видеозапись задержания виновного лица, которые засвидетельствуют факт разговора виновного по телефону на интересующие оперативных сотрудников темы при задержании.

Заключение фоноскопической экспертизы о принадлежности голоса конкретному человеку также является надежным подтверждением полученных при помощи прослушивания телефонных переговоров результатов. Однако здесь следует учитывать строгое соблюдение требований закона относительно проведения самого оперативно-разыскного мероприятия и относительно порядка предоставления его результатов следователю.

При расследовании уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, результаты именно этого оперативно-разыскного мероприятия позволяют стороне обвинения доказать покушение на незаконный сбыт наркотических средств при задержании лица с наркотическими средствами, но без проведения проверочной закупки.

В завершении можно сделать обобщающий вывод. Он состоит в том, что приведенная нами классификация в зависимости от степени значимости ОРМ для правильной квалификации преступлений может быть использована при организации и планировании проведения оперативно-разыскных мероприятий по делам о незаконном обороте наркотиков.

Список литературы

Бабкин Л.М., Лыткин Н.Н., Шкабин Г.С. Информация о подготавливаемом, совершаемом либо совершенном преступлении как основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий и использование полученных результатов в доказывании по уголовному делу // Российский научный журнал. 2015. № 5 (48). С. 273-278.

Батрова Т.А. Правовые аспекты проверочной закупки // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Материалы Межведомственного круглого стола / под ред Г.В. Ищука, Е.Н. Билоуса, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2016. С. 19-24.

Ковалев А.В., Ефанов С.И., Агеенков А.А. О некоторых вопросах формирования доказательственной базы в уголовном процессе посредством использования результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: Материалы межведомственной научно-практической конференции / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.В. Ищука, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. 2017. С. 94-101.

Проблемы дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности

В основу изложенного в представленных тезисах рассуждений легло примечательное убеждение, что ОРД и формируемые по поводу её осуществления общественные отношения играют крайне значимую роль в уголовной политике страны, в противодействии преступности, убеждение, что от своевременности и эффективности функционирования данного института зависит устойчивость системы отправления правосудия, достижимость назначения уголовного судопроизводства, состоятельность предварительного расследования и, как следствие, качество и объем доказательственной базы, интегрируемой в производство по уголовному делу и поступающей для разбирательства в суд. Убеждение, что общественные отношения в сфере ОРД являются составляющей интересов правосудия в контексте гл. 31 УК РФ, что, однако, не нашло своего отражения в законодательстве, во всяком случае не полноценно, в явно недостаточной мере.

Учитывая это, считаем обоснованным предположение, что дестабилизирующее воздействие на оперативно-разыскные правоотношения закономерно приведет к:

- дискредитации системы отправления правосудия;
- осознанию обществом уязвимости принципа неотвратимости ответственности;
- недостижимости назначения отечественного судопроизводства;
- причинению вреда общественным отношениям, охраняемым гл. 31 УК РФ.

В частности, в аргументацию наличия характера общественной опасности такого рода воздействия, нами ранее было проведено

В этом ключе нельзя переоценить обеспечивающее воздействие на функционирование различных направлений ОРД таких уголовно-правовых норм как ст. 292 УК РФ (служебный подлог) и ч. 4 ст. 303 УК РФ (фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности). Наличие уголовной ответственности по факту служебного подлога предупреждает внесение сотрудниками оперативных подразделений в официальные служебные документы заведомо ложной или искажающей действительность информации. При этом важно разграничивать ст. 292 УК РФ от ч. 4 ст. 303 УК РФ. Ответственность за служебный подлог может вменяться, если содеянное не преследует указанных в ч. 4 ст. 303 УК РФ целей. Например, когда должностное лицо, являющееся субъектом ОРД, вносит соответствующие искажения с целью искусственного завышения статистического показателя ОРД по линии или объекту оперативной работы.

Вместе с тем противоречивое отношение порождает тот факт, что деяния, объективная сторона которых хоть и выражена в фальсификации результатов ОРД, должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 292 УК РФ. Это возможно в случае, если вместо целей уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, или причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации личности, виновный искажает документы, содержащие результаты ОРД, с целью недопущения уголовного преследования лица, заведомо причастного к совершению преступления. Например, если оперативный работник фальсифицирует содержание дела оперативного учета, чтобы предотвратить возможность возбуждения уголовного дела в отношении лица, являющегося объектом оперативного интереса, действуя, при этом, по мотиву какой-либо личной заинтересованности (например, если оперативный работник состоит в близких отношениях с разрабатываемым).

Следует обратить внимание на то, что от деяния, предусмотренного диспозицией ст. 327 УК РФ, служебный подлог отличается, в первую очередь, своими субъективными признаками¹. В частности, специальным субъектом преступления и в том и другом случае может быть сотрудник оперативного подразделения государственного органа, уполномоченного на ОРД. Следовательно, в действующей редакции уголовного закона применение ст. 292 УК РФ по факту внесения оперативным работником заведомо ложных сведений в документы, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности, с целью **недопущения** уголовного преследования лица, заведомо виновного в совершении преступления, является безальтернативным вариантом ретроспективного уголовно-правового реагирования на такое нарушение.

Максимальное наказание, предусмотренное санкцией ч. 2 ст. 292 УК РФ, составляет четыре года лишения свободы с возможностью назначения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. По ч. 4 ст. 303 УК РФ максимальное наказание выражено только лишением свободы до четырех лет, то есть санкция не кумулятивная. Вышеизложенное позволяет сделать некоторое предположение. Оно состоит в том, что по логике законодателя, фальсификация результатов ОРД с целью уголовного преследования заведомо невиновного лица является более общественно опасным преступлением, чем то же самое деяние, но совершенное с целью непривлечения к уголовной ответственности лица, заведомо виновного в совершении преступления. Однако, как показывает сравнительный анализ санкций ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела) и ст. 300 УК РФ (незаконное освобождение от уголовной ответственности), аналогичные

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.06.2018).

деяния в оперативно-разыскной практике, как минимум, должны быть уравнены в своих санкциях, за исключением случаев, когда фальсификация результатов ОРД сопряжена с обвинением лица в тяжком или особо тяжком преступлении, что, естественно, образует уже качественно иной уровень общественно опасности.

Таким образом, действующее уголовное законодательство порождает достаточно неоднородную практику уголовно-правового реагирования на факты фальсификации результатов ОРД, зависимо от цели совершения данного деяния. Мы, в свою очередь, полагаем, что такой подход законодателя не содержит в себе системности, что умаляет эффективность реализации охранительного направления уголовно-правового обеспечения ОРД.

Дифференциация уголовно-правового реагирования на различные виды фальсификации результатов ОРД

Подделка, искажение, подмена подлинной информации или ее носителя, огражающих результаты ОРД	Цель фальсификации		Норма	Максимальное наказание
	Уголовное преследование лица, заведомо не причастного к совершению преступления	Сопряженное с уголовным преследованием лица по преступлениям небольшой или средней тяжести	ч. 4 ст. 303 УК РФ	Лишение свободы на срок до четырех лет
		Сопряженное с уголовным преследованием лица по тяжким или особо тяжким преступлениям		
	Причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации личности		ч. 4 ст. 303 УК РФ	
	Непривлечение к уголовной ответственности лица, заведомо причастного к совершению преступления		ч. 2 ст. 292 УК РФ	Лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права
	Улучшение показателей служебной деятельности		ч. 2 ст. 292 УК РФ	занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового
	без специальной цели		ч. 2 ст. 292 УК РФ	

Продемонстрированное состояние законодательства демонстрирует отсутствие должной дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию результатов ОРД. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, не учитывается разнообразие возможностей по направленности умысла субъекта фальсификации результатов ОРД. Во-вторых, не учитывается степень общественной опасности деяния, что выражается в крайне скудных условиях для индивидуализации наказания судом.

Вынужденные способы квалификации несопоставимы с общественной опасностью принципиально разных видов фальсификации. В то же время, в структуре ст. 303 УК РФ законодатель уделяет большее внимание дифференциации доказательств по уголовному делу. Например, отдельной нормой предусмотрена ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу без указания какой-либо специальной цели (ч. 2 ст. 303 УК РФ), но аналогичного состава преступления в отношении результатов ОРД не имеется. Такая несопоставимость подходов к уголовно-правовому предупреждению фальсификации в различных сферах правоохранительной деятельности, непосредственно связанных с правосудием, мы считаем несправедливой и необоснованной.

Для разрешения рассматриваемой проблемы предлагаем:

1. Расширить действие ст. 303 УК РФ в части квалификации фальсификации результатов ОРД путём исключения из ч. 4 такого конструктивного признака состава как цель;

2. Дифференцировать уголовную ответственность за различные виды фальсификации результатов ОРД по структуре ст. 303 УК РФ, в зависимости от общественной опасности содеянного путем формирования отдельных квалифицированных составов по направленности умысла виновного лица:

– за фальсификацию без специальной цели, как это предусмотрено ч. 2 ст. 303 УК РФ;

– в рамках одной нормы предлагается предусмотреть ответственность за фальсификацию, совершенную как с целью уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, так или с целью непривлечения к уголовной ответственности заведомо причастного лица. Объясняется такое решение необходимостью сохранения системности уголовного законодательства в определении общественной опасности подобного рода поведения, в частности, сравнение санкций ч. 1 ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности) и ст. 300 УК РФ (незаконное освобождение от уголовной ответственности) демонстрирует, что данные цели по характеру общественной опасности тождественны друг другу.

Исходя из вышесказанного, с учетом того, что фальсификация результатов ОРД может осуществляться не только в тех целях, которые

Ивенин В.О. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности предусмотрены действующим уголовным законодательством, (например, с целью улучшения показателей служебной деятельности), **предлагаем:**

1. **изложить ч. 4 ст. 303 УК РФ** в следующей редакции:

«4. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий,

- наказывается (категория преступления средней тяжести)»;

2. **дополнить ст. 303 УК РФ:**

2.1. **частью пятой** следующего содержания:

«5. Деяние, предусмотренное частью четвертой настоящей статьи, сопряженное с целью уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, а равно с целью непривлечения к уголовной ответственности лица, заведомо причастного к совершению преступления - наказывается (категория преступления: средней тяжести)»;

2.2. **Частью шестой** следующего содержания

«6. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности по тяжкому или особо тяжкому преступлению» - наказывается (категория преступления: тяжкое)»;

2.3. **Частью седьмой** следующего содержания

«7. То же деяние, повлекшее тяжкие последствия - наказывается (категория преступления: тяжкое)»;

3. **примечанием** следующего содержания:

«Под заведомо причастным к совершению преступления в части пятой настоящей статьи понимается лицо, в отношении которого у виновного имеются достоверные сведения о том, что оно подготавливает, совершает или совершило преступление».

Список литературы

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с. // СПС КонсультантПлюс.

Лапунова Юлия Андреевна,

доцент кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России, кандидат юридических наук

Бегунов Александр Юрьевич,

начальник кафедры организации оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России

**Влияние несовершенства уголовно-правового законодательства на
осуществление оперативно-разыскной деятельности
по выявлению и раскрытию преступлений,
совершаемых на религиозной почве**

Еще в 2012 году Президент Российской Федерации в одном из своих выступлений обратил внимание на общественную опасность преступлений, совершаемых на религиозной почве: «Свобода вероисповедания в России должна сохраниться, но тоталитарные секты опасны для россиян... Это не только охота за душами, но и за имуществом...». Необходимо «усилить контроль за деятельностью сомнительных религиозных организаций, усовершенствовать как федеральные, так и региональные законы, регулирующие деятельность сект»¹. Однако, как показывает проведенное авторами исследование, до настоящего времени эта проблема для личности, общества и государства в целом, по-прежнему остается актуальной.

Под преступлениями, совершаемыми на религиозной почве, авторами понимаются уголовно наказуемые, виновно совершенные с прямым умыслом деяния, посягающие на интересы личности, общества и государства в сфере религиозных правоотношений, а также деяния, при совершении которых религиозная основа может выступать в качестве условия (средства), обеспечивающего его подготовку, совершение и (или) сокрытие следов его совершения.

Проведенное авторами изучение противоправных деяний, совершаемых на религиозной почве, позволило их классифицировать на:

1. Преступления экстремистской направленности, совершаемые и совершенные по мотивам ... религиозной ненависти (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ).

2. Преступления, ориентированные непосредственно на создание и организацию деятельности криминальных религиозных объединений (ст. 239 и 282.2 УК РФ и др.).

3. Преступления, посягающие на интересы личности, общества и государства в сфере религиозных правоотношений (ст.ст. 136, 148, 357 УК РФ).

---

¹ Кривякина Е. Владимир Путин о тоталитарных сектах: «Это не только охота за душами, это охота за имуществом!» // <https://www.kp.ru/daily/25973.4/2909267/> (дата обращения: 15.01.2020).

4. Преступления, при совершении которых религиозная основа является условием или средством обеспечения совершения преступлений общеуголовной направленности (ст.ст. 110, 110.1, 110.2, 127, 131, 132, 133, 134, 156, 159, 171, 228, 230, 245 УК РФ).

Данная классификация представляет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку позволит более глубоко исследовать состав преступлений. Кроме того, данная классификация позволит более точно на первоначальном этапе раскрытия и расследования данных преступлений определить субъекты данной оперативно-служебной деятельности.

Вместе с тем, в ходе исследования представилось возможным выявить определенные уязвимости норм уголовного законодательства, которые могут способствовать нарушению основного принципа – неотвратимости наказания за совершение деликта. Выявление недостатков отдельных норм в рассматриваемой сфере, позволит сконцентрировать усилия законодателей на их совершенствовании.

Рассмотрим отдельные составы преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Статья 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий

Диспозиция данной статьи предусматривает наличие специальной цели – оскорбление религиозных чувств верующих. Существенным недостатком данной конструкции является не в полной мере реализация конституционной нормы, обеспечивающей право каждого не исповедовать никакой религии (статья 28 Конституции РФ), а именно не обеспечивается охрана чувств атеистов.

Статья 239. Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан

Проведенное исследование показало, что самостоятельно данная норма не применяется исключительно возбуждается по совокупности статей. Следует отметить, что основным объектом данного преступления является здоровье населения, дополнительным же объектом выступает здоровье, точнее телесная неприкосновенность человека.

Как показало проведенное исследование, значительным недостатком данной диспозиции является тот факт, что объективная сторона включает только телесное причинение вреда здоровью, что по сути исключает событие преступления при причинении психологического либо психического вреда здоровью в подобных группах.

Кроме того, авторами выявлен некоторое противоречие: с одной стороны, псевдорелигиозные группы, являясь одним из основных субъектов совершения преступлений на религиозной почве, обладают признаками, позволяющими их идентифицировать с организованными преступными сообществами, а с другой стороны, наличие специальной статей, исключает документирование, к примеру ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Рассмотрим более подробно обозначенные признаки.

Уголовно-правовые признаки	Псевдорелигиозные группы	Организованные преступные сообщества	Организованные преступные группы
Устойчивость	+	+	+
Сплоченность	+	+	
Объединение организованных групп	+	+	
Совершение исключительно тяжких и особо тяжких преступлений	в отдельных случаях	+	
Совершение преступлений всех категорий тяжести	+		+
Совершение общеуголовных преступлений	Совершение корыстных преступлений	+	+
Совершение преступлений по религиозному мотиву	+		
Получение финансовой или иной материальной выгоды как основная цель	Характерно для экономико-корыстных сообществ	+	+
Сложная иерархическая система построения с разграничением функций участников	+	+	
Использование коррупции работников органов власти и управления и правоохранительных органов для обеспечения безопасности своей деятельности	+	+	
Влияние на решения органов власти, политическая цель, изменение конституционного строя	+	+	
Наличие «своего» печатного органа или интернет-ресурса с целью вербовки новых членов и создания благоприятного имиджа своей организации	+	+	
Транснациональные преступные связи	+	+	

Можно констатировать, что определенные несовершенства уголовного-правового законодательства в сфере преступлений, совершаемых на религиозной почве, не позволяют в полной мере реализовывать принцип неотвратимости наказания. В связи с чем, особое значение приобретает

Лапунова Ю.А., Бегунов А.Ю. Влияние несовершенства уголовно-правового законодательства на осуществление оперативно-разыскной деятельности ...

профилактика данной группы преступлений, к основным организационным мероприятиям в рамках которой следует отнести:

1. Определение субъектов и их полномочий в сфере противодействия данным преступлениям.
2. Изучение оперативной обстановки, выявление и возможное устранение причин и условий.
3. Своевременное получение первичной информации, представляющей оперативный интерес и незамедлительное проведение оперативно-разыскных мероприятий.
4. Профилактическая работа с населением (группами, потенциальными жертвами).
5. Эффективное взаимодействие с институтами гражданского общества.

Список литературы

1. Кривякина Е. Владимир Путин о тоталитарных сектах: «Это не только охота за душами, это охота за имуществом!» // <https://www.kp.ru/daily/25973.4/2909267/>.

Луценко Евгений Владимирович,

доцент (специалист) кафедры
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Нижегородская академия МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению краж и угонов автотранспортных средств

Борьба с преступностью представляет собой сложный процесс, основным содержанием которого является раскрытие и предупреждение преступлений. На современном этапе наиглавнейшим направлением деятельности органов внутренних дел является профилактическая работа. Применительно к борьбе с кражами и угонами автотранспортных средств целенаправленная профилактическая деятельность имеет широкие перспективы. Здесь должны быть учтены самые разнообразные факторы, использованы наиболее прогрессивные формы и методы превентивного воздействия на криминогенный элемент силами подразделений органов внутренних дел.

В условиях роста преступности, обусловленного противоречиями рыночного реформирования российского общества, социальная значимость предупреждения преступлений объективно возрастает. Профилактика, обеспечивая выявление и устранение (нейтрализацию) истоков преступности, во многом упреждая саму возможность совершения преступлений. Она прерывает замысел или начатую преступную деятельность, позволяет вести борьбу с преступностью наиболее гуманными способами, с наименьшими издержками, без полного задействования механизма уголовной юстиции, путем ограничения сферы уголовного наказания как суровой и далеко не всегда эффективной формы государственного принуждения.

К сожалению, многие практические работники зачастую считают, что профилактика несовместима с нарастающим валом преступности. Не случайно главным критерием эффективности деятельности органов внутренних дел продолжает оставаться раскрываемость преступлений, на достижение высокого показателя которой направлены усилия оперативных подразделений. Доминирующая ориентация на показатель, изначально нацеленный на достижение стопроцентной отметки, на практике не только порождает укрытие преступлений от учета, но и снижает результаты работы по их предупреждению. Опросы и анкетирование сотрудников полиции показывают, что большинство респондентов (67%) оценивают состояние профилактической работы как неудовлетворительное.

В силу различного рода причин сотрудники органов внутренних дел не заинтересованы, либо не имеют возможности реально осуществлять профилактическую работу. Конечно, как и прежде, большое внимание уделяется проведению комплексных оперативно-профилактических операций. Так, в процессе осуществления оперативно-профилактических

операций по предупреждению краж автотранспорта проводятся проверка лиц, склонных к совершению данных преступлений, и профилактические беседы с ними; выявляются лица, замышляющие, подготавливающие или совершившие кражи автотранспорта; выявляется и изымается похищенный автотранспорт. Это достигается путем осуществления как гласных, так и негласных оперативно-разыскных мероприятий. Рейды и комплексные операции способствуют предотвращению преступлений и достигают поставленной перед ними цели в том случае, если они тщательно подготовлены, носят четко выраженный временной характер, для их осуществления задействовано необходимое количество сил и средств.

Однако при всей их важности в выявлении конкретных причин и условий краж автотранспорта, оперативном реагировании на них, вряд ли такие операции могут заменить повседневную работу по предупреждению краж автотранспорта с использованием возможностей и потенциала оперативно-разыскной деятельности. Предупреждение и пресечение преступных посягательств на автотранспортные средства подразделения уголовного розыска осуществляют, главным образом, путем проведения мероприятий, направленных на ликвидацию конкретных условий, способствующих их совершению, а также выявления лиц, от которых, судя по их общественному поведению, можно ожидать совершения преступления.

Основой эффективного предупреждения краж и угонов автотранспортных средств является оперативно-разыскная и иная информация, позволяющая не допустить возникновения или осуществления преступного замысла. Необходимо осуществлять сбор информации о причинах и условиях совершения краж и угонов автотранспорта, а также повышать уровень правовой разъяснительной работы среди владельцев автомобилей. Особое место в этой работе занимают сотрудники ГИБДД, ДПС, ППС, участковые уполномоченные, которые принимают соответствующие профилактические меры на основе анализа имеющейся информации.

Так, оперативный состав подразделений уголовного розыска участвует в проведении инструктажей патрульно-постовых нарядов, информирует их о совершенных преступлениях, характерных приметах преступников и автотранспорта. При проведении пожарно-технических обследований автомобильных предприятий и гаражей коллективного пользования им могут оказать помощь работники противопожарной службы¹.

Важную роль в предупреждении краж и угонов автотранспортных средств играют следующие меры, осуществляемые органами внутренних дел, в том числе и подразделениями уголовного розыска:

1. Правовая пропаганда среди автолюбителей и лиц, работающих в сфере производства, ремонта, эксплуатации и технического обслуживания автотранспорта, а также среди населения. На сегодняшний день отдельные

---

¹ Башкирева Н.Н. Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере криминального автобизнеса (по материалам приграничных регионов) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Калининград , 2001.

граждане, особенно молодые люди, не знают, какие меры ответственности предусмотрены уголовным законодательством за совершение данных преступлений (особенно за угон автотранспортных средств). Целесообразно указывать факты ненадлежащего хранения автотранспорта, рекомендовать меры, препятствующие совершению посягательств на эти объекты (в частности, установка определенных противоугонных устройств). Следует информировать население о задержании угонщиков и похитителей транспортных средств, фактах приобретения отдельными лицами краденых запасных частей, автотранспортных средств. Необходимо разъяснить, как должен вести себя водитель в случае угона принадлежащего ему или другому водителю транспортного средства.

2. Информирование органами внутренних дел администрации предприятий, учреждений, организаций об обстоятельствах, способствующих совершению краж и угонов автотранспортных средств, и внесение предложений по их устранению.

3. Усиление ответственности руководителей автохозяйств, предприятий автосервиса, автошкол и автоклубов за проведение мероприятий по предупреждению краж и угонов автотранспортных средств.

4. Проверка состояния хранения автотранспортных средств вне мест организованных стоянок (улицы, площади, дворы и т.д.).

5. Проверка состояния и хранения транспорта в автохозяйствах, гаражах индивидуальных владельцев, а также на станциях технического обслуживания и платных стоянках.

6. Выступления работников полиции в печати, по радио и телевидению по вопросам борьбы с кражами и угонами автотранспортных средств с использованием наглядных примеров последствий совершенных преступлений, с упоминанием о типичных случаях беспечности индивидуальных владельцев транспортных средств и других водителей, приведших к их угону или краже, о противоправном поведении тех лиц, которые купили у преступников краденые автозапчасти.

7. Закрытие каналов сбыта похищенных транспортных средств и отдельных их частей.

В предупредительной деятельности подразделений уголовного розыска важное место отводится оперативно-разыскным и иным мероприятиям, обеспечивающим своевременное выявление лиц, подготавливающих данные преступления или покушающихся на них. К таким лицам относятся:

- ранее судимые или привлекавшиеся к другим видам ответственности за совершение краж и угонов автотранспортных средств, запасных частей и автомобильных деталей, умышленное уничтожение или повреждение автотранспортных средств;

- судимые за другие виды краж, разбои, грабежи, хулиганства (имеющие личные автотранспортные средства или обладающие навыками их управления);

- лица, обладающие водительской или близкой к ней специальностью (механики, автослесари, ремонтники и т.п.), образ жизни которых и антиобщественное поведение предполагают возможность совершения указанных преступлений;

- несовершеннолетние и молодежь (в том числе не учащиеся и не работающие), группирующиеся на антисоциальной основе и проявляющие «нездоровый» интерес к автотранспортным средствам, часто появляющиеся в местах сбыта запчастей, ремонта техники;

- лица, неофициально занимающиеся ремонтом транспортных средств индивидуальных владельцев, перепродажей запчастей к автомашинам.

Различную информацию о таких лицах можно получить в ходе оперативно-разыскных мероприятий.

Важную роль в предупреждении краж и угонов автотранспортных средств играют и сами их владельцы, устанавливая различные защитные противоугонные приспособления. Одни из них препятствуют проникновению в автомобиль, другие – запуску двигателя, третьи – не позволяют воспользоваться рулевым управлением или коробкой передач и т.п., однако владельцы автотранспортных средств иногда не знают об эффективности действия того или иного противоугонного устройства, а их приобретение и установка связаны с определенными затратами. В то же время профессионального преступника не остановит никакое противоугонное устройство (проблема лишь во времени). Поэтому применение противоугонных устройств не дает гарантии от краж или угонов автомобиля, хотя они могут привлечь внимание окружающих светозвуковыми сигналами и выиграть некоторое время в пользу владельца. Эффективное использование противоугонных устройств может в значительной мере сократить количество посягательств, поскольку многие лица не обладают достаточными навыками для устранения вышеперечисленных препятствий и совершают, как правило, кражу тех транспортных средств, владельцы которых не принимают специальных предупредительных мер¹.

Важной задачей в деле повышения эффективности деятельности по предупреждению краж и угонов автотранспортных средств также является правильная организация оперативно-справочных учетов, учетов автоматизированных баз данных и активное использование современных технических средств.

Известно, что лица, склонные к совершению краж автотранспорта, должны выявляться, тщательно изучаться и ставиться на оперативный учет. Уголовные элементы в большинстве случаев совершают свои деяния не внезапно, без подготовки, а продумывают порядок действий, ведут тщательную «разведку». На их выявление необходимо направлять опытных негласных сотрудников, постоянно инструктировать, учить и контролировать их. Практика показывает, что в традиционных местах сбыта похищенного

---

¹ Горенская Е.В. Береги железного «коня» // Интерпол в России. № 4. 2000.

автотранспорта часто концентрируются лица, с одной стороны, хорошо осведомленные о конъюнктуре спроса на «нужный товар», а с другой – поддерживающие постоянные связи с похитителями транспортных средств. Выступая в роли посредников, они обеспечивают сбыт похищенного и получают за это определенное вознаграждение от обеих сторон.

Выявлению лиц, намеривающихся совершить рассматриваемые преступления, способствует взаимная информация служб и подразделений органов внутренних дел. Она дает возможность заранее сориентироваться в обстановке определенного региона, узнать о способах действий уголовных элементов и своевременно принять соответствующие меры.

Оперативный сотрудник, выявив лицо, замышляющее или подготавливающее кражу, угон транспортных средств, в зависимости от стадии развития преступления, личности проверяемого, а также места и способа совершения преступления, определяет тактические приемы его предупреждения:

- склоняет выявленных лиц к отказу от преступных замыслов и действий;
- проводит индивидуальную профилактическую работу в виде бесед с такими лицами, гражданами;
- воздействует на них через родственников, знакомых, друзей, представителей администрации и общественности по месту работы;
- создает условия, исключающие совершение преступлений;
- задерживает и привлекает к ответственности за приготовление к угону, краже транспортных средств или совершение иного преступления.

Увеличение числа преступлений в значительной мере обусловлено неудовлетворительной организацией работы по их предупреждению. Так, например, преступные посягательства на автотранспортные средства, находящиеся в гаражах индивидуальных владельцев, совершались в большинстве случаев там, где охрана отсутствовала. Информация о таких преступлениях поступает в органы внутренних дел с большим опозданием, что крайне затрудняет розыск автотранспорта и раскрытие преступления. В настоящее время, как уже было сказано, основная нагрузка по осуществлению профилактических мероприятий в борьбе с кражами автомашин и запчастей лежит на подразделениях уголовного розыска¹. Определенный вклад в эту работу вносят службы ГИБДД, участковых уполномоченных полиции и следствия. Роль же других служб в данном процессе практически мало просматривается. Это объясняется тем, что еще не везде борьба с рассматриваемым видом преступления носит наступательный характер. Представляется, что усиление роли профилактической работы в общепредупредительной деятельности, повышение уровня индивидуально-воспитательного воздействия на лиц, намеревающихся совершить посягательство на автотранспорт, должны стать предметом повседневной

---

¹ Корнелюк В.С. Особенности расследования краж автотранспортных средств : учеб.-метод. пособие. Волгоград, 2001.

Луценко Е.В. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению краж и угонов автотранспортных средств

работы органов внутренних дел. Но наряду с повышением роли предупреждения рассматриваемого вида преступлений, необходимо правильно организовать и тактически спланировать розыск угнанного или похищенного транспорта, иначе борьба с похитителями и угонщиками автотранспортных средств окажется мало эффективной.

Список литературы

Башкирева Н.Н. Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере криминального автобизнеса (по материалам приграничных регионов): автореф. дис. канд. юрид. наук. Калининград, 2001.

Горенская Е.В. Береги железного «коня» // Интерпол в России. № 4. 2000.

Корнелюк В.С. Особенности расследования краж автотранспортных средств : учеб.- метод. пособие. Волгоград, 2001.

**Актуальные вопросы отнесения технических устройств
к категории специальных технических средств,
предназначенных для негласного получения информации**

Как в уголовном, так и в оперативно-разыском законодательстве понятия «специальные технические» (далее – СТС) и «иные технические» средства, предназначенные для негласного получения информации, разграничены.

Статья 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») допускает при проведении ОРМ применение информационных систем, фотосъемки, аудио- и видеозаписи, а также других технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде. Одновременно запрещается проводить ОРМ и *использовать специальные и иные технические средства, предназначенные для негласного получения информации* не уполномоченными на то Законом «Об ОРД» физическими и юридическими лицами. СТС являются средством осуществления ОРД.

Запрещая лицам, не являющимся субъектами ОРД, негласно применять обе категории техники, законодатель в ст. 138¹ УК РФ устанавливает уголовную ответственность за противоправный оборот именно «специальной техники». К нему (обороту) отнесены действия по производству, приобретению и (или) сбыту, совершенные без получения соответствующей лицензии в подразделении ФСБ РФ или с нарушением правил лицензирования. С точки зрения уголовного закона СТС являются предметом указанного преступления и средством совершения многих преступлений, посягающих на охраняемую законом тайну.

Таким образом, уголовно наказуем только оборот «специальных», но не «иных» технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В чем разница между этими категориями? Ответ на данный вопрос может вызвать затруднение. Так, 14 декабря 2017 года в ходе ежегодной большой пресс-конференции В.В. Путину задали вопрос о судьбе многодетного жителя Курганской области Евгения Васильева, которого судили за незаконный оборот «шпионских» устройств. Фермер стал фигурантом уголовного дела после того, как купил в интернет-магазине GPS-трекер со встроенным микрофоном, который понадобился крестьянину для слежки за собственным теленком. Мужчина заказал GPS-трекер в одном из популярных китайских интернет-магазинов. Глава государства заявил, что

Петроченков С.Д. Актуальные вопросы отнесения технических устройств к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного ...

не видит в покупке трекера ничего криминального и пообещал отрегулировать этот вопрос¹.

До этого момента и, конечно же, после прямой линии с Президентом России попытки раскрыть признаки СТС предпринимались неоднократно: в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2011 г. № 3-П², в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 г. № 46³ и в федеральном законе от 2 августа 2019 г. № 308-ФЗ⁴. В результате последних изменений в примечании к ст. 138¹ УК РФ закреплено определение СТС, под которыми в УК РФ понимаются *приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения и (или) на другие объекты и программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намерено приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя.*

Внесенные изменения, безусловно, способствуют развитию уголовного закона. Вместе с тем, даже новая законодательная формулировка не лишена недостатков. Один из таких недостатков заключается в том, что новая редакция статьи не изменяет редакцию Постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2000 г. № 214 (далее – Постановление Правительства РФ № 214), к которому для определения типов СТС и их признаков отсылает бланкетная норма ст. 138¹ УК РФ⁵. В соответствии с указанным постановлением перечень СТС включает в себя список из десяти категорий технических устройств, к числу которых в частности относятся средства для негласного визуального наблюдения и документирования; негласного аудиального контроля; негласного проникновения и обследования

---

¹ Сайт компании МК RU. URL: <http://www.mk.ru/politics/2017/12/14/putin-zainteresovalsya-delom-fermera-kotorogo-sudyat-za-gpstreker-dlya-telenka.html> (дата обращения: 27.03.2018).

² По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 16.03.2018).

³ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46. URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 06.01.2019).

⁴ О внесении изменения в статью 138¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 308-ФЗ. URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.08.2019).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2000 г. № 214 «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 12. Ст. 1292 (с послед. изм. и доп.).

помещений, транспортных средств и других объектов; негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов. При этом признаки такой техники или не указаны или не являются исчерпывающими и могут характеризовать, как оперативную, так и не запрещенную в обороте технику.

Из видеозаписывающей аппаратуры, пожалуй, только *камуфлированные камеры* и камеры *PINE-HOLE* безусловно могут быть отнесены к категории СТС. При негласной съемке объектов замаскированной аппаратурой камеры укрываются в различных предметах, которые выбираются так, чтобы они выглядели естественными на фоне окружающей обстановки. Например, для городской улицы таким предметом может стать портфель, дамская сумочка в руке сотрудника, фара или радиантенна автомобиля, мобильный телефон, пачка сигарет; для служебного помещения – настенные часы, книга и т.д. Камуфлированные камеры успешно применяются оперативными сотрудниками при документировании взяточничества и коммерческого подкупа, незаконного оборота наркотиков, ряда других преступлений. Камеры *PINE-HOLE* встраиваются в предметы интерьера, ими оборудуются помещения, в которых происходит наблюдение за лицами, представляющими оперативных интерес.

В отличие от указанных типов камер в настоящее время довольно распространены разрешенные в обороте экшен-камеры, а также малогабаритные и бескорпусные камеры, использование которых также может осуществляться в противоправных целях.

В свободном обороте можно встретить «экшен-камеры» самой разнообразной формы: в виде солнечных очков, в виде фонаря, наручных часов и т.д. Камера в них скрыта, но не камуфлирована. Указанные образцы предназначены для экстремального отдыха, а не для скрытой видеозаписи¹. Смарт-часы, имея чисто бытовое назначение и внешний вид не выдающий наличие в них камеры, позволяют вести негласно аудио-и видеозапись². Камеры, размещенные в корпусах охранных и пожарных датчиков, могут входить в состав систем безопасности организации³.

Некоторые технические средства не камуфлируются в принципе, при этом сами по себе являются миниатюрными, сохраняя при умелом использовании возможность ведения скрытой записи. Примером таких технических средств в частности являются мини-камеры «Ambertek», «КАРКАМ СВН-7С». Мини Wi-Fi камера «КАРКАМ СВН-7С» является бескорпусной камерой Full HD разрешения с ИК-подсветкой. Длина зрачка камеры составляет меньше 1 см, вес камеры –154 г. Устройство поддерживает карты памяти до 32 гигабайт, что позволяет камере вести непрерывную запись в течение 40 часов. Камера оснащена 4-мя ИК-светодиодами, что позволяет

¹ Он-лайн магазин по продаже экшен-камер. URL: <http://www.actioncams.ru> (дата обращения 16.10.2019).

² Сайт Smart-Planets.ru. URL: <http://www.smart-planets.ru> (дата обращения 18.12.2018).

³ Интернет-сайт «Системы видеонаблюдения для дома и офиса». URL: <http://www.videoglazok.ru/about.htm> (дата обращения: 16.10.2019).

производить запись даже при полном отсутствии освещения. Емкий аккумулятор позволяет камере обходиться без внешнего питания от 7 до 10 часов¹. Такая камера не запрещена в продаже, так как не является камуфлированной, однако при желании ее не сложно закамуфлировать под предметы бытовой обстановки.

Беспилотные летательные аппараты (далее – БЛА), позволяют вести негласную съемку объектов аппаратурой видеозаписи. В системе МВД РФ БЛА применяются уже не первый год. В 2010 году было объявлено о крупном успехе российских БЛА в МВД, при помощи которых было прекращено хищение цветного металла на Байконуре. Небольшой БЛА с электродвигателем оказался практически неотличим от птицы, и при огромном выигрыше перед вертолетом в эксплуатационных расходах позволил полностью решить проблему. Хищение кабеля на Байконуре прекратилось².

Системы интеллектуального видеонаблюдения в наши дни эффективно используются сотрудниками оперативных подразделений. Система «Поток» позволяет получать информацию о владельце автомобиля, времени и маршруте перемещения. Московский метрополитен в преддверии чемпионата мира по футболу 2018 года запустил *систему распознавания лиц*, работающую с помощью камер видеонаблюдения. Программа способна распознавать до 20 лиц в секунду, которые она сверяет с фотографиями из базы федерального розыска³. И хотя сами камеры, располагаются в общедоступных местах и не скрываются, тем не менее, обладают ли они способностью к распознаванию лиц или номерных знаков транспортных средств не раскрывается. По сути, информация в данном случае получается негласно.

Для негласного визуального наблюдения также может применяться продукция, оборот которой в принципе не может быть ограничен: оптико-механические приборы, приборы ночного видения, тепловизоры, эндоскопы.

Свободный оборот «шпионской техники» не ограничивается техническими устройствами негласного визуального наблюдения и документирования. Для акустического контроля источников звуков на расстоянии от объекта наблюдения используются направленные микрофоны⁴. К их числу относится техника, принятая на снабжение оперативных подразделений. Вместе с тем, грань между запрещенной и разрешенной техникой достаточно тонкая. Так, в открытой продаже могут находиться такие устройства, как «Супер Ухо-100». В аннотации к нему отмечено, что прибор предназначен «для наблюдения за жизнью лесных птиц и дикой природы». При этом указано, что прибор «позволяет слышать даже самое слабое пение

¹ Сайт КАРКАМ ЭЛЕКТРОНИКС. URL: <https://carcam.ru>. (дата обращения 31.05.2019).

² Сайт ZALA AERO GROUP БЕСПИЛОТНЫЕ СИСТЕМЫ. URL: <http://zala.aero/category/applications/safety/obnaruzhenie>. (дата обращения 25.11.2018).

³ Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/30105073>. (дата обращения 22.11.2018).

⁴ Интернет-сайт «PHP FUSION». URL: http://gman1990.ru/articles.php?article_id=44 (дата обращения: 12.12.2018).

птиц, или негромкий разговор, или шумы на расстоянии более 100 м»¹. Очевидно, что продавцы не указывают главное назначение технического устройства – негласное ознакомление с содержанием разговоров.

Для негласного наблюдения за перемещением транспортных средств является применение трекеров навигационных систем GPS или ГЛОНАСС. Их использование позволяют определить точное местонахождение и маршрут передвижения транспортного средства. Аппаратура спутниковой навигации (в том числе в камуфлированном виде) может прикрепляться к транспортным средствам, используемым злоумышленниками, вследствие чего обеспечивается техническая возможность наблюдения за действиями лиц, находящихся в оперативной разработке.

Переносная малогабаритная рентгеноскопическая и рентгенотелевизионная аппаратура используются для поиска оружия, наркотиков, контрабандных вложений в закрытых полостях транспортных средств, применяются носимые рентгеновские сканер скрытых полостей.

Современным направлением развития рентгенотелевизионных систем является оснащение объектов транспортной инфраструктуры технологиями сканирования. К их числу относится многофункциональная система «Дозор». Она размещается в серийно выпускаемом фургоне, который с виду никаким образом не отличающегося от похожих на него транспортных средств. Система предназначена для обнаружения взрывчатых веществ, оружия, наркотических средств, людей, скрытых в транспортных средствах, грузах, легких помещениях и других объектах².

Следует отметить, что рентгеновские сканеры применяются не только сотрудниками правоохранительных органов. Их используют для обнаружения дефектов в изделиях и материалах в качестве одного из методов неразрушающего контроля. В этом случае основными областями их применения являются автомобильная промышленность, металлургия, нефтегазовая отрасль. При помощи рентгеновских сканеров проводится проверка предметов живописи на подлинность и наличие скрытых слоев.

Таким образом, несмотря на очевидные преимущества новой законодательной формулировки ст. 138¹ УК РФ – это лишь начало процесса совершенствования законодательства в сфере оборота СТС. Для их некоторых категорий, указанных в Постановлении Правительства РФ № 214, изложенные признаки устарели и уже не актуальны. Поэтому в этот документ необходимо внести следующие изменения:

1) исключить из категории СТС для негласного визуального наблюдения и документирования: отсутствие визира, наличие вынесенных органов управления камерой, технические характеристики, характеризующие

---

¹ Интернет-сайт «ТМ Техноман». URL: <https://www.tehnoman.ru/superuho10> (дата обращения: 12.12.2018).

² Сайт компании «Росскан». URL: <http://www.all-satcom.ru/wp-content/uploads/Rosscan.pdf>. (дата обращения 23.11.2018).

Петроченков С.Д. Актуальные вопросы отнесения технических устройств к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного ...

возможность работы при низкой освещенности объекта или при низкой освещенности на приемном элементе

2) исключить из категории СТС для негласного исследования предметов и документов, а также СТС для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов переносную малогабаритную рентгеноскопическую и рентгенотелевизионную аппаратуру.

Оперативно-разыскные аспекты противодействия отдельным видам мошенничества

Состояние преступности в Российской Федерации в настоящее время характеризуется постоянным развитием новых форм посягательств. При этом корыстная преступность в российском государстве, фактически является доминирующей, что указывает на напряженную социально-экономическую ситуацию в стране. Мировой экономический кризис нанес серьезный ущерб жизни и благосостоянию многих людей, а это не могло не отразиться на уровне имущественной преступности. Прогнозы специалистов по этому поводу продолжают оставаться неутешительными и, так как последствия кризиса в России еще не до конца ликвидированы, отметка имущественной преступности продолжит свой рост. В связи с этим ОВД и гражданам необходимо обратить пристальное внимание на новые виды и способы мошенничеств общеуголовной направленности как один из самых опасных видов корыстных преступлений в РФ на сегодняшний день. В значительной степени осложняет борьбу оперативных подразделений ОВД с данным видом посягательств то, что злоумышленниками активно используются в противоправных целях достижения науки и техники.

Соответствующим ответом российского государства на появление новых видов и способов мошеннических действий является принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В указанном нормативном акте отражены нормы ответственности за различные виды мошенничества - ответственность за мошенничество теперь предусмотрена в шести статьях УК РФ (ст. ст. 159-159.6 УК РФ).

Необходимость внесенных изменений и дополнений объяснялась развитием в стране экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасли страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг, которые неизбежно порождают новые схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество¹.

При описании составов новых видов мошенничества законодатель ориентировался на то, что посягательства совершаются в определенной

---

¹ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

области (сфере) отношений либо с использованием определенных технологических средств (инструментов). Скажем, ст. 159.1 УК РФ указывает на сферу кредитования (мошенничество в сфере кредитования), а ст. 159.3 УК РФ - на использование инструментов финансового рынка - кредитные, расчетные и иные карты (мошенничество с использованием платежных карт). Особый вид мошенничества представляет мошенничество в сфере компьютерной информации - ст. 159.6 УК РФ. Правильнее было бы указать, что преступление совершается с использованием компьютерных технологий, поскольку особой сферы они (технологии) не образуют, а обеспечивают функционирование и защиту иных сфер деятельности человека.

При этом, как показывает практика в Российской Федерации можно выделить следующие наиболее распространенные способы мошенничества:

1. Под предлогом гадания или снятия порчи;
2. Под предлогом оказания социальной или медицинской помощи;
3. С помощью средств сотовой связи.

В первых двух случаях потерпевшие на слово верят злоумышленникам и сами впускают их в жилище. Дальше преступники действуют по привычной схеме: усыпляют бдительность граждан и обманным путем получают от них денежные средства, драгоценности и другое имущество.

На третьем способе следует остановиться подробнее, так как преступления, связанные с незаконным доступом и использованием ресурсами (услугами) сотовой связи во всем мире имеют устойчивую тенденцию к росту. Пожалуй, одними из первых в России проанализировали действующее уголовное законодательство в сетях сотовой связи некоторых стран Европы правоведы Г.В. Семенов, П.Н. Бирюков, которые провели своеобразную классификацию преступлений в этой сфере¹.

Анализируя законодательство европейских государств, можно прийти к выводу, что в Европе основными направлениями в сфере обеспечения информационной безопасности мобильной связи являются:

- 1) аутентификация абонентов и новый модуль защиты;
- 2) защита платежей;
- 3) обнаружение и пресечение мошенничества.

В отличие от европейских государств анализ мошеннических действий преобладающих в Российской Федерации показывает, что преступники с территории удаленных субъектов, а также из исправительных учреждений совершают телефонные звонки на номера абонентов сотовой и фиксированной связи, при этом существует несколько способов совершения преступлений:

- с помощью СМС сообщений о выигранном ценном призе. Потерпевшему на мобильный телефон приходит СМС-сообщение о выигранном автомобиле, ноутбуке, телевизоре или другом имуществе с просьбой перевода определенной суммы денег в качестве налога;

---

¹ Семенов Г.В., Бирюков П.Н. Ответственность за мошенничество в сетях сотовой связи. Воронеж, 2002., С.10.

- сообщение о попавшем в беду родственнике, когда преступники, представляясь сотрудниками правоохранительных органов, вымогают у потерпевших деньги. Потрясенные и взволнованные потерпевшие в данном случае сразу же без подробного выяснения всех обстоятельств, случившегося соглашаются на все условия злоумышленников и переводят денежные средства указанным ими способом.

При совершении данных мошенничеств, преступники получают деньги от потерпевших, используя «Блиц перевод» Сбербанка России или терминалы оплаты услуг мобильной связи. Преступник просит перечислить деньги через вышеуказанные средства на номера мобильных телефонов или на электронные денежные счета (например, Яндекс деньги).

Анализируя оперативно-разыскную практику, необходимо отметить, что такие преступления часто совершаются членами организованных преступных групп, с четким распределением ролей. Преступники обладают высоким интеллектуальным уровнем (применение узкоспециальных знаний различных областей науки, методов психологического воздействия) и используют различные средства обмана и маскировки (спецодежда социально-медицинских служб, униформа правоохранительных органов, косметические средства, парики и прочее). В основной своей массе данные преступления совершаются в отношении лиц престарелого возраста. В большинстве случаев преступники прибывают из других регионов, тщательно готовятся к совершению преступлений.

По мнению автора в целях повышения эффективности деятельности оперативно-разыскных подразделений по предупреждению данного вида мошенничеств необходимо на постоянной основе осуществлять следующие мероприятия:

1. Организация работы по проведению оперативно-разыскных мероприятий нацеленных на предупреждение данного вида преступлений.

2. Осуществление мер профилактического характера путем ориентирования негласного аппарата на выявление признаков мошеннических действий общеуголовной направленности, а также лиц причастных к совершению такого рода преступлений.

3. Проведение информационно – пропагандистской работы со СМИ по предупреждению данного вида преступлений.

4. Организация постоянной работы с криминалистическими, оперативно-справочными и розыскными учетами в отношении лиц, причастных к совершению мошенничеств.

5. Организация тесного взаимодействия по обмену информацией с подразделениями оперативно-разыскного направления других ведомств, а также территориальными подразделениями полиции и ОВД других регионов России.

Данная работа выполняется преимущественно оперативно-разыскными подразделениями уголовного розыска, специализирующимися на раскрытии соответствующих преступлений. Таким образом, борьба с мошенничествами

*Теткин Д.В. Оперативно-разыскные аспекты
противодействия отдельным видам мошенничества*

общеуголовной направленности требует грамотного и своевременного реагирования сотрудников полиции на действия преступников, взаимодействия всех подразделений (в том числе подразделений других регионов России и зарубежных стран) осуществляющих оперативно-разыскную деятельность по предупреждению, выявлению и раскрытию данного вида преступлений, а так же личной бдительности граждан при попытках совершения в отношении них мошеннических действий.

Список литературы

Семенов Г.В., Бирюков П.Н. Ответственность за мошенничество в сетях сотовой связи. Воронеж, 2002.

